

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

695

**ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ПОЗНАНИЯ**

Труды по философии

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 695 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ПОЗНАНИЯ

Труды по философии

Сборник, посвященный 60-летию члена-
корреспондента АН ЭССР, доктора философских
наук, профессора Яана Карловича Ребане

ТАРТУ 1984

Редколлегия: Л.Н. Столович (отв. редактор), Р.Н. Блом,
Р.А. Вихадим, Ю.И. Матюс, В.В. Зибен (сек-
ретарь).

Арх.

Терезь

Республика Беларусь

8183

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В.В. Зибен, И.Н. Грязин

Методологический принцип социальной памяти¹ является одним из вариантов конкретизации марксистско-ленинского положения о социальной сущности человека и познания. Этот принцип непосредственно ориентирован на реализацию требования В.И. Ленина: развивать теорию познания и диалектику на основе комплексного осмысления данных наук, освещающих как историческое развитие человеческого познания, так и его становления и развития в жизни отдельного индивида².

Нам, философам младшего поколения, сейчас ретроспективно трудно в полной мере оценить тот интеллектуальный фон, в условиях которого в начале 1960-х годов зародилась концепция Я.К. Ребане о социальной памяти. Очевидно одно — концепция социальной памяти направлена против тенденции превращения теории познания марксизма-ленинизма в "диалектизированный" вариант домарксистского сенсуализма, в простой пересказ данных психологии о чувственном познании и мышлении. В то же время мы можем дать оценку состоянию данной концепции в настоящее время и показать различные сферы ее применения на основании ряда диссертационных исследований, проведенных под руководством Я.К. Ребане.

В самом широком плане эта концепция имеет значение как концепция о "социальном наследовании", (о соотношении социального и биологического в человеке), о средствах накопления и передачи социально-культурной информации.

Социальную память автор характеризует как "накопленную в ходе социально-исторического развития информацию, зафиксированную в результатах практической и познавательной деятельности, передаваемую из поколения в поколение с помощью

¹ См.: библиографию работ Я.К. Ребане в данном сборнике.

² См.: В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 314.

социокультурных средств и являющуюся основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития".³ При этом в ней выделяются две стороны: социально-культурные средства, носители социальной памяти (сам человек как социально-программированное существо, а также орудия производства и о вещественные результаты труда, язык, системы объективных общественных отношений, возникшие на основе производственной деятельности) и значимая информация, т.е. накопленные знания, логическая структура мышления в широком смысле, принятие в обществе ценности и их фиксация в различных формах общественного сознания.

Принцип "социальной памяти" применяется для комплексного междисциплинарного описания и анализа социальной детерминации познания. Социальная память не есть сама по себе какая-либо субстанция и ее нельзя интерпретировать как попперовский третий мир: она является аналитической моделью, мыслительным инструментом философа (выступает как методологический принцип, установка). В этом плане теория познания оказывается теснейшим образом связанной с историческим материализмом. С другой стороны, принцип социальной памяти имеет эвристическую ценность в том смысле, что он дает возможность как бы по-новому посмотреть на многие проблемы, увидеть совершенно новые возможности. Основные возможные сферы применения принципа социальной памяти, как показывают работы Я.К. Ребана, его учеников и тех, кто использует этот принцип, следующие:

1. Комплексное, междисциплинарное осмысление данных современной науки для разработки проблем теории познания.

2. Изучение становления и развития познания и сознания индивида в социально-культурной среде.

3. Философское осмысление исторического становления и биологической предистории человеческого познания.

4. Раскрытие гносеологических корней идеалистических концепций, односторонне абсолютизирующих отдельные аспекты социальной памяти.

Эти применения методологического принципа социальной памяти могут быть конкретизированы в различных направлениях, как это и делается в статьях, представленных в настоящем сборнике.

³ Ребане Я.К. Социальная детерминация познания: комплексная проблема исследования. - Общественные науки, 1980, № 4, с. 106.

Исключительно важной стороной в концепции социальной памяти является подчеркивание того обстоятельства, что социально-культурная информация передается не только на уровне знаний, не только на уровне явлений, в отношении которых может применяться семиотический анализ, но и на уровне материально-предметной деятельности и ее овеществленных результатов, все более тонко структурирующих мир для человеческого познания. Это положение в своих конкретных применениях эффективно содействует раскрытию роли общественно-исторической практики в качестве основы функционирования и развития познания.

Поскольку концепция социальной памяти направлена на интердисциплинарное осмысление данных множества наук, освещающих различные аспекты познания, то она позволяет избежать схоластического теоретизирования, которое вызвано как отрывом философского исследования от окружающей реальности и данных науки, так и трудностями, связанными с взаимным "переводом" концептуально-терминологических систем различных научных дисциплин. Следует также отметить, что аналогичной интегральной концепцией конкретного анализа, разрабатываемой Я.К. Ребане с середины 70-х годов, является концепция социальной ответственности. В ходе подготовки и проведения руководимого им исследования роли ИТР и руководящих работников в деле повышения качества труда и продукции обнаружилось, что многие параметры, как, например, заинтересованность, организованность, компетентность и т.д. могут быть в конечном итоге сведены к обобщенному понятию ответственности. При этом была разработана такая концепция ответственности, которая позволила объединить эмпирический материал, полученный методами различных дисциплин. Исследование дало не только теоретический результат, но и позволило дать на этой основе ряд практических значимых рекомендаций.⁴

Свой славный юбилей Яан Карлович Ребане встречает в расцвете творческих сил. Поздравляем дорогого Яана Карловича со знаменательной датой и желаем ему плодотворной деятельности крепкого здоровья, счастья.

⁴ Ребане Я. Опыт исследования социальной ответственности. - Общественные науки. М., 1984, №4, с.33-44. См. также сб.: Принцип ответственности в социальном управлении. - Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 609. Труды по философии, Тарту, 1982. - 102 с.

ОБ ОДНОЙ НЕКОРРЕКТНОЙ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ

Г.А. Брутян

Проблема взаимоотношения мышления и языка, возникая на заре становления философского осмысления мира, приобрела исключительную актуальность в наше время. При этом наблюдаются две крайности. Одна из них — абсолютизация роли и значения языка в сложном процессе взаимоотношения мышления и языка. Эта точка зрения ярче всего выражена в концепции лингвистической относительности, именуемой также "гипотезой Сепира-Уорфа". Согласно последней, мышление, мировоззрение и поведение людей детерминируются характером, природой того языка, на котором люди говорят. Противоположная точка зрения сводится к тому, что язык является лишь формой выражения и существования наших мыслей, а мышление, как содержание, обуславливает собой форму выражения.

Действительно, язык является формой возникновения, бытия наших мыслей, средством их передачи людям. Верно также, что наше мышление играет доминирующую роль во взаимоотношении мышления и языка. Но это не означает, что язык является лишь пассивной формой наших мыслей, что он в свою очередь не влияет на наш мыслительный аппарат. Именно на эту сторону вопроса обратил внимание в одном из своих интересных исследований "О влиянии языка на категориальную структуру мышления" член-корреспондент АН Эстонской ССР Я.К. Ребана.

Это влияние выражается в самых разнообразных формах. "Однако, — пишет Я.К. Ребана, — для обобщения лингвистических и этнографических данных, говорящих о влиянии языка на мышление, в марксистской философии пока сделано мало. В центре внимания исследователей находится влияние мышления на язык, а обратное влияние языка на мышление и миропонимание считается настолько незначительным, что им можно пренебречь"¹.

В данной публикации дается анализ случая влияния языко-

¹ Ученые записки Тартуского госуниверситета. Тарту, 1968, вып. 212. Труды по философии XI, с. 54.

вого фактора при создании философской концепции о самой философии.

Когда Андроник Родосский — мыслитель первого века до нашей эры, ввел термин "метафизика", то вряд ли он мог бы представить себе поразительную живучесть этого термина, возникновение столь разных толкований и разнообразное применение в течение двух тысячелетий. Тем более он не мог представить, что создание этого термина станет заразительным примером для конструирования аналогичных терминов, притом далеко не всегда удачных. А ведь само создание термина "метафизика" во многом является случайным. Достоверно известно, что все работы Аристотеля естественно-научного профиля Родосский называл "физикой". Учитывая уровень науки времен Родосского, можно понять побудительные мотивы такого подхода. Сочинения же Стагирита о "бытии самом по себе" Родосский объединил под названием "Метафизика", что дословно означает "после физики". Чем руководствовался при этом Родосский, не известно истории. Но хорошо известно, что термин "метафизика" в дальнейшем применяли неоднозначно. Под "метафизикой" понимали: "философию" (в частности так поступали многие философы до-марксистского периода, а также многие представители современной буржуазной философии); учение о сверхчувственном и о началах бытия (так интерпретировали "метафизику" многие философы-идеалисты); философский метод, противоположный диалектическому методу (это последнее понимание имеет место прежде всего в марксистской философии). Кроме "метафизики" до нас дошли и многие другие термины, образованные с помощью префикса "мета" и имеющие на себе налет различных пластов греческой цивилизации. Вот некоторые из них. Метабазис: дословно означает "после базиса". Термин применялся в софистических спорах и означал отклонение от предмета спора. Это — логическая ошибка, которая вошла в историю логики как "подмена тезиса".

В словаре Ж. Марузо дается следующее разъяснение метафоры: "Способ выражения, рассматриваемый как перенос (гр. μεταφορη) абстрактного понятия в конкретный план путем своего рода сокращенного сравнения или, скорее, подстановки..."²

Американский астроном Л. Шепли, заимствуя греческий способ образования слов с помощью префикса "мета", ввел в

² Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, с. 155.

науку термин метагалактика. Он стал применяться для обозначения совокупности или систем множества галактик.

Немецкий математик и логик Д. Гильберт (1862–1943) предложил термин метаматематика. Это предложение было связано у Гильберта с его программой полной формализации математики. Метаматематика, по замыслу Гильберта, – это математическая теория, призванная доказать непротиворечивость формализованной математики. В русле идей Д. Гильберта развивали метаматематику П. Бернайс, К. Гедель, А. Черч и другие математики, которые, хотя и не смогли осуществить план Гильберта о полной формализации математики (К. Гедель, наоборот, доказал неосуществимость полной формализации более или менее богатой содержательной теории), но добились значительных успехов в теории математического доказательства. Польские логики А. Тарский, Е. Расёва, Р. Сикорский, как и американский логик С.К. Клини развивают концепцию метаматематики в более расширенном толковании. В частности, С.К.Клини замечает, что "метаматематика потребует строгой математической техники для исследования большего многообразия проблем обоснования математики и логики, и проблема непротиворечивости будет только одной из этих проблем. Например, математические методы применяются теперь при изучении систематизации математики, возникающих из логицистической и интуиционистской школ, так же как и для возникающих из школы Гильберта. (Обратно, своим возникновением метаматематика многим обязана логицистическим и интуиционистским исследованиям)"³

Вскоре логики и методологи науки стали говорить не только о метаматематике и математике, но и вообще о метатеории и теории. Е. Расева и Р. Сикорский пишут, что "в повседневной математической практике мы часто одновременно формулируем и используем утверждение, принадлежащее некоторой теории, и утверждения, принадлежащие ее метатеории (т.е. теории, исследующей данную)"⁴.

Раз возможна метатеория вообще, то возможны также конкретные метатеории. По этой логике ныне довольно широко применяются металогика, метаэтика, металингвистика и т.д. Стало модно также говорить о метафилософии. Но поскольку все эти термины создаются по подобию метаматематики, иначе говоря,

³ Клини С.К. Введение в метаматематику. М., 1957, с. 58.

⁴ Расёва Е. и Сикорский Р. Математика метаматематики. М., 1972, с. 173.

поскольку создание конкретных метатеорий по идее осуществляется посредством экстраполяции свойств метаматематики на другие области знания, коротко отметим отличительные особенности метаматематики.

Метаматематика, во-первых, изучает формализованную математическую теорию. Во-вторых, при узком понимании метаматематики, она изучает способы доказательства непротиворечивости формализованной математической теории; при широком понимании метаматематики, она исследует язык формализованной математической теории, способы дедуцирования возможных средств из базиса этой теории, вопросы ее обоснования и подобные проблемы. Из последней особенности метаматематики как метатеории вытекает еще одна - третья - характерная особенность метаматематики как метатеории. Это то, что по своему охвату, по своей значимости способы обоснования, приемы дедуцирования, категориальный аппарат метаматематики как метатеории носят, как правило, и при прочих равных условиях, более обобщающий характер и находятся на более высшей ступени абстрагирования, чем соответствующие приемы и категории математики как предметной теории.

Эти особенности метатеории следует безусловно учесть при экстраполяции метатеории на те или иные области знания, которые создаются для изучения той или иной науки. Иначе мы будем иметь дело с некорректной экстраполяцией. Одним из примеров такой некорректной экстраполяции, на наш взгляд, является "метафилософия". Этот термин ныне довольно широко применяется в американской философской литературе в качестве заглавия книг, статей и даже специального журнала. Но насколько правомерно его применение? Насколько правильной является экстраполяция характерной особенности метатеории (возникшей на базе метаматематики) на философское знание?

Во-первых, для создания метафилософии, как метатеории, предметом изучения которой должна быть сама философия, последнюю следует формализовать, представить как формализованную теорию. Правда, иногда в западной философской литературе выдвигаются предположения такого рода. Но эти предположения никогда не доходят до их реализации. Принципиально важно то, что такая формализация не имеет места вовсе не по причине исторической ограниченности наших возможностей формализации теорий. Причина здесь вполне объективна. Речь идет о принципиальной невозможности формализации философии как определенной теории. Больше того, в философии, на наш взгляд, так

тесно переплетены содержательные, формальные и формализованные пласты знания, что не представляется возможным даже формализация того или иного более или менее самостоятельного фрагмента философии.

Во-вторых, в любой теории, в том числе и в философской, не должно быть логических противоречий. Это касается не только формализованных теорий, но и содержательных. Но это не означает, что требование Гильберта о непротиворечивости формализованной математики, (которой, по его замыслу, занимается метаматематика), можно экстраполировать на философию, как теорию. Требование Д. Гильберта означает, что из базиса формализованной теории, согласно правилам вывода и соответствующим определениям, принятым в данной теории, не должно быть выведено какое-либо высказывание наряду с его отрицанием, если эта теория непротиворечива. Однако, так как философию в принципе нельзя представить в виде формализованной теории, то указанное требование Гильберта не распространяется на философию.

Если любая область знания ищет и находит свой метод обоснования извне, в узком смысле в виде логики науки, в широком смысле в виде методологии, то философия сама себя обосновывает, сама выступает как собственный метод и методология. Поэтому и в этом смысле мы не можем говорить о метафилософии, которая изучала бы способы обоснования, доказательств философской теории. Любая метанаука выступает как наука о другой науке, философия же не нуждается, в указанном смысле в иной другой науке; одна из функций философии проявляется в том, что она выступает как наука о самой себе.

И, наконец, в-третьих, любая метатеория прибегает, для обоснования предметной теории, к категориям более обобщающего и более абстрактного характера по сравнению с категориями предметной теории, Категории же философии ("материя", "бытие", "физическое", "сознание", "мышление" "психическое" и т.д.) являются самыми обобщающими понятиями. Эти понятия, по словам В.И. Ленина, "предельно широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду всегда изменений номенклатуры) не пошла до сих пор гносеология"⁵. И неслучайно, что если другие науки прибегают к логике извне, то философия сама создает свою логику. В этом аспекте особое значение приобретает ленинское положение о сов-

⁵ Д е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.

падении логики, диалектики и теории познания⁶.

Из всего этого можно сделать заключение о том, как важен выбор термина в развитии науки и как сам этот выбор — как языковой фактор может повлиять на выдвижение и разработки мыслительных схем, концептуальных систем.

Известно, как основоположники марксистской философии проявляли исключительную научную осторожность в выборе терминов. Ф. Энгельс анализирует определение жизни: "жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ осуществления состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел"⁷. Примечательно, что в своем анализе этого определения Ф. Энгельс обращает особое внимание на термин "белковое тело", отмечает неудовлетворенность в связи с его применением и в то же время неизбежность его применения на рассматриваемой стадии развития химической науки. "Белковое тело понимается здесь в смысле современной химии, которая этим термином охватывает все тела, аналогичные по составу с обыкновенным белком и называемые также протеиновыми телами. Термин неудачен, так как из всех родственных ему веществ обыкновенный белок играет наиболее безжизненную, наиболее пассивную роль: наряду с желтком белок служит всего лишь питательным веществом для развивающегося зародыша. Однако, пока о химическом составе белковых тел известно так немного, этот термин как более общий, все же заслуживает предпочтения перед всеми другими"⁸.

В связи с рассмотрением основных форм движения Ф. Энгельс прибегает к сопоставительному анализу терминов "энергия" и "сила", показывает, что хотя и термин "энергия" отнюдь не дает правильного выражения всему отношению движения⁹, тем не менее "этот термин заслуживает предпочтения перед выражением "сила"¹⁰.

Неверные заключения Геккеля по вопросам цели, целесообразности, причины и т. д. Ф. Энгельс объясняет неправильным

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 82.

⁸ Там же, с. 82-83.

⁹ Там же, с. 401.

¹⁰ Там же, с. 402.

выбором терминов. "При подобной терминологической путанице, - пишет Ф. Энгельс, - неизбежна бессмыслица"^{II}.

Именно для того, чтобы не создать путаницу в области философского знания, следует проявить исключительную предусмотрительность также в выборе терминов, помня о том, что неудачный термин может повлечь за собой столь же неудачную мысленную конструкцию, а иногда и целую концепцию.

^{II} Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 523.

ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ КОРНЯХ ДОГМАТИЧЕСКОГО
ПЕССИМИЗМА В ФИЛОСОФИИ НАУКИ.

(К вопросу об извращениях путей формирования научной "социальной памяти")

И.С. Нарский

Современное философское течение "критического рационализма" извращает в агностическом духе вопросы исторического формирования научной "социальной памяти"¹. А среди современных концепций философии науки и эпистемологии концепция Пола Фейерабенда отличается тем, что доводит до логического завершения и предела многие агностические мотивы, содержащиеся в работах не только представителей школы "критического рационализма", но и историко-социологической школы. Не будем здесь касаться ультра-левых рассуждений Фейерабенда насчет отношений между наукой, государством и народом, например, в работе "Наука в свободном обществе"². Как известно, стержневые идеи концепции Фейерабенда - это (1) принцип "все годится (anything goes)" и (2) принцип "ничто не стоит сохранения", где под "всё" и "ничто" имеются в виду любые научные теории и отдельные теоретические положения в любой области знания. Эти два тезиса можно соответственно назвать принципами неразборчивой всеядности и неразборчивого умножения (proliferation) положений. Уже из этих, мною модифицированных названий, видно, что два принципа Фейерабенда не только противоречат друг другу, но, с другой стороны, имеют между собой нечто общее, обозначенное здесь словом "неразборчивость". На самом деле, (1) принцип предполагает норму: сохраняй в качестве истинной любую существующую теорию или принципиальное теоретическое положение несмотря на то, что иные положения или факты ей противоречат. В целях указанного сохранения разрешается и рекомендуется выработать любые

¹ Автор опирается на принцип "социальной памяти", разработанный в работах Я.К. Ребане: Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5, Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8.

² Feyerabend P. Science in a free society. London, 1978.

подходящие для этого конвенциональные ухищрения. Принцип (2) предполагает нормативному указанию: не сохраняй никакую теорию или положение и иди на любые ухищрения ради выдвигания противоположных им, альтернативных, и вообще всяких иных гипотетических конструкций и концептуальных тезисов по данной проблеме. Противоположность между принципами (1) и (2) лежит на поверхности, но их взаимосвязь вытекает из конвенционалистского характера каждой из двух предписываемых Фейерабендом программ деятельности (он фактически следует характерному и для К. Поппера и для Т. Куна различию между теориями и гипотезами в науке).

Но эта взаимосвязь еще более органична. Фейерабенд не мог не прийти к обоим этим принципам после того, как уже в своих сравнительно ранних статьях "Попытка реалистической интерпретации опыта" (1958), "Проблема существования теоретических сущностей" (1960) и "Объяснение, наука и эмпиризм" (1962)³ отверг не только редукционизм "Венского кружка", но и эпистемологический кумулятивизм и связанный с ним физический принцип соответствия, согласно которому прежние теории в науке нередко оказываются частными или предельными случаями новых, более верных и полных теорий. Антикумулятивизм, родивший Фейерабенда и с К. Поппером и с Т. Куном, неизбежно вел в своем крайнем метафизическом понимании к отрицанию преемственности между старым и новым состояниями науки и теоретическому плюрализму, и отсюда вытекает оправдание принципа (2), ибо любое новое состояние науки оказывается в принципе не "хуже" прежнего, все они эпистемологически равноправны. Но антикумулятивизм вел также и к отрицанию объективно-познавательного содержания науки вообще, и отсюда вытекает оправдание принципа (1), ибо любое прежнее состояние науки оказывается не "хуже" всякого нового.

Фейерабенд абсолютизировал ряд эпистемологически рациональных посылок. Есть рациональный момент в том его положении, что "не существует такой идеи, пусть самой древней и самой абсурдной, которая не была бы в состоянии усовершенствовать наше знание"⁴. Ведь истина неисчерпаема, ибо неисчерпаем познаваемый мир. Неверный тезис Фейерабенда о том, что в науке невозможно провести разграничительную линию между

³ Ранние работы П. Фейерабенда собраны в сборнике: F e y e r a b e n d P. Realism, Rationalism and scientific method Philosophical Papers, Cambridge, 1981, Vol. 1.

⁴ F e y e r a b e n d P. Against Method. London, 1975, p. 11

языком наблюдения и языком теоретическим, так что все утверждения носят теоретический характер, все же имеет частичное основание. Оно состоит в факте теоретической "нагруженности" эмпирических утверждений, который был отмечен Ф. Энгельсом в "Диалектике природы", где он писал о том, что безпредпосылочной эмпирии не бывает и если не новое, то наоборот, "традиционное" толкование фактов эмпирии "прокрадывается" в нее.⁵ Это же отметил и В.И. Ленин в "Философских тетрадах".⁶ И наконец, принцип "пролиферации", вслед за фальсификационизмом Поппера, имел общий исток в действительно существующей и указанной еще Ф. Бэконом значительной эпистемологической "мощи" отрицательных инстанций, хотя дело все-таки не доходит до прокламированной Поппером тотальной "асимметрии" подтверждений и опровержений. Заметим, что сама концепция несоизмеримости теорий у Фейерабенда невольна, раз она сама есть "теория", тоже несоизмерима с теориями, к которым он ее хотел бы применить.⁷

Но я хотел бы здесь рассмотреть подробнее иной момент. Превращение истории науки в историю, будто бы, произвольных пертурбаций, при которых на смену одним теориям приходят другие, с первыми, якобы, "несоизмеримые", идет рука об руку с "анархистско-дадаистским" отрицанием унитарности научной методологии и с акцентированием допустимой, якобы, и даже желательной произвольности в выборе методов познания. Наш главный тезис состоит в том, что П. Фейерабэнд при этом наивно абсолютизировал действительный фундаментальный факт познания, твердо установленный философией диалектического материализма, чуждой всякого догматизма и метафизики.

Дело в том, что всякий эффективно действующий в определенных рамках и границах метод познания имеет право на существование, ибо практика есть критерий истинности метода. Ф. Энгельс обращал внимание на то, что восхождение относительных истин к абсолютным только в первом приближении похоже на процесс сближения ветви гиперболы с ее асимптотой. На деле же "все человеческое познание развивается по очень за-

⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.20, стр.456.

⁶ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 192.

⁷ Надо заметить, что идея "несоизмеримости" теорий базируется как на идее "теоретической нагруженности" эмпирии, так и на тезисе об отсутствии общего языка наблюдения. Через мысли Л. Флекса (1986-1961) Фейерабэнд пользовался положениями Э. Дюркгейма и Л. Левин-Брюна об иррационально-социальной детерминации стилей мышления.

путанной кривой..."⁸. Нередко бывает так, что "старые, удобные, приспособленные к прежней обычной практике" методы оказываются "тормозом"⁹, в принципе могут быть использованы самые разные старые и новые методы и приемы познания, используемые диалектически, т.е. без того, чтобы забывать их односторонность и их абсолютизировать. Энгельс в "Диалектике природы" предупредил также и против такой догматической узости.

Муха, беспорядочно ползающая по поверхности яблока, в конце концов "исследует" ее всю. Верно, что такой пример не очень корректен, поскольку он не отличим от ситуаций попперовского подчинения познания действию метода проб и ошибок, что иллюстрируется, скажем, поведением крысы, мечущейся в поисках выхода из лабиринта или прохода через него к пище. Однако неадекватный пример имеет основу в виде реальных фактов. Вспомним, что глаз человека как бы обшаривает форму предмета посредством серии беспорядочных движений, но интегрируясь, последние создают в итоге достаточно четкий контур. В процессе познания аналогий таким фактам найдется сколько угодно: например, поиск выключателя рукой, шарящей по стене в совершенно темной комнате.

Но очевидно, что кардинальные успехи познавательной деятельности зависят от упования на беспорядочность и хаотичность действий как таковую. Однако, если каждое из таких действий считать спровоцированным некоторыми подходящим именно для него частным методом, то стратегия познания не отбросит их. Наоборот, она должна быть нацелена на приведение этих методов в методологическую систему, организацию совместного и, по возможности, упорядоченного действия элементов этой системы и вытекающих из них приемов, а значит именно на разработку метода управления методами.

Кант, по-видимому, уже осознавал важность такой постановки проблемы, но в разделе об априорных основоположениях чистого, т.е. теоретического, естествознания, завершающем трансцендентальную аналитику "Критики чистого разума", заменил эту проблему задачей по своим практическим последованиям для развития научного познания гораздо более скромной, хотя, несомненно, значимой: он стремился лишь выяснить характер тех посредствующих понятийных звеньев, или ступенек,

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, стр. 555.

⁹ Там же, т. 20, стр. 608.

которые могли бы существовать между философскими категориями и чувственным материалом опыта.

В наши дни названную проблему обойти уже нельзя и поставить её целесообразно следующим образом. Пример, что любая из философских категорий или из внутренне диалектически "поляризованных" в отношении друг друга пар (а иногда и триад) может послужить основанием для создания и разработки особого частного метода познания, как, например, количественного, функционального, вероятностно-статистического, а ныне в особенности – системно-структурного и телеономического. И это разделение на методы далеко не аналогично разделению знания на отдельные частные научные дисциплины, хотя напоминает разделение на частные методы внутри некоторой одной науки, аналитической химии. Проблема же теперь состоит в том, как превратить сольные партии этих частных методов в гармоничный хор, мелодийный рисунок которого в случае различных типов объектов познания весьма различен. Здесь вновь возникает задача выяснения посредствующих звеньев, но на этот раз уже в виде промежуточных методологических приемов, вроде тех приемов, которые на материале истории теоретической физики от Максвелла до наших дней выделил В. Степин¹⁰, обрисовавший этапы или ступени "челночных" движения познающего мышления между теорией и эмпирией.

Но подробные "челочные" движения не образуют парадигмы, которая была бы пригодна для каждой науки, как в прошлых, так и в будущих ее состояниях. Границы конкретных методологических парадигм полагаются, я считаю, воззрениями К. Маркса на сущность принципа восхождения от абстрактного к конкретному в познании. Этот принцип понимается и действует в трех различных смыслах: (1) Всему познанию в целом присуще развитие от поверхностно-простого и мало содержательного к сущностно-сложному, все более содержательному, но для такой оценки истории познания достаточен лишь самый общий взгляд на нее "с высоты птичьего полета". (2) В случае объектов, которые отличаются органическим единством и целостностью, причём судьбы их определяются развитием для них противоречий, как-то атом, живой индивид, экономическая жизнь и общество вообще, галактика и т.д., познание по пути от абстрактного к

¹⁰ С т е п и н В.С. Становление научной теории: содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск, 1976. 319 с.

конкретному означает выявление центральных и определяющих для таких объектов отношений - "клеточек", способных к расширенному воспроизводству, и последующее прослеживание этого воспроизводства. (3) На ступени более раннего, предшествующего познавательного движения, которое можно обозначить как движение от конкретно-предметного к теоретическо-абстрактному, поскольку здесь происходит поиск всеобщих отношений - "клеточек" и приближение к ним, имеет место также и одновременно происходящее движение от абстрактного к конкретному в том смысле, что предположения о характере искомым отношений все более выясняются, конкретизируются и уточняются.

Огромное разнообразие познавательных приемов имеет место при реализации восхождения от абстрактного к конкретному прежде всего, конечно, в (1) смысле восхождения, когда речь идет о процессе познания в целом, без ограничения рамок. Нетрудно видеть, что оно имеет место уже при восхождении (3), потому что последнее происходит при сравнительно незрелых представлениях о методах и методологии познания, и отсюда происходят частые смены методологических приемов. Между прочим, метод проб и ошибок именно здесь действует довольно часто, хотя им одним удовлетворяться ученые, конечно, не могут также и на этой ступени познания. Вообще этот метод с развитием науки "изгоняется" из нее, однако никогда не может быть "изгнан" от нее до конца.

Что касается (2) случая, то есть восхождения от абстрактного к конкретному *in sensu stricto* как его Маркс осуществил в своем "Капитале" и как оно может быть осуществлено на познании органически целостных объектов во всех аналогичных случаях, то применяемые в рамках единой методологической программы различные частные методы образуют своего рода континуум: каждый из органически целостных объектов имеет специфику и для его познания требуется свой большой "набор" частных приемов и методов. Но все такие приемы и методы, в том числе индуктивные, играют подчиненную в отношении магистрального восхождения роль, подготавливая следующий его шаг, детализируя тот или иной теоретический результат, выявляя новые пути исследования, либо, наоборот, обнаруживая единство между путями, ранее "расщепившимися" на отдельные "тропинки" и т.д.

Совокупность частных методов и приемов в принципе представляет собой бесконечное множество. Если бы овладение ими было для ученых самоцелью, то можно было бы сказать, что

процесс этого овладения есть совершенно самостоятельное движение от относительных истин к абсолютной. Если бы овладение всеми частными методами и приемами было тождественно познанию действительности, прав был бы Фейерабенд, в своих принципах устойчивости и пролиферации подменивший, в частности, факт бесконечного разнообразия эффективных методов положением о будто бесконечном многообразии равно истинных теорий об одном и том же объекте. Но это неверно, ибо отношение между методом и теорией носит диалектический характер: оно не есть ни их абсолютная взаимозависимость, ни их полное тождество. С одной стороны, познанные законы развития объекта становятся принципами метода его познания, а с другой, — в силу специфичности и относительной самостоятельности познающей деятельности субъекта принципы метода не поддаются полной редукции к законам существования и развития объекта, которые обладают несравненно большим содержанием, чем самый содержательный и детально разработанный метод.

Итак, сформулированные П. Фейерабендом принципы (1) "всё годится (anything goes)" и (2) "ничто не стоит сохранения, но подлежит замене альтернативами", несмотря на внешнюю их взаимопротиворечивость, вытекают друг из друга и суть выражение конвенционалистско-плюралистской программы эпистемологического пессимизма. Но эта программа есть результат догматической абсолютизации не только неисчерпаемости истины, но и действительного факта наличия бесконечного континуума частных методов познания, применение которых регулируется материалистической диалектикой. Действие этого методологического континуума обеспечивает развитие содержания и структуры современной науки. "Социальная память", объективированная в здании науки, создается по своему содержанию через единство жизненного опыта людей и функционирования многообразных методов познания на базе общефилософского материалистического метода как методологии.

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
(ее онтологический статус и специфика как
объекта научного исследования)

Д.И. Дубровский

Субъективная реальность есть реальность индивидуального сознания, реальность внутреннего мира каждого из нас и его компонентов (чувственных образов, мыслей, надежд, желаний, эмоциональных состояний и т.д.). Реальность такого рода обозначается посредством категории идеального, которая логически противопоставляется категории материального, обозначающей объективную реальность. Это позволяет выделить качественную специфику феноменов духовного мира человека по сравнению с явлениями объективной реальности, поместить в фокус анализа именно деятельную, творческую способность человека и осмыслить особый тип ее необходимой связи с определенными материальными образованиями.

Разумеется, описание и объяснение качественной специфики субъективной реальности предполагает учет результатов ее исследования в следующих двух планах: 1) как особого функционального свойства высокоорганизованной материи, рассматриваемого в естественнонаучном аспекте в качестве функции головного мозга¹ и 2) в контексте социальной деятельности, диалектики материального и идеального как сущностного определения общественной жизни. Эта диалектика выражает непрестанное преобразование субъективной реальности в объективную реальность - в процессах опредмечивания, практической реализации желаний, потребностей, целей - и, наоборот, преобразование объективной реальности в субъективную реальность - в процессах отражения, распредмечивания, постижения смысла социальных предметов и отношений, интериоризации социальных нормативов, содержания культурных ценностей.

В этом плане анализа первостепенное значение для понима-

¹ Указанный аспект подробно рассматривался нами с позиций информационного подхода (см.: Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. М., 1971; его же. Информация, сознание, мозг. М., 1980).

ния специфики субъективной реальности приобретает концепция социальной памяти плодотворно развиваемая Я.К. Ребане. Согласно Я.К. Ребане, "социальную память можно охарактеризовать как накопленную в ходе социально-исторического развития информацию, зафиксированную в результатах практической и познавательной деятельности, передаваемую из поколения в поколение с помощью социально-культурных средств..."². При этом автор справедливо подчеркивает, что "информация зависит не только от системы, в которой она зафиксирована, но и от системы, которая воспринимает и перерабатывает информацию. Для общества такой центральной системой являются реальные, живущие, действующие люди. Но тем не менее имеются такие носители социальной памяти, которые хотя постоянно преломляются в человеке и его деятельности, но существуют как нечто внеположенное или относительно самостоятельное. Сюда относятся, во-первых, орудия производства и овеществленные результаты труда, вся совокупность опредмеченной деятельности, обобщаемой понятием "материальная культура"; во-вторых, язык во всех его проявлениях и неязыковые семиотические системы; в-третьих, возникшая на основе производственной деятельности система объективных общественных отношений, данная людям как внешняя социальная реальность"³.

Социальная память, таким образом, составляет необходимое условие существования субъективной реальности и источник ее "содержания", но в то же время она является продуктом человеческой деятельности. Ее новообразования, обрядные предметные, знаковые и иные материальные воплощения, а тем самым и надличностный статус, первоначально зарождаются, формируются в сфере "содержания" субъективной реальности конкретных социальных индивидов. Тем самым рассмотрение социальной памяти, ее развития позволяет глубоко осмыслить социальную диалектику идеального и материального.

Однако диалектика идеального и материального, выражающая непрестанное биение пульса социальной жизнедеятельности, не должна, конечно, заслонять качественной специфики субъективной реальности, ибо последняя существует только на стороне деятельной способности человека и ее нет в "готовых" продуктах деятельности. Тем самым фиксируется активность сознания,

² Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5, с. 100.

³ Там же, с. 101.

которое по словам В.И. Ленина, не только отражает, но и творит мир. За пределами живого человеческого сознания, актуально-деятельной способности существует лишь объективная реальность природных явлений и процессов, социальных вещей, коммуникативных структур, знаковых систем и т.д. Категория идеального выражает сущность субъективной реальности как актуально осуществляемой деятельной способности, которая представляет собой единство отображения наличного и творческой устремленности, преодолевающей горизонт "наличного", которая несет в себе свободу ценностно-смысловых преобразований и новообразований, возможность отстранения бремени наличной предметной действительности, а так же "готовых" знаний и ценностей во имя будущей объективной действительности, более глубокого знания и более высоких ценностей.

Понимание идеального как субъективной реальности предполагает рассмотрение этой категории, по крайней мере, в двух диалектически взаимообусловленных планах: гносеологическом и онтологическом. Однако важно не упускать из виду относительность противопоставления этих планов: ведь любое так называемое онтологическое утверждение (о существовании чего-либо) при решении вопроса о его смысле и истинности предполагает рефлексию тех познавательных средств, с помощью которых оно сформулировано; в то же время любое так называемое гносеологическое утверждение (о знаниях чего-либо) непременно включает, пусть неявно, определенные онтологические предпосылки, которые должны быть выявлены, если мы претендуем на его основательность.

Анализ категории идеального обнаруживает двумерность каждого из указанных планов. В гносеологическом плане субъективная реальность есть 1) отражение наличной объективной реальности и проект будущей объективной реальности, но вместе с тем она есть 2) отражение и проект самой себя (эта сторона нередко игнорируется или оставляется в тени; однако учет ее необходим, ибо сознание рефлексивно, включает самоотображение, непременно связанное с отображением внешнего объекта и далеко небезразличное для понимания этого отображения). Главное внимание в гносеологических концепциях зачастую концентрируется на средствах, способах и результатах отображения явлений объективной реальности, в то время как средства, способы и результаты отображения явлений субъективной реальности не рассматриваются, что существенно обедняет эти концепции.

В онтологическом плане субъективная реальность выступает как особое свойство высокоорганизованной материи, состоящее в способности истинного отображения того, что существует в качестве объективной реальности, вне и независимо от нашего сознания (истинное утверждение о существовании в определенной тенденции развития явлений объективной реальности есть онтологическое утверждение, хотя оно и является актом субъективной реальности; здесь особенно ярко обнаруживается органическое единство, неременная взаимопологаемость онтологического и гносеологического планов анализа проблем идеального). Вместе с тем субъективная реальность, как уже отмечалось, есть существующий всегда в индивидуальной форме внутренний мир человека, центрируемый и интегрируемый его суверенным "Я"; это реальность, существующая для каждого из нас столь же непреложно, как и все то, что существует вне и независимо от нашего сознания.

Таким образом, категория идеального несет в себе единство всех указанных смысловых "измерений", а именно: смыслы, выражающие отражение и проектирование объективной реальности и субъективной реальности, и смыслы, выражающие существование и развитие объективной реальности и субъективной реальности. Каждое из указанных четырех смысловых "измерений", хотя и раскрывается при посредстве остальных, тем не менее образует достаточно специфичную область исследования.

Наименее разработанной и наиболее актуальной выступает сейчас, на наш взгляд, проблематика исследования субъективной реальности как внутреннего мира человека — первоисточника всех ценностно-смысловых новообразований, приобретающих надличностный, социокультурный статус, облегчающих социальную память. Изучение относящегося сюда круга вопросов онтологического плана сразу же выдвигает задачу осмысления и усовершенствования познавательных средств, т.е. средств адекватного отображения и проектирования субъективной реальности (снова мы видим органическую взаимобусловленность онтологического и гносеологического планов исследования). Здесь предметом анализа выступают целостность субъективной реальности, задаваемая ее эгоструктурой, специфика явлений субъективной реальности и основные формы их существования и изменения, ценностно-смысловые параметры субъективной реальности и ее деятельностные, волевые, творческие векторы, диалектическое единство социально-нормативного и личностно-экзистенциального и др.

Остановимся лишь на некоторых моментах этой проблематики. Наше сознание интенционально, т.е. всегда направлено на какой-то предмет. Поэтому субъективная реальность как "текущее настоящее" есть определенное "содержание", задаваемое внешней интенцией (направленностью на внешний предмет) или внутренней интенцией (направленностью на внутренний предмет) — ту или иную мысль, оценку, впечатление, переживание и т.п.). Точнее, всякий акт сознания несет в себе обе эти разнонаправленные интенции и, следовательно, "содержание" субъективной реальности в данном интервале образуется единством внешней и внутренней интенции (при доминировании одной из них).

В принципе субъективная реальность есть реальность какого угодно "содержания". О критериях существования можно говорить только по отношению к явлениям объективной реальности, ибо "содержание" субъективной реальности невозможно ограничить. Самые причудливые, химерические продукты фантазии, произвольные мысленные реконструкции реальных объектов, галлюцинаторные переживания больного — все это субъективная реальность. Такая "вседозволенность" касается только субъективной реальности, что служит одним из оснований ее противопоставления объективной реальности. Столь же неограничено и оперативное "могущество" субъективной реальности. Я свободен совершать в своем воображении, что угодно, не скован никакими физическими и пространственно-временными границами, могу мысленно переноситься в прошлое и будущее, мгновенно пересекать любые расстояния, изменить строение нашей галактики и стать Юлием Цезарем. Это субъективное-реальное "всемогущество", конечно, является мнимым, эфемерным, но в нем лежат истоки творчества, ибо оно несет возможность не только необузданного субъективизма, предельного эгоизма и, наконец, психопатологии, но и возможность объективно значимых теоретических и ценностных новообразований, возможность идеала.

Анализ понятия субъективной реальности требует пристального рассмотрения его отношения к понятию идеального. Определение идеального в качестве субъективной реальности может интерпретироваться двумя способами. В первом случае "идеальное" полагается как тождественное по объему "субъективной реальности" и тогда оно охватывает не только сознание, но и психику животных, ибо последним, несомненно, присуща сама специфическая субъективная реальность, резко отличающаяся от человеческой субъективной реальности, но вместе с тем инва-

риантная ей в ряде отношений (наличие психических образов и психического управления). Во втором случае "идеальное" ограничивается лишь человеческой субъективной реальностью и тогда понятие субъективной реальности мыслится как родовое по отношению к понятию идеального. Такая трактовка, связывая "идеальное" лишь с социальным качеством, нацеливает на выяснение качественно различных видов субъективной реальности. Ведь помимо субъективной реальности животных мы вправе говорить о возможном существовании внесезонного разума. При этом имеются достаточные теоретические основания предполагать такие типы субъективной реальности, которые качественно отличаются от нашей по своим ценностно-смысловым параметрам. Кстати, не исключено, что безуспешность попыток обнаружения в космосе разумных сигналов обусловлена чрезмерной антропоморфностью используемых программ поиска. Допустимо мыслить качественно иные способы ментальной дискретизации и континуумизации объективной реальности по сравнению с теми, которые составляют логический базис человеческого разума (не говоря уже о качественном различии системы ценностей). Размышления о возможных типах субъективной реальности могут быть весьма перспективными в плане критической оценки ведущих интенций земного разума и проектирования путей его развития в направлении к более высоким ценностям и смыслам.

Каждая из отмеченных трактовок понятия идеального имеет свои сильные и слабые стороны, не обладая решающим преимуществом перед другой⁴.

Рассмотрение взаимосвязи онтологического и гносеологического планов анализа субъективной реальности предполагает учет различных значений терминов "объективное" и "субъективное", широко употребляемых в разных контекстах. Они не являются жестко привязанными к "объективной реальности" и "субъективной реальности". Термин "объективное" нередко используется в таких значениях, которые отличаются от значения "объективной реальности". Неправомерно отождествлять "объект (познания)" и "объективную реальность". Во-первых, не всякое явление объективной реальности есть "объект"; последний означает лишь те явления объективной реальности, которые так или иначе включены в сферу человеческой деятельности; понятие объекта непосредственно соотносится с понятием субъекта.

⁴ В нашей книге "Проблема идеального" (М., 1983) была принята и развивалась вторая трактовка.

Во-вторых, объектом может быть и явление субъективной реальности; оно полагается субъектом исследователем как существующее вне и независимо от его сознания, и в этом смысле оно для него объективно. Но от того, что явление субъективной реальности стало объектом изучения, оно не переходит в категорию объективной реальности, ибо оно действительно существует вне и независимо от сознания исследователя, но не существует и вне и независимо от всякого сознания вообще, а именно таково требование, которому должно удовлетворять явление объективной реальности. Особый случай, когда человек стремится оценить свои мысли или принятые им решения, понять смысл своих слабо рефлекслируемых побуждений. Такого рода самопознание ведь тоже есть разновидность познания, и здесь познающий выступает одновременно и субъектом и объектом. Последний является субъективной реальностью, но о таком объекте нельзя сказать, что он существует вне и независимо от сознания субъекта-исследователя. Этот пример оттеняет своеобразие диалектики онтологического и гносеологического планов исследования субъективной реальности.

Термин "объективное" используется так же для обозначения истинного "содержания" субъективной реальности, в смысле "объективного содержания". Противопоставлением здесь является "субъективное содержание" - в смысле ложной мысли, произвольного допущения и т.п. Субъективная реальность охватывает и то и другое "содержание". Ложная мысль тоже идеальна, а не материальна.

Еще одно значение термина "объективное" проявляется в том случае, когда мы говорим, что всякое явление субъективной реальности так или иначе объективировано, т.е. воплощено в своем материальном носителе, мозговом нейродинамическом коде. Этим подчеркивается, что субъективная реальность не существует сама по себе, вне определенных материальных процессов, независимо от них. В несколько ином отношении под объективированием понимают процесс и результат опредмечивания мысли, идеального плана. Здесь имеется в виду преобразование идеального в материальное.

Во всех указанных случаях использование термина "объективное" соотносится с коррелятивным значением термина "субъективное", причем все варианты такого рода соотношений логически не совпадают с отношением "объективной реальности" и "субъективной реальности". Здесь обнаруживается неудовлетворительность той весьма распространенной схемы субъект-объ-

ектных отношений, когда в качестве объекта полагается только объективная реальность, т.е. когда объект мыслится исключительно в качестве явления объективной реальности и онтологический аспект исследования вообще связывается только с его описанием и объяснением. Тем самым игнорируется специфика явлений субъективной реальности, взятых в качестве объекта исследования, что ведет в конечном счете к упрощенным моделям познавательного процесса, ибо в них не учитываются в должной мере особенности субъективной реальности, в которой и посредством которой только и формируется истинное знание о явлениях объективной реальности.

При этом логическая противопоставленность понятий объективной реальности и субъективной реальности (материального и идеального), конечно, не означает, что субъективная реальность пребывает где-то за пределами материального мира, не означает, что она - чужеродное тело в системе диалектико-материалистического монизма. Когда В.И. Ленин подчеркивает, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, то этим не утверждается, что сознание не существует или что оно есть объективная реальность (движущаяся материя); но это должно истолковываться в том смысле, что в мире нет сознания как объективной реальности, что сознание идеально, есть только субъективная реальность. Такое понимание идеального решительно противостоит всем классическим вариантам домарксистского решения этой проблемы (и, следовательно, основного вопроса философии), а именно: 1) объективному идеализму, для которого идеальное, духовное есть изначальная и всеобъемлющая объективная реальность (материальное, природное есть лишь инобытие духа); 2) субъективному идеализму, который отрицает всякую объективную реальность (если его исходные посылы проводятся последовательно) и утверждает субъективную реальность в качестве единственной реальности вообще; 3) дуализму, признающему наличие двух изначальных объективных реальностей - материальной и духовной, которым приписывается способность взаимодействовать друг с другом, хотя они и остаются принципиально независимыми по своей субстанциальной природе; 4) вульгарному материализму и его современным аналогам в виде концепций "научного материализма" (с их общей радикально-физикалистской установкой). Сторонники такого образа мысли решительно отрицают качественную специфику субъективной реальности, стремятся во что бы то ни стало редуцировать ментальное к физическому, полагая, что только таким

путем можно достичь материалистического монизма. Для них какое-либо логическое противопоставление понятий идеального и материального сразу же означает дуализм и с порога отмечается как несовместимое с материалистическим монизмом (при этом неправоммерно отождествляются субстанциальный дуализм и так называемый методологический дуализм). Позиция радикального физикализма означает крайне упрощенное истолкование объективной реальности, которая лишается историзма и постольку качественного многообразия, низводится к физической реальности. При таком упрощенном понимании объективной реальности, инспирирующем абстрактные редукционистские схемы ее объяснения, высшие формы организации материи заведомо лишаются качественной специфики и тогда, конечно, деятельная способность человека, его субъективная реальность, как источник социокультурных новообразований оказываются не более чем призрачным эпифеноменами физических процессов.

В противоположность всему этому диалектико-материалистический монизм исключает сведение идеального к материальному, их отождествление, исключает субстанциальное обособление идеального от материального и сведение материального к идеальному; диалектико-материалистический монизм означает историческое выведение идеального из материального и выяснение качественной специфики субъективной реальности как деятельной способности социального индивида, первоисточника всех социальных новообразований, чтобы тем самым глубже осмыслить и понять объективную реальность социальных процессов, общественной жизни в целом, воплощающей в себе сознательную деятельность человека и человечества.

РОЛЬ ФОТОГРАФИИ В ТРАНСЛЯЦИИ, ФИКСАЦИИ И СОЗДАНИИ ЦЕННОСТЕЙ

Л.Н. Столович

Человечество издавна стремилось запечатлеть предметы и явления видимого мира, остановить мгновение. К этому были направлены многообразные виды изобразительной деятельности людей. Изобретение фотографии – "светописи", воспроизводящей образ вещей, событий, людей с зеркальной точностью и сохраняющей этот образ, в отличие от зеркала, необычайно увеличивающей информационный объем "социальной памяти".¹

Однако фотографическое изображение имеет не только информационно-количественное значение для социальной памяти. В познавательном-смысловое содержание этой памяти, как справедливо полагает Я.К. Ребане, включены также и общественные ценности и их фиксация в различных формах общественного сознания.² Социальные ценности сохраняются, функционируют и транслируются в системе социальной памяти, поскольку "главным носителем социальной памяти... является реальный человек как социально и культурно "программированное" существо" и "существуют и такие носители социальной памяти, которые по отношению к человеку имеют относительно самостоятельное существование".³ Последние – продукты человеческой деятельности и как таковые – носители социальной информации. Фотография и есть один из эффективных способов запечатления социальной информации, в том числе общественно-человеческих ценностей. Поэтому фотография, как статическая, так и движущаяся – кинематография, – возникшая и развивающаяся на основе науки и техники, становится средством трансляции, фиксации и создания общественных ценностей.

¹ См.: Ребане Я.К. Принцип социальной памяти, – Философские науки, 1977, № 5; Ребане Я.К. Информационный аспект на социальную детерминацию познания. – Философская мысль (София), 1980, кн. 4.

² См.: Ребане Я.К. Принцип социальной памяти, с. 101–102.

³ Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. – Вопросы философии, 1982, № 8, с. 46.

В большинстве работ, посвященных теории и истории фотографии, а также критическому анализу фотопублицистики и фотоискусства, встречается слово "ценность". Речь идет и о ценности тех явлений, которые отражает фотография, и о ценности самого фотографического изображения, в том числе о его художественной ценности. Это, конечно, не случайно. Фотография — феномен многогранный и многомерный и сущность его раскрывается в системе различных отношений и закономерностей: культурологических, информационных, семиотических, коммуникационных и аксиологических. Последнее и означает принадлежность фотографии к сфере ценностных отношений, которые изучает специальная отрасль философии — теория ценности, или аксиология. Теория ценности способна прояснить немало важных проблем теории фотографии. Остановимся на некоторых из них.

В одном из самых впечатляющих музеев мира — в бывшем фашистском концентрационном лагере Освенцим в экспозиции находится много фотографий. Вот, например, фотоизображения железнодорожной платформы с прибывшим эшеленом заключенных, с вещами, отобранными у них. Снимки показывают доставку награбленного имущества и его сортировку. Фотографии запечатлели и поверку в женском лагере, и каторжную работу узников, и расстрелы. Вот фотоснимок группы женщин и детей на фоне лагерной ограды. Некоторые спокойно смотрят в объектив, а теперь на нас. Но тот кто их фотографировал знал больше, чем они: через несколько минут они попадут не в баню, как им сказали, а в газовую камеру... Но кто же все это фотографировал? В конце подписи к снимкам значится: "Фото СС". Нет, не думали создатели этих фотографий, для которых они были способом продлить их садистские удовольствия или формой отчетности перед вышестоящими, что они создадут обвинительные документы! Но такова природа фотографического изображения. Оно фиксирует не только то, что хочет щелкающий затвор фотоаппарата, но и то, что он может даже не иметь в виду.

Эту способность фотографии показывать все как есть, невзирая на сознательные намерения фотографа, великолепно показал Антониони в фильме "Блос — ап" ("Фотоувеличение"), в котором фотограф, снимая в парке влюбленную пару, совершенно неожиданно для себя запечатлел то, чего он сам и не видел — лежащий в кустах труп. Эту способность фотографии и документального кино совершенно правильно отмечал Э. Кракауер в книге "Природа фильма" (русский перевод, М., 1974) и С. Дробашенко в книге "Феномен достоверности. Очерки по теории до-

кументального фильма" (М., 1972). Но дело не только в том, что фотография показывает без утайки всю видимую физическую реальность. Она способна также транслировать ценностное значение того, что на ней запечатлено.

Вот один из примеров этого. На картине Ренато Гуттузо "Триумф войны" (1966 г.) "цитируются" образы, созданные разными художниками, заклеившими ужасы войны. Здесь мотивы из Пауля Клее и Франца Марка, Анри Руссо и "Герники" Пикассо, из прежних рисунков самого Гуттузо. И среди всех этих образов как равный им по эстетической выразительности выступает фигурка мальчика с поднятыми руками - страшный документ, созданный фотообъективом и по праву включенный в сборник документов о преступлениях СС.⁴

Если бы фотоизображение не транслировало объективно-ценностное значение реального факта, художник не включил бы его в свое полотно наряду с художественными образами, ставшими символами антимилитаризма.

Фотография, таким образом, вступая в вековечный спор о существовании ценностей, свидетельствует о том, что ценность объективна, что ею обладают сами жизненные явления и что точное воспроизведение этих явлений сохраняет в определенной мере их ценностный потенциал, даже независимо от сознательных намерений фотографирующего субъекта, а порой и против его воли. Это фотографическое воспроизведение - зримый образ людей, событий, явлений, обладающих ценностным значением, - становится знаком ценности и сам обретает ценность документа. Здесь важно, что сфотографировано. Образ реальности говорит сам за себя. Это отлично понимал и Остап Бендер, который во время знаменитого сеанса одновременной игры в Васьках закричал: "Уберите фотографа! Он мешает моей шахматной мысли!"

Но фотография свидетельствует еще и о другом. В теории ценности издавна принято различать такие понятия, как "факт" и "ценность". При всей относительности такого различения (факт может обладать ценностью, а ценность сама является фактом) здесь имеется в виду то важное обстоятельство, что ценность не есть какое-либо природное свойство явлений, существующее им, как, например, тяжесть. Ценность - это объективно-общественное свойство предметов, вещей, людей, событий, это их значение для человека и общества, значение, образующееся

⁴ См. SS im Einsatz: Eine Dokumentation über die Verbrechen der SS. Berlin, 1957, s.525.

в объективном процессе общественно-исторической практики. Значение и, следовательно, ценность фотографического документа могут быть приглушены или, напротив, выявлены соответствующей экспозицией. Снимки мучений узников концлагерей эсэсовцы порой помещали в личные альбомы. Эти альбомы были своего рода тюремной камерой для фотографий, новым глумлением над памятью мучеников. В Освенцимском же музее — грандиозном памятнике борьбе и мученичеству — фотоснимки, включенные в систему информационных и вещественных документов, в полной мере выявляют свое объективно-ценностное значение. Эта же аксиологическая закономерность проявляется даже тогда, когда фотографии и кадры кинохроники, казалось бы специально сделанные для прославления фашизма, включаются, скажем, в "Обыкновенный фашизм" Михаила Ромма. И все становится на свое место. Запечатленный факт раскрывает свою действительную ценность.

Однако выявление ценностного значения может происходить не только при демонстрации готовой фотографии, но и в самом процессе ее создания. Нельзя забывать, что фотограф-публицист и художник не только отражает объективные ценности, но стремится всеми доступными ему способами выразить свое оценочное отношение к тому, что он фотографирует. Вот в высшей степени важное свидетельство Анри Картье-Брессона: "Для меня фотографирование — это одновременная оценка за какую-то долю секунды важности события и точная передача формы, которая придает данному событию нужную выразительность"⁵. Фотографический объектив — отнюдь не только объективен. Он продолжение глаза фотографа. И его оценочное отношение выражается и в том, что этот глаз видит и в том, как он это видит, какое из бесчисленных мгновений он остановил, в какой концентрации он его "спрессовал", какую случайность он возвел в ранг необходимости, какие предметы оказались на переднем плане, какие явления он столкнул в выразительном контрасте и какие он устранил в процессе печатания снимка, как он смонтировал серию снимков и какое название он дал полученному изображению, не говоря уже о постановочной фотографии и фотомонтажа.

Именно благодаря способности к выражению субъективно-оценочного отношения фотографирование смогло включиться и в область журналистики и в сферу искусства. Современная голография покорила третье измерение. Не возник ли благодаря

⁵ См.: Советское фото, 1979, № 5, с. 46.

этому аналог скульптуры, подобно тому, как фотография стала аналогом живописи и графики? Нынешняя голография способна быть иллюзорно-достоверным заменителем якутских алмазов и скифского золота, но само голографическое изображение не будет художественным до тех пор, пока в него не проникнет личностное начало и объективная ценность демонстрируемых им предметов не будет пронизана субъективной оценкой.

Как мы видим, теоретико-ценностный подход к фотографии позволяет прояснить такую ключевую проблему, как превращение документального факта в публицистический и художественный образ. Совершенно права, на мой взгляд, И. Бальтерманц, утверждая, что отражение конкретного факта лишь тогда может глубоко взволновать, быть эмоционально значимым, "если этот факт, объект внимания фотографа, имеет социально-политическую, этическую, эстетическую ценность"⁶. Но бесспорно также, что ценностные потенции факта раскрываются в фотографическом образе благодаря ценностному видению фотографа. Это слияние объективной ценности с субъективной оценкой приводит к образованию новой ценности — ценности самого фотографического изображения.

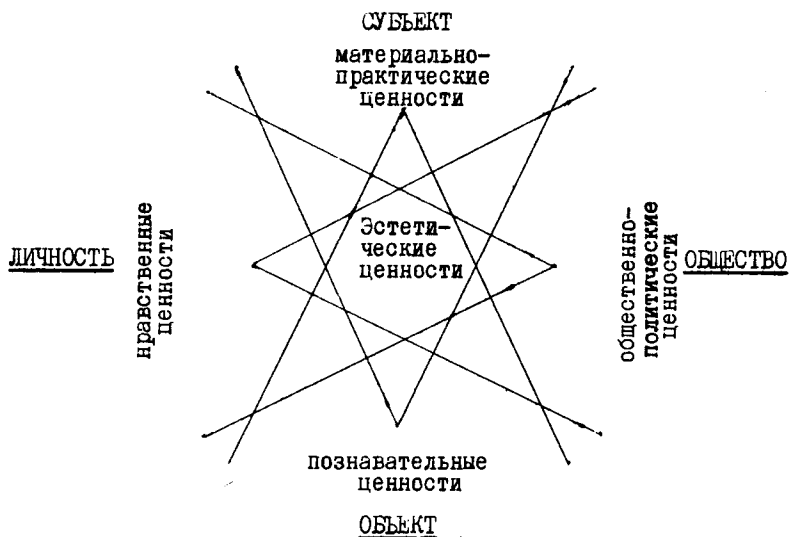
С точки зрения теории ценности можно поэтому рассмотреть и такую важную проблему фотоведения, как классификация видов фотографии. Эти виды выявились в реальном процессе фотографической практики, но теоретическое их изучение оставляет пока желать много лучшего. До сих пор не утихают споры о соотношении фотожурналистики и фотоскучества. Однако ответить на этот вопрос можно только тогда, когда определен сам принцип деления видов фотоизображений. А он понимается, подчас, весьма произвольно.

До сих пор речь шла о ценности вообще. Но ценность вообще — это абстракция, отражающая общие закономерности различных видов ценности. Какие это виды? Вопрос этот — один из важнейших в теории ценности. Эмпирически мы, конечно, знаем, что есть ценности материальные и духовные, нравственные и политические, познавательные и эстетические. Но на чем основывается такое деление? В свое время известный польский философ-феноменолог Роман Инграден писал, что вопрос о классификации ценностей, о принципе деления всех ценностей и основных родов ценностей относится к тому, "что мы не знаем о

⁶ Советское фото, 1978, № 7, с. 18.

ценностях"⁷. Вместе с тем, теория ценности, основанная на марксистской философии, имеет возможность научно подойти к решению этого вопроса, выдвинуть объективный критерий классификации ценностей, "вписав" систему ценностей в более широкую систему общественно-исторической практики.

Исследование этой проблемы привело автора этих строк к построению следующей схемы, в которой фиксируется взаимоотношение основных видов ценностей:⁸

Поскольку ценности возникают в процессе общественно-исторической практики, то и многообразие ценностей порождается многообразием **объекто-субъектных отношений**, составляющих практическую деятельность людей, вызывающую определенные человеческие потребности и удовлетворяющую их. Практически-преобразовательное отношение субъекта к объекту (субъект → объект) создает **материально-практические**, утилитарные ценности - то, что охватывает понятие "польза". Объектно-субъектное отношение в познавательном аспекте (объект → субъект) по-

⁷ См.: I n g a r d e n R. Erlebnis, Kunstwerk und Wert: Vorträge zur Ästhetik 1937-1967. Tübingen, 1969, s.98-99.

⁸ См. Обоснование этой схемы в статье: С т о л о в и ч Д.Н. Место эстетической ценности в системе ценностей. - Труды БНИИТЭ. Сер. Техническая эстетика, вып. 43. Проблемы формирования эстетической ценности и эстетическая оценка. М., 1983, с. 17-22.

рождает познавательные ценности. Здесь истина выступает как ценность. Отношение субъекта как личности к обществу образует сферу нравственных ценностей, определяемых этическими категориями и прежде всего категорией "добро". Отношение же общества к личности - область общественно-политических ценностей, за которые боролся и борется революционный авангард человечества - общественное благо, свобода, равенство, братство, мир.

Эстетическая же ценность "располагается" в центре, где происходит взаимопроникновение всех ценностей. Это, во-первых, обозначает то обстоятельство, что эстетическое начало может присутствовать во всех видах человеческой деятельности и, соответственно, эстетические ценности могут включаться в ценности иного вида. Во-вторых, это выражает синтетическую природу самой эстетической ценности, включающую многообразные общественно-человеческие отношения, обладающую комплексом различных значений. Художественная ценность, по моему мнению, - разновидность эстетической ценности, т.к. это эстетическая ценность произведения искусства. Художественные ценности - это эстетические ценности, созданные творческой деятельностью человека, чтобы отразить эстетически ценностное богатство мира (а через него и все его ценностное богатство) и выразить субъективное эстетическое (а через него и иное ценностное) к нему отношение.

Основные виды фотографии ориентированы на отражение и создание определенных видов ценностей. Поэтому и система видов фотографических изображений должна соответствовать системе основных видов ценностей:

В и д ы ц е н н о с т е й

В и д ы ф о т о г р а ф и и

Материально-практические,
утилитарные ценности

прикладная фотография

познавательные ценности

научная фотография

нравственные и общественно-политические ценности

фотожурналистика

художественные ценности

фотоискусство, художественная фотография

Поскольку эстетические ценности не "автономны", но могут возникать в любом виде человеческой деятельности, эстетическая ценность - не монополия фотоискусства. Эстетически ценной стремится быть любой вид фотографии. Не в том, конечно, смысле, что его объектом должно быть непременно прекрасное,

но благодаря таким качествам создания фотоизображений, как творческое начало, мастерство, соответствие цели и средства, содержания и формы. Эстетические качества фотожурналистики, прикладной и научной фотографии делают более эффективным исполнение тех задач, которые стоят перед каждым из этих видов фотографической деятельности, но создание эстетической ценности не есть их основная цель. Художественная же фотография немалодима без эстетического воздействия на зрителя. Основная задача фотоискусства и состоит в том, чтобы создать такую особую разновидность эстетической ценности, как художественная ценность. И только через свою художественную ценность произведение фотоискусства осуществляет свои и практические, и познавательные, и нравственные, и общественно-политические функции.

Спору нет, границы между видами фотографии подвижны и подчас размыты, как впрочем, между другими искусствами и смежными им видами деятельности. Зачислять ли фигурное катание по ведомству спорта или искусства? Дизайн - производственная или художественная деятельность? Очерк - область журналистики или художественной литературы? И таких вопросов немало. И прикладная фотография может перерасти в художественную. Например, фотографирование произведений живописи, графики, скульптуры, театра, как точно заметил С. Морозов, сродни исполнительским искусствам.⁹ Разумеется, не способность имитировать живопись и графику и не репортажность съемки отделяют фотожурналистику от фотоискусства. Для последнего репортажность также органична, как и для первого, "Комбат" и "Герои Брестской крепости встречаются через 15 лет" - в полном смысле слова - шедевры художественной фотографии (на основе знаменитой фотографии фронтового фотокорреспондента М. Альперта "Комбат" был создан под городом Славяносербском Ворошиловградской области памятник политработникам Великой Отечественной войны). И не эстетическое качество, как уже отмечалось, отличает художественную фотографию от нехудожественной. В фотоискусстве создается художественный образ, в котором, как и в любом другом искусстве, обобщенное отражение эстетически-ценностных свойств явлений действительности пронизано эстетически-ценностным мироотношением.

⁹ См.: Морозов С. Фотография среди искусств. М., 1971, с. 42.

Теоретико-ценностный подход к фотографии утверждает ценность любого вида фотографического творчества. Некоторые фотожурналисты испытывают нечно вроде "комплекса неполноценности" и поэтому выступают против самого деления фотографии на журналистскую и художественную. И напрасно. Фотожурналистика обладает не меньшей общественной ценностью, чем фотоискусство. Но это ценность иная, чем ценность фотоискусства, даже в том случае, когда журналистски-публицистский фотообраз одновременно обретает и художественное звучание. Но для него это не обязательно, а часто и нежелательно, когда запечатление факта важнее выражения индивидуального его видения.

Впрочем, сама формальная принадлежность к "пеку художников" не гарантирует успеха в создании художественной ценности. "Произведение искусства" и "художественная ценность" — не одно и то же. Это в полной мере относится и к произведениям фотоискусства. Известный мастер фотоискусства С.К. Иванов-Алликуев спросил как-то беседовавшего с ним корреспондента: "Вы никогда не задумывались на тем, как много на земле людей с фотоаппаратами и как мало среди них фотохудожников?"¹⁰. И не всякая "художественная фотография" в полной мере художественна, т.е. обладает большой художественной ценностью. В фотоискусстве, как и в любом другом, существует, увы, немало малохудожественных "художественных произведений", которые порой искусно имитируют внешнюю структуру искусства, представляя собой лишь суррогат художественного творчества. Но зато какая непресыщающаяся радость от встречи в фотоискусстве с подлинно художественной ценностью!

¹⁰ "Советское фото", 1977, № I, с. 32.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМА ПАРАДИГМАЛЬНОСТИ НАУКИ

Р.А. Вихалемм

Понятие парадигмы, как известно, имеет центральное место в модели науки, построенной Т. Куном. Эта модель до сих пор активно обсуждается как в философской, так и в историко-научной литературе. Концепция Т. Куна "в отличие от неопозитивистского топтания вокруг "языка науки", привлекает определенной новизной"¹. Причем, философам-марксистам ясно, что с чисто философской точки зрения, Т. Кун "предлагает определенную, ярко выраженную субъективистскую и релятивистскую социально-философскую концепцию", но тем не менее, как историк науки "заслуживает серьезного внимания"². Такой дифференцированный подход к работам Т. Куна исходит из известного указания В.И. Ленина о том, что марксизм должен, с одной стороны, отсеять идеологические намерения буржуазных исследователей, а, с другой стороны, усвоить и развить достигнутые ими научные результаты³.

В данной статье мы рассмотрим концепцию Т. Куна с точки зрения методологических проблем историко-научного исследования, подчеркивая некоторые аспекты ее новизны в контексте западной философии науки и возможность ее марксистской интерпретации.

Прежде всего хочется отметить, что в марксистском контексте, во-первых, выясняются истоки определенной теоретичности куновской концепции на специальном, науковедческом уровне, а, во-вторых, становятся преодолимыми те трудности, с которыми эта концепция сталкивалась на философском уровне и за которые она справедливо критиковалась в марксистской философской литературе. Теоретичность науковедческой концепции Т. Куна объяснима, на наш взгляд, на основе известной

¹ Реба не Я.К. Концепция научных революций Т. Куна и релятивизм. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т. 1977, вып. 404, с. 50.

² Там же.

³ Лени н В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

марксовой идеи о практически истинных абстракциях: Т. Кун в качестве историка науки фиксировал в понятиях парадигмы, нормальной науки, научного сообщества, научной революции и др. некоторую "теоретическую реальность" в смысле практически истинных абстракций. Конечно, "степень теоретичности" куновской концепции в указанном смысле требует еще конкретного анализа, который не входит в задачи данной статьи. Хочется, однако, подчеркнуть, что Т. Кун построил определенную целостную теоретическую концепцию, опираясь в исходном пункте именно на нечто весьма знакомое для всех, занимающихся наукой, и использовал идеи, к которым многие ученые интуитивно уже приходили. Поэтому, на наш взгляд, трудно считать упреками куновской концепции такого типа замечания: в этой концепции нередко речь идет "о всем известном"⁴; "было бы наивно полагать, что все содержание книги "Структура научных революций" - плод исключительно куновский"⁵ и т.п. Мы согласны, например, с М.А. Розовым, который пишет: "Явление научной парадигмальности открыл, конечно, не Кун. Историкам науки хорошо знакома и сила традиций, и косность мышления, и неумение видеть новое. Но если раньше традиции и укоренившиеся мнения рассматривались прежде всего как некий тормоз в развитии знания, то Кун показал, что мы имеем дело с естественным и необходимым явлением без которого нет и самой науки"⁶.

С философской точки зрения, исходная идея куновской парадигмы - познание развивается на основе деятельности с образцами - сводится к давно известному в марксистской философии принципу о развитии познания в предметной деятельности, понимаемой, однако, в отличие от Т. Куна, историко-материалистически, что и позволяет преодолеть философские трудности куновской концепции, сохраняя ее историко-научное содержание. Рассмотрим в этой связи применение концепции социальной памяти Я.К. Ребане для анализа истории науки.

Главным носителем социальной памяти является сам человек как общественное существо, но в человеке и его деятельности

⁴ Г и н з б у р г В.Л. Как развивается наука? Замечания по поводу книги Т. Куна "Структура научных революций". - Природа, 1976, № 6, с. 74.

⁵ Г р я з н о в Б.С. Философские "парадигмы" Т. Куна. - Природа, 1976, № 10, с. 63.

⁶ Р о з о в М.А. Пути научных открытий (К критике историко-научной концепции Т.Куна). - Вопросы философии, 1981, № 8, с. 138.

преломляются также другие, относительно самостоятельно существующие носители социальной памяти: 1) вся совокупность опредмеченной деятельности (материальная культура), прежде всего орудия производства; 2) общественные отношения; 3) язык (в широком смысле слова). С точки зрения познавательно-смыслового содержания, социальная память включает: 1) знания (также умения, навыки, обычаи и т.п.), 2) логическую структуру мышления (в широком смысле: от содержательно-категориального аппарата до формально-математических средств), 3) принятые в обществе ценности. Эту схему Я.К.Рибане конкретизировал и для анализа научного познания⁷.

На наш взгляд, при дальнейшей конкретизации понятия социальной памяти специально для анализа истории науки, получается нечто весьма похожее на понятие парадигмы Т. Куна. Но вместе с тем - и это важно еще раз подчеркнуть - понятие парадигмы оказывается органически связанным с понятием общественно-исторической практики. Действительно, главным носителем социальной памяти в науке мы, естественно, должны считать соответствующим образом "социально запрограммированного существа", т.е. члена какого-то научного сообщества. Большой заслугой Т. Куна следует считать в данном случае то, что он убедительно показал, какую важную роль играют в таком "запрограммировании" конкретные "образцы" решения научных задач в соответствующей дисциплине. Однако для того, чтобы научное сообщество могло формироваться и функционировать, в том числе, чтобы внедрение "тренировки" с "образцами" имело смысл и было технически обеспеченным, должны существовать соответствующие материальная культура и система общественных отношений.

Что касается языка науки, то и этот компонент социальной памяти представлен в концепции парадигмы Т. Куна. Именно в терминах переводимости-непереводимости языков различных парадигм, как известно, обсуждает Т. Кун проблему сравнимости и соизмеримости последних. В этом пункте заслуживает внимания трактовка Т. Куном усвоения языка науки не по аналогии с усвоением иностранного языка с помощью родного, как традиционно предполагается в логике и методологии науки, а по

⁷ Рибане Я.К. Социально-историческая детерминация развития научного познания. - В кн.: Диалектика развития научного познания. М., 1982; е го ж е. Социальная детерминация научного познания. - В кн.: Диалектика - мировоззрение и методология современного естествознания. М., 1983.

аналогии с усвоением родного языка (в социальной деятельности). Это означает, что для понимания специфики языка науки, нужно понимать специфику научной деятельности и коммуникации, т.е. следует исходить из парадигмы научного сообщества, а не из какого-то предполагаемого нейтрального и универсального языка. Т. Кун, таким образом, как бы подчеркивает тот принцип социальной памяти, согласно которому главным носителем ее является исторически конкретный человек. Специфический язык предполагает и, так сказать, специфического человека. Язык, подобно всем другим компонентам социальной памяти, является лишь относительно самостоятельным как в отношении "социально-запрограммированного" человека, так и в отношении остальных компонентов социальной памяти.

В контексте концепции социальной детерминации познания уже не выглядят релятивистскими и иррационалистскими рассуждения Т. Куна о том, что научные сообщества, основанные на различных парадигмах, являются словно различными мирами, так что у ученого, который переходит из одного сообщества в другое, незнакомое для него сообщество, возникают коммуникационные трудности, поскольку он не видит вещи так, как их видят члены этого сообщества. Ведь этот ученый по-другому "запрограммирован". Лишь тогда, когда он "запрограммируется" в новом сообществе на основе парадигмы этого сообщества или самому ему удастся изменить парадигмы сообщества на основе парадигмы, усвоенной им в другом сообществе, и таким образом, по-новому запрограммировать членов всего сообщества, т.е. внедрить в него новую традицию "нормальной науки", лишь тогда исчезнут и коммуникационные трудности.

На указанную возможность изменения парадигм представителем другой парадигмы обращается внимание в уже цитированной статье М.А. Розова, по мнению которого сам Т.Кун "столкнулся с непреодолимыми трудностями при объяснении качественных сдвигов в развитии знания"⁸. Чтобы преодолеть эти трудности, пишет М.А. Розов, "надо перестроить его модель, сохранив при этом главное в куновской концепции - признание парадигмальности исследовательской деятельности. Иными словами, задачу можно сформулировать так: надо показать, что строгое следование научными парадигмам не противоречит получению принципиально новых результатов"⁹. На наш взгляд, хо-

⁸ Розов М.А. Цит. соч., с. 139.

⁹ Там же.

тя и в концепции Т. Куна немало недостатков, не совсем справедливо утверждать, что по Т. Куну, следование парадигмам противоречит получению принципиально новых результатов. В своих историко-научных исследованиях Т. Кун убедительно показывает, — правда, при обсуждении его концепции на это обычно не обращают внимания —, что решение именно парадигмальных задач приводит к научным революциям, что революционный взгляд вырабатывается у ученых постепенно и как бы против их желания в качестве "побочного продукта" в ходе приспособления парадигматической техники исследования для решения аномалий, для преодоления кризисной ситуации в развитии парадигмы¹⁰. Критикам концепции Т. Куна кажется, что подчеркивая несоизмеримость парадигм, он тем самым абсолютизирует скачки в развитии естествознания и игнорирует всякую преемственность в прогрессе науки. Однако Т. Кун всегда имел в виду историческую преемственность теорий. Он, например, обвиняет К. Поппера и И. Лакатоша в том, что их концепции, в которых анализируется лишь ситуация выбора неизвестно как и откуда появившихся альтернативных теорий, "оставляют без внимания, насколько тесно последовательные теории между собой связаны: обычно преемник задумал и также сформирован в ответ на специфические трудности, с которыми сталкивался в своем развитии его предшественник"¹¹. В этой связи Т. Кун также считает, что понятие "кризис" выражает более адекватно предреволюционную ситуацию в науке, чем понятия "стагнация", "дегенерация", "регрессирующий сдвиг проблем" и т.п., предложенные И. Лакатошем для характеристики аналогичной ситуации, понимаемой просто как ситуация, предшествующая вытеснению рассматриваемой научно-исследовательской программы другой программой в их конкуренции.

Таким образом, Т. Кун интересуется процесс перехода от старой парадигмы к новой, условия и факторы возникновения новой парадигмы, подготовка к ее рождению в недрах старой

¹⁰ K u h n T.S. The Copernican Revolution. Planetary Astronomy in the Development of Western Thought. Cambridge, 1957; id.: Black-Body Theory and the Quantum Discontinuity 1894-1912. Oxford, 1978; G a l i s o n P. Kuhn and the Quantum Controversy. — The British Journal for the Philosophy of Science, 1980, vol. 31, N 3.

¹¹ K u h n T. The Halt and the Blind: Philosophy and History of Science. — The British Journal for the Philosophy of Science, 1980, vol. 31, N 3, p.191.

парадигмы. Сообщество ученых не переходит к новой парадигме, если старая хорошо работает, если нет кризисной ситуации, и – главное –, если не найден ключ – все равно откуда: из данной или из другой парадигмы – для преодоления кризисной ситуации. Поэтому статья М.А. Розова кажется нам скорее некоторым дополнением и уточнением концепции Т. Куна, а также переосмыслением ее обычной рецепции, но не перестройкой ее. (Существенно, конечно, что М.А. Розов обратил внимание на искажение Т. Куном в книге "Структура научных революций" фактической истории открытия закона Кулона и т.п., но это уже не является непосредственно критикой его теоретической концепции.)

М.А. Розов прав в том, что "науку творят личности, а не машины"¹², что "реальный ученый – это человек, владеющий в принципе всем арсеналом культуры и свободный в своем выборе накопленных традиций работы"¹³, что "ученый ... очень часто работает как бы на стыке различных традиций, различных парадигм..."¹⁴ и т.п. Но мы не можем согласиться с утверждениями, что "личность, ее полифункциональность является тем зарядом, который взрывает куновскую парадигму"¹⁵, что "ученый Куна закрепощен" к определенной парадигме¹⁶, что "куновское научное сообщество – это сообщество в некотором смысле мнимое"¹⁷ и т.п. Дело в том, что заслуга Т. Куна – теоретика истории науки – заключается именно в исследовании парадигм, научных сообществ, феномена нормальной науки и т.п., поведение которых действительно машинно-подобное, поскольку речь идет о некоторых объективных механизмах развития науки. Личность ученых просто специально не интересует Т. Куна, это не его тема (имена ученых в его теоретических работах лишь сим-

¹² Розов М.А. Цит. соч., с. 147.

¹³ Там же, с. 146.

¹⁴ Там же, с. 147.

¹⁵ Там же. Это утверждение М.А. Розова кажется просто неудачной формулировкой его мысли, ибо противоречит им же поставленной исходной задаче: перестроить модель Т. Куна, сохранив главное в ней – парадигмальность исследовательской деятельности. Тем более, что он ее и сохранил!

¹⁶ Там же, с. 146.

¹⁷ Там же. Это утверждает и К. Поппер. См.: Поппер К. Normal Science and its Dangers. – In: Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge, 1970, p. 56.

волизируют историко-научные события¹⁸). Нельзя понимать ни науку, ни личности ученых, если не признать парадигмальности исследовательской деятельности в науке. Чтобы ученый мог работать на стыке различных парадигм, быть или не быть "закрепленным" к определенному научному сообществу, быть моно- или полифункциональным и т.п., должны существовать и парадигмы, и научные сообщества, и нормальная наука. Полифункциональность личности никак не может "взрывать" куновской парадигмы.

Мы считаем куновский парадигмальный мир науки прежде всего аналогом именно материальных носителей социальной памяти в науке, о которых Я.К. Ребане пишет: "Значение материальных носителей социальной памяти состоит не только в том, что с их помощью программируются вступающие в жизнь люди, но и в том, что через них структурируется мир для людей на материальном уровне и вводятся в сферу познания все новые объекты. Конечно, такое структурирование мира и введение в сферу познания новых объектов происходит в соответствии с объективными закономерностями природы и общества: носители социальной памяти как бы отражают эти закономерности на материальном уровне"¹⁹.

Если сопоставлять понятия социальной памяти (применительно к науке) и парадигмы по компонентам их познавательно-смыслового содержания, то и в этом плане можно на определенном уровне констатировать их сходство друг с другом, поскольку в обоих понятиях наука выделяется от других интеллектуальных сфер по типу знаний, по логическим средствам и по характеру ценностной ориентации. Но в понятии парадигмы делается это опять-таки более конкретно в том смысле, что исходят из реальных процедур научной деятельности. Можно сказать так: поскольку познавательно-смысловое содержание социальной памяти предполагает существование соответствующих материальных носителей, постольку, во-первых, более деталь-

¹⁸ К у н Т. Структура научных революций. М., 1975, с. 33. Здесь мы видим аналогию с "Капиталом" К. Маркса. Напомним, что в предисловии к "Капиталу" К. Маркс отметил: "... здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов" (М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 23, с. 10).

¹⁹ Р е б а н е Я.К. Социальная детерминация научного познания, с. 243.

ное выделение и изучение последних позволяет фиксировать и более конкретную структуру познавательно-смыслового содержания социальной памяти в науке, а, во-вторых, это познавательно-смысловое содержание не может существовать отдельно от своих материальных носителей, которые в свою очередь, как мы видели, являются лишь относительно самостоятельными. В структуре куновской парадигмы как с точки зрения ее материальных носителей, так и соответствующих элементов познавательно-смыслового содержания, исходными и цементирующими компонентами являются "образцы".

Если с марксистской точки зрения куновская концепция представляет интерес не столько в философском аспекте - в свете марксистской философии эта сторона у нее не является новой или выглядит ошибочной - сколько в аспекте историко-научной теории, в создание которой она внесла заметный вклад, то в контексте западной философии и историографии науки она оказалась революционной. Во многом (но не во всем; следует учесть некоторые полемические преувеличения), прав американский марксист М. Вартофский, когда он пишет, что кульминацией в процессе возникновения исторического подхода в западной философии науки был, словно взрыв "фугасной авиабомбы крупного калибра", выход в свет книги Т. Куна "Структура научных революций", которую он характеризует как "ирритирующую, наивную, спутанную и провокационную работу"²⁰. "Антипозитивистская, антиреконструктивистская история науки, - продолжает М. Вартофский -, сформировалась в наивный, но провокационный результат, который встряхнул философов науки. Это - неудивительно. Они знали мало истории - особенно истории науки - поэтому все это показалось им новым. Они были некомпетентными в социологии, поэтому социология науки, на которую Т. Кун ссылается, принималась с энтузиазмом или решительно отвергалась, исходя из философских оснований. Что философы были в состоянии делать - это говорить о парадигмах (что они и делали без конца). Но вследствие этого многие из них обратились, так или иначе, к истории науки и, критикуя или соглашаясь с Т. Куном, узаконили историю науки для философской рефлексии"²¹. Концепция Т. Куна исходит из анализа

²⁰ W a r t o f s k y M.W. The Relation between Philosophy of Science and History of Science. - In: *Essays in Memory of Imre Lakatos*. Boston Studies in the Philosophy of Science. Dordrecht, Boston, 1976, vol. 39, p.729.

²¹ Там же.

реальной истории науки. Она является прежде всего просто исторической, отличаясь, таким образом, в принципе от традиционных западных концепций философии науки, которые вообще игнорируют (игнорировали) реальную историю науки или анализируют ее "по И. Лакатосу": исходят из каких-то логико-методологических принципов и, несмотря на то, что требуют, чтобы эти принципы позволяли рационально реконструировать реальную историю науки, показывают "как "неправильно вела себя" реальная история в свете ее рациональной реконструкции"²², вместо того, чтобы корригировать эту рациональную реконструкцию реальной историей.

Кредо Т. Куна, однако, заключается в том, что "история науки и философия науки имеют разные цели... никто не может одновременно заниматься обеими"²³, хотя философия науки является для историка науки одним из основных концептуальных средств исследования, одним из источников необходимых для него предварительных понятий о том, что существенно и что несущественно. Основные принципы исторического исследования, по Т. Куну, следующие: 1) историческое повествование (нарратив) должно быть построено без насилия над используемыми и интерпретируемыми данными; 2) нарратив должен быть непрерывным: нельзя перепрыгивать через события; 3) нарратив должен быть правдоподобным: поведение людей и деятельность учреждений должны быть понятными и для нас²⁴. Т. Кун подчеркивает, что значение истории науки для философии науки и вытекает из указанной автономности и целостности исторического понимания. Историк науки может прийти к выводу, что концепция философа науки о том, что такое наука, как она функционирует и развивается, требует некоторых изменений, дополнений или даже существенной перестройки, замены ее другой концепцией, ибо иначе невозможно построить нарратив, удовлетворяющий принципы исторического исследования²⁵. Философия науки (тео-

²² Л а к а т о с И. История науки и ее рациональные реконструкции. - В кн.: Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978, с. 233.

²³ К у н Т. S. The Essential Tension. Selected Studies in Scientific Tradition and Change. Chicago, London, 1977, p. 5.

²⁴ К у н Т. Замечания на статью И. Лакатоса. - В кн.: Структура и развитие науки, с. 277.

²⁵ К у н Т. S. The Essential Tension, p. 18.

рия научного познания) играет у Т. Куна следующую роль: "Можим критерием придавать значение какому-нибудь аспекту поведения в науке не является ... просто тот факт, что этот аспект в науке встречается, или что он встречается часто, а скорее то обстоятельство, что он согласуется с некоторой теорией научного познания. Наоборот, мое доверие к этой теории происходит из ее способности придавать связанный смысл многим фактам, которые показались, с точки зрения прежних взглядов, отклоняющимися от нормы или не относящимися к делу"²⁶.

Поэтому, как мы уже показали в другом месте²⁷, хотя и концепция Т. Куна, с точки зрения марксистской философии, далеко не безупречна, было бы несправедливо просто солидаризироваться с обвинениями ее в западной философии науки в релятивизме, иррационализме, субъективизме и т.п. Ведь такие обвинения неверны, если Т. Кун в действительно просто показывает, что вопреки существующим концепциям о природе и развитии научного познания, в реальной истории науки возникают несоизмеримые концепции, и ученые исходят из таких принципов и действуют так, что эти принципы и действия несовместимы с существующими философскими представлениями о рациональности. Реальная проблема, однако, в том-то и заключается, что не так уж просто ответить на вопрос, как же наука на самом деле развивалась? Как узнать реальную историю науки, существенное и второстепенное в ней? Как вообще в истории отличать науку от ненауки?

Как Т. Кун, так и его оппоненты хорошо понимают, что "всякий историк вынужден отбирать и интерпретировать свои данные"²⁸. Другими словами, в западной философии науки остался открытым вопрос о теоретических основаниях познания общественно-исторических феноменов, к которым наука несомненно, относится. Т. Кун, как мы видели, лишь в весьма общих чертах, в духе нарративизма, обратил внимание на принципы исторического познания. Нарративизм, конечно, не является

²⁶ K u n T. S. Reflections on my Critics. - In: Criticism and the Growth of Knowledge, p. 236-237.

²⁷ В и х а л е м м Р. А. Дилемма "априорной рациональности" и "историографического позитивизма" в западной философии науки. - Вопросы философии, 1982, № 8; и др.

²⁸ К у н Т. Замечания на статью И. Лакатоса, с. 277; ср. с. 271; Л а к а т о с И. История науки и ее рациональные реконструкции, с. 234-235; и др.

единственным и достаточно четким решением проблемы²⁹. Концепция Т. Куна само по себе, без некоторой переинтерпретации на основе понятия общественно-исторической практики и материалистического понимания истории не способна найти достаточно ясных и объективных критериев для понимания специфики науки и механизма ее развития. Понятия "парадигма", "нормальная наука" и др. оказываются у самого Т. Куна все же слишком неопределенными для того, чтобы с их помощью можно было бы отличать науку от ненауки. Т. Кун, в конечном счете, считает наукой своего времени и те формы познания, которые по характеру общего видения мира, решаемых познавательных задач и т.п. отличаются от научных парадигм. Например, Т. Кун считает аристотелевскую динамику или птолемеевскую астрономию - образцы античного философского миропонимания - уже типичными научными теориями, примерами парадигм "нормальной науки"³⁰.

Тем не менее, однако, идеи Т. Куна, прежде всего его центральная идея о парадигмальности развития науки, так или иначе, с теми или иными оговорками или дополнениями, акцептируются, иногда даже против своего желания, почти всеми современными теоретиками науки. А насчет своих критиков Т. Кун прав в том, что они нередко критикуют не ту концепцию, автором которой он является, а некоторую воображаемую концепцию его однофамильца.

С. Тулмин, например, критикует куновскую концепцию научных революций, приписывая автору точку зрения, согласно которой понятия "революция" и "эволюция" оказываются метафизически противопоставленными друг другу. Т. Кун же никогда не считал, что научная революция является подобной катастрофе Кювье, как и не утверждал никогда, что несоизмеримость парадигм исключает сравнимость их и частичную коммуникацию с позиции различных парадигм. Т. Кун, по существу, развивает диалектическую концепцию с чередованием кумулятивных стадий развития науки (называя их "нормальной наукой") с революционными стадиями. "Конечно, как говорит Тулмин, - пишет

²⁹ Д о о в е Э.Н. Возникновение и развитие аналитической философии истории. - Вопросы философии, 1974, № 6, с.125 и сл.; П о р к А.А. Историческое объяснение. Критический анализ немарксистских теорий. Таллин, 1981, § 13.

³⁰ К у н Т. Структура научных революций, с. 17-18, 27-28 и др.

Т. Кун —, два вида изменений взаимно проникают: революции уже не считают тотальными ни в науке, ни в других сферах жизни, но признание непрерывности сквозь революции не заставило историков или кого-то другого отказаться от этого понятия³¹.

С.Тулмин критикует также куновское понимание эволюционных идей Дарвина. Дело в том, что Т. Кун, как и С. Тулмин или К. Поппер, при обосновании своей концепции развития науки, тоже прибегает к дарвиновской теории эволюции. В последней главе своей известной книги он пишет: "Процесс развития, описанный в данном очерке, представляет собой процесс эволюции от примитивных начал, процесс, последовательные стадии которого характеризуются все возрастающей детализацией и более совершенным пониманием природы. Но ничто из того, что было или будет сказано, не делает этот процесс эволюции направленным к чему-либо"³². Отмечая, что отрицание направленности науки к истинному представлению о природе как к своей конечной цели может обеспокоить многих читателей, Т. Кун и обращает внимание на дарвиновскую идею эволюции путем естественного отбора, которая может научить нас "замещать" эволюцию к тому, что мы надеемся узнать", "эволюцией от того, что мы знаем"..."³³. С. Тулмин, однако, заметил³⁴, что, хотя Т. Кун и не признает направленности эволюции науки к определенной цели, он все же неверно понимает суть дарвиновской теории, поскольку считает, что "научное развитие, подобно биологической эволюции, является однонаправленным..."³⁵.

Последнее касается разъяснения Т. Куна, как он понимает концепцию научного прогресса и в каком смысле он не считает себя релятивистом. Перед только что цитированной фразой, в тексте Т. Куна сказано: "Вообразите разветвляющееся дерево, представляющее развитие современных научных дисциплин из их общих корней, которыми служат, скажем, примитивная натурфи-

³¹ К у н Т. S. Reflections on my Critics, p.250.

³² К у н Т. Структура научных революций, с. 215.

³³ Там же.

³⁴ Т о у л м и н S. Human Understanding. Vol.I. General Introduction and Part I. Oxford, 1972, p.322-323.

³⁵ К у н Т. S. Reflections on my Critics, p.264.. е г о ж е. Структура научных революций, с. 259,

лософия и ремесла. Контуры этого дерева, ветвящегося всегда в одном направлении от ствола и до верхушки каждой ветви, будут в таком случае символизировать последовательность теорий происходящих одна от другой. Рассматривая любые две такие теории, выбранные в точках, не слишком близких от их источника, было бы легко составить список критериев, который дал бы возможность беспристрастному наблюдателю отличить более раннюю теорию от более поздней в каждом отдельном случае. Среди наиболее плодотворных критериев будут, например, точность предсказания, особенно количественного предсказания; соотношение между эзотерической и повседневной тематикой³⁶; число различных проблем, которые удалось решить данной теорией.

Менее плодотворным для этой цели факторами, хотя также важными и определяющими научную жизнь, были бы такие критерии, как простота, широта охвата явлений и совместимость с другими специальностями³⁷. С. Тулмин подчеркивает, что из дарвиновской схемы объяснения эволюции никак не следует доктрина одностороннего прогрессивного развития. Ведь детерминированные механизмом изменчивости и естественного отбора эволюционные изменения зависят от соответствующих экологических условий и эволюция может в принципе идти, как в сторону большей дифференциации и гетерогенности, так и в обратную сторону. С. Тулмин, таким образом хочет сказать, что недостатком куновской модели развития науки является ее "неэкологичность", непонимание принципиальной роли внешних фак-

36 Мы исправили перевод фразы "the balance between esoteric and everyday subject matter" (K u n T.S. The Structure of Scientific Revolutions, Chicago, 1970, p.206), которая была переведена "равновесие между эзотерическим и обычным предметом исследования". Дело в том, что слово равновесие в данном случае не может быть адекватным переводом слова "balance". Из такого перевода может создаться впечатление, якобы речь идет об образовании какого-то равновесия между эзотерическим и повседневным предметами исследования, в то время, когда Т. Кун имеет в виду совсем другой процесс: прогресс научного познания означает движение о повседневной тематики (решения повседневных проблем) ко все более эзотерической тематике (решению проблем, формируемых самой наукой). См.: К у н Т. Структура научных революций, с. 39-40, 206-208 и др.

37 К у н Т. Структура научных революций, с. 258-259; id. Reflections my Critics, p.265.

торов в механике эволюции науки. В этом он в известной мере прав. Но именно лишь в известной мере. Во-первых, Т. Кун признает в предисловии к "Структуре научных революций", что технические достижения или внешние социальные, экономические и интеллектуальные условия могут играть важную роль в развитии науки, но просто характер анализируемых в его книге проблем не требует специального рассмотрения этих факторов, поскольку принципиальное решение вопросов, в данном случае от них не зависит³⁸. Во-вторых, в конце той же книги он пишет (приведем здесь почти полностью последний абзац из этой книги, оправдываясь тем, что он, на наш взгляд, исключительно важен для понимания и оценки концепции Т. Куна): "Каждый, кто проследил за нашей аргументацией, тем не менее почувствует необходимость спросить, почему эволюционный процесс должен осуществляться. Какова должна быть природа, включая и человека, чтобы наука была возможна вообще? Почему научные сообщества должны достигнуть прочной согласованности, недоступной в иных сферах? Почему согласованность должна сопутствовать переходу от одного изменения парадигмы к другому? И почему изменение парадигмы должно постоянно создавать инструменты, более совершенные в любом смысле, чем те, что были известны до этого? С одной точки зрения, эти вопросы, исключая первый, уже получили ответ. Но, с другой точки зрения, они остаются такими же открытыми, какими были в самом начале этого очерка. Не только научное сообщество должно быть специфическим. Мир, частью которого является это сообщество, должен также обладать полностью специфическими характеристиками; и мы ничуть не стали ближе, чем были вначале, к ответу на вопрос о том, каким он должен быть. Однако эта проблема — каким должен быть мир для того, чтобы человек мог познать его? — не порождена данной работой. Напротив, она столь же стара, как и сама наука, и столько же времени остается без ответа. Но она и не подлежит здесь разрешению. Любая концепция природы, которая не противоречит при тех или иных доводах росту науки, совместима в то же время и с развитой здесь эволюционной точкой зрения на науку. ... эта точка зрения также совместима с тщательными наблюдениями за научной жизнью..."³⁹.

³⁸ К у н Т. Структура научных революций, с. 12-13.

³⁹ Там же, с. 217-218.

Это глубокая постановка проблемы, свидетельствующая, на наш взгляд, о том, что подход Т. Куна ведет к центральным философским вопросам науки, которые требуют марксистского анализа, но которых С. Тулмин, не говоря уже о представителях традиционной философии науки, даже не заметил. С. Тулмин, конечно, прав в том, что при анализе развития науки нельзя довольствоваться просто рассмотрением того, "что ученые нормально делают", а следует выяснить, что собственно требовала (требует) от них конкретная "экологическая ситуация"⁴⁰. Однако он необоснованно, без достаточного конкретного анализа (на основе лишь биологических аналогий) предполагает, что можно говорить о популяционных понятиях, что количество концептуальных новшеств в науке сравнимо с количеством мутантных форм в биологии и "экологический" контекст развития науки (или, выражаясь словами Т. Куна, "мир, частью которого является научное сообщество") столь изменчив, что об односторонности (в смысле Куна) прогресса науки говорить нельзя. Т. Кун, вместо этого, констатирует, на основе тщательного изучения истории науки, что такой прогресс существует и ставит проблему: почему это так, каким должен быть мир (а затем ведь последуют вопросы, на чем такой мир основывается и как он возникает), в котором такой прогресс науки возможен и должен осуществляться? Решение этой проблемы предполагает уже материалистическое понимание истории, анализ форм познания с точки зрения принципа социальной детерминации познания.

В другом плане критикует Т. Куна П. Фейерабенд. Ему не нравится нормативность концепции Т. Куна. Он считает неверным положение Т. Куна о "нормальной науке" как определенном и необходимом периоде, предшествующем революции в развитии науки. По его мнению, нормальный и философский компоненты в науке сосуществуют и постоянно взаимодействуют между собой⁴¹. П. Фейерабенд претендует на применение культур-антропологического метода в философии науки⁴², который обеспечивает, по его мнению, анализ реальной истории науки и исключает всякие попытки навязывать ей какие-то предвзятые схемы. Однако са-

⁴⁰ T o u l m i n S. Human Understanding, p.483-485.

⁴¹ F e y e r a b e n d P. Consolations for the Specialist. - In: Criticism and the Growth of Knowledge, p.197-214.

⁴² F e y e r a b e n d P. Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge. London, 1979, p.249f.

мого П. Фейерабенда можно обвинить в нарушении этого требования. Критикуя Т. Куна, он явно исходит из своих философских принципов и основанной на них концепции (идеологии) эпистемологического анархизма⁴³. И только в свете этой концепции он действительно находит факты, говорящие якобы о том, что никакого периода "нормальной науки" не было, все время имела место борьба мнений. Однако Т. Кун пишет в своем ответе⁴⁴, что он вполне согласен со всеми приведенными П. Фейерабендом описаниями истории науки, но они вовсе не опровергают его концепцию "нормальной науки". Дело в том, что в указанных П. Фейерабендом случаях речь идет о взглядах философского характера, которые не играли никакой роли в парадигмах "нормальной науки". Другими словами - П. Фейерабэнд обратил внимание (исходя из своей концепции!) на такие стороны развития науки, которые в концепции Т. Куна оказались несущественными (хотя и не запрещенными). Факты сами по себе еще ничего не доказывают. Они, строго говоря, даже не существуют в знании вне некоторого теоретического контекста (эту более или менее общепринятую в методологии науки истину, подчеркнутую, в частности, и П. Фейерабендом, следует более последовательно применять и в методологии историографии науки).

На каком же основании Т. Кун может утверждать, что приведенные П. Фейерабендом факты являются несущественными? Другими словами, каким образом Т. Кун доказывает - и прав ли он -, что "нормальная наука" существует и именно с ней, а не с дебатами философского характера, связана специфика собственно научного познания?

Прежде всего хочется сказать, что философу гораздо легче замечать борьбу мнений, чем фиксировать "нормальную науку", в которой эта борьба отсутствует, как необходимую специально культивируемую черту науки. Скорее всего Т. Кун, как историк науки, как науковед, а не П. Фейерабэнд, у которого философские интересы стоят на первом месте, пользуется методом культур-антропологии. При открытии феномена "нормальной науки" он как бы проводил и "полевые исследования"⁴⁵. Концеп-

⁴³ См. об этом: В и х а л е м м Р.А. Современная буржуазная методология науки как идеология. - Уч. зап./Тартуский гос. ун-т. 1983, вып. 630, с. 19-28.

⁴⁴ K u n T.S. Reflections on my Critics, p.254-255.

⁴⁵ В предисловии к "Структуре научных исследований" Т. Кун рассказывает о формировании своих взглядах в процессе

ция Т. Куна - это, как уже подчеркивалось, концепция не о взглядах и деятельности отдельных ученых, а их сообществ. Нормальная наука возникает лишь тогда, когда возникает парадигма, которую признает и однозначно понимает целое сообщество. Типичный прогресс науки - то, что отличает зрелую науку от любого другого вида интеллектуальной деятельности, в том числе и от еще несформировавшейся науки - возможен именно при наличии такой парадигмы, т.е. в рамках "нормальной науки". Естественно, что отдельные ученые могут вести себя и "не нормально" (вспоминая вышецитированную статью М.А. Розова, следует сказать, что неверно считать, что "ученый Куна закрепощен"), но для Т. Куна, как науковеда, эти отклонения от нормы (важно подчеркнуть, что он их не отрицает, а напротив - предполагает) не представляют интереса до тех пор, пока они не сказываются на поведении целого сообщества и не вызывают нарушения "нормальной науки" (т.е. кризиса и революции). На этом основании он и может считать несущественными приведенные П. Фейерабендом факты о борьбе мнений, касающиеся именно деятельности отдельных ученых или их взглядов, не относящихся к основам общепризнанных в определенных научных сообществах парадигм. П. Фейерабенд как философ, выражающий интересы абстрактного "свободного индивида", подчеркивает, что наука вообще и любые правила поведения ученых - это, в конечном счете, лишь несовершенные изобретения самого человека, поэтому он же может их и нарушать; вернее - он не может их не нарушать, поскольку является живым человеком, а не схемой; он даже и должен их нарушать, поскольку иначе, в конечном счете, не было бы никакого прогресса. Т. Кун же как науковед, интересующийся закономерностями науки, фиксирует лишь общее, закономерное, нормативное и рассматривает деятельность отдельных ученых тоже только с этой точки зрения.

Итак, мы видим, что куновская концепция о парадигмальности науки получает при помощи принципа социальной памяти весьма естественным образом марксистскую интерпретацию и является довольно удачным теоретическим обобщением в современной историографии науки.

написания диссертации по теоретической физике, стажировке по специальности истории науки, преподавании истории науки, общении со студентами и различными научными сообществами, в том числе, длительное время сообществом специалистов социальных наук, которое резко отличается от сообщества ученых-естествоиспытателей, в котором он сам обучался.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ
И КОНСТРУИРОВАНИИ
(К проблеме опредмечивания знания)

В.А. Колеватов

Одно из важнейших направлений исследования механизмов социальной детерминации познания – проблема опредмечивания знания. Она "пронизывает" все уровни и способы этой детерминации. В статье обсуждается специфика функционирования некоторых средств опредмечивания знания, широко используемых в научном исследовании и конструировании.

Любое научное исследование и процесс познания вообще приводит к новому знанию только в том случае, если нам удастся зафиксировать в определенном языке, в объективной форме его ход и результаты. Точнее говоря, сам процесс познания как раз и совершается с помощью средств объективации мысли – разнообразных знаковых систем – речи (устной и особенно широко используемой письменной); языка математики, различных графических средств.

На это можно возразить, что идеи, мысли, гипотезы, теории рождаются в голове индивида и не связаны с наличием или отсутствием в этот момент средств фиксации мысли и с оперированием ими. Возражение такого характера представляет собой вариант гносеологической робинзонады. "Ведь идеальное, – пишет Я.К. Ребане, – как бы его ни трактовали – только ли в смысле известных психических состояний человека или более широко, в смысле также воплощения человеческих замыслов, деятельности в предметах, в их структуре, может существовать только при условии, что оно материализовано, опредмечено..."¹

Действительно, появление самой простой мысли необходимо предполагает наличие общества и не просто существование общества как такового, а включенность данного субъекта в общество. Эта включенность проявляется в том, что субъект позна-

¹ Ребане Я.К. О социальной детерминации познания. М., 1970, с. 21.

ния "запрограммирован" усвоенными им сознательно (и бессознательно) представлениями о мире и способами деятельности, навыками и нормами, хранящимися в социальной памяти. Она проявляется также в использовании материальных средств, без которых никакая мысль не может стать принадлежащей обществу. Но она не может стать и принадлежащей индивиду, если она не сформулирована, не выражена в таких средствах. Мысль с помощью этих средств (речи, книгопечатания, рисунка, звукозаписи и т.д.) "отчуждается" от породившего ее человека, но они же (средства) дают возможность людям (в том числе и автору данной мысли) овладеть ею².

Это овладение своим собственным мышлением предполагает, следовательно, как и в процессе материального производства, опредмечивание сущностных сил человека и последующее распрямление. Процесс такого постоянного перехода от субъективного бытия мысли к предметному ее воплощению и от предметного вновь к субъективному, но уже на более высоком качественном уровне - это и есть процесс мышления. В таких формах протекает он как общественный процесс, и в этих формах, ибо других не существует, мыслительная деятельность реализуется индивидом постольку, поскольку он участвует в этом общественном процессе. В.А. Лекторский говорит по этому поводу следующее: "... внешняя деятельность в виде оперирования теми или иными предметами, значками, схемами и т.д. - это не просто одно из средств объективации "подлинной" деятельности мышления, совпадающей "в уме", а ее постоянная основа и исходный пункт формирования"³.

Опредмечивание мышления проявляется в специфических формах, обусловленных глубокой дифференциацией мыслительной деятельности на различные ее виды. Одни из них наиболее близки по своим параметрам процессу создания материальных благ, другие в ходе исторического развития утратили непо-

² "О наших мыслях, - замечает Гегель, - мы знаем только тогда, когда имеем определенные, действительные мысли, когда мы даем им форму предметности, различности от нашего внутреннего существа, следовательно, форму внешности, и притом такой внешности, которая в то же время носит на себе печать высшего внутреннего. Таким внутренним внешним является единственно только членораздельный звук, слово". - Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3, Философия духа. М.: Мысль, 1977, с. 303.

³ Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980, с. 171.

средственную связь с материальным производством. Некоторые из них обладают ярко выраженной предметностью. Это относится, в частности, к тем из них, которые связаны с построением и преобразованием чертежей, схем, графиков, диаграмм, используемых в познании и управлении.

Как высокоэффективные для объективного исследования и наглядного представления его результатов расценивал графические средства В.И. Ленин. Анализируя картину борьбы на II съезде РСДРП, он писал: "Чтобы сделать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую картину, а не грудку бессвязных, дробных, изолированных фактов и фактиков, чтобы положить конец бесконечным и остолковым спорам об отдельных голосованиях (кто за кого голосовал и кто кого поддерживал?), я решил попытаться изобразить все основные типы "разделений" нашего съезда в виде диаграммы. Такой прием покажется, наверное, странным очень и очень многим, но я сомневаюсь, можно ли найти другой способ изложения, действительно обобщающего и подводящего итоги, возможно более полного и наиболее точного"⁴.

Графические средства, как известно, широко применяются в конструкторской и исследовательской деятельности. Для специалиста, работающего в области конструирования техники, характерен такой специфический вид деятельности, которую обычно называют, с известной долей условности, инженерным мышлением. Этот достаточно нечеткий термин скорее указывает лишь общую направленность деятельности технического специалиста. Одним из приемов, позволяющих более четко зафиксировать эту направленность, может служить различие научного исследования и инженерного конструирования, деятельности ученого и инженера по определенным параметрам.

Научное исследование всегда направлено на познание свойств, функций какого-либо явления, выступающего его объектом. "Научное исследование, — пишет, например, И.Г. Герасимов, — это такое систематическое и целенаправленное изучение объектов, в котором используются средства и методы науки и которое завершается формулированием знаний об изучаемых объектах"⁵. Следовательно, результатом, продуктом научного исследования будут знания о тех объектах, которые подверга-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 321-322.

⁵ Герасимов И.Г. Научное исследование. М.: Политиздат, 1972, с. 59-60.

лись исследованию. Задача, которой определяется направление усилий ученого, может быть представлена в простейшем случае эмпирического исследования следующим образом: имеется некоторый объект; необходимо выяснить, открыть, каковы его свойства, каким образом он функционирует.

Перед инженером в рассматриваемой нами связи стоит задача противоположного плана. Он должен придумать, построить устройство, которое выполняло бы наперед заданные функции, обладало бы определенными свойствами. Поэтому важнейшей составной частью деятельности инженера выступает проектирование, конструирование самых различных машин, приборов, установок и т.п. Разумеется, указанное различие познавательной и конструкторской деятельности является абстрактным.

Конструирование, рассматриваемое как определенный тип мышления, является, по-видимому, по своему генезису и характеру наиболее близким аналогом производственной деятельности человека. Эта близость, однотипность проявляется, прежде всего в аналогичном использовании средств, с помощью которых осуществляются оба вида деятельности. Производя какую-либо потребительную стоимость, человек имеет дело с предметом труда и орудиями, которые опосредствуют его воздействие на этот предмет. В конструировании, которое представляется иногда как "чисто" мыслительная деятельность, каждый шаг может также материализоваться, опредмечиваться с помощью определенных средств в виде рисунков, схем, чертежей, которые выступают и как результат, продукт этой деятельности.

Имея в виду указанное различие процессов конструирования и исследования можно, однако, с полным основанием утверждать, что и результатом исследования может быть график, схема, чертеж. Чем же в этом случае отличаются продукты (и, следовательно, цели) работы конструктора и ученого? Такое отличие, на наш взгляд, может быть зафиксировано, если мы проследим, как используются (или могут быть использованы) эти продукты.

Необходимым условием конструирования является актуальное (или хотя бы потенциальное) воплощение конструкции в материале, создание устройства, реализующего проект. И в этом случае чертеж, схема, может рассматриваться как первый шаг на этом пути, когда конструкция уже воплощена в некотором материале, только материал этот еще не обеспечивает реально-го функционирования устройства⁶.

⁶ В некоторых отраслях современной техники возможны ситуации, когда схема (изображение) при определенных условиях

Если же чертеж или схема являются продуктом научного исследования, ситуация меняется. В этом случае они служат лишь средством фиксации и хранения знаний, что обычно не предполагает их воплощения в виде какого-либо действующего устройства. Машина, созданная по чертежу, существует в виде определенного вещественного продукта. Знание, зафиксированное в какой-либо материальной форме, существует лишь идеально, как отражение действительности. Напомним еще раз, что речь идет о дифференциации, связанной с различием функций одних и тех же материальных средств объективации мыслительных процессов в разных сферах человеческой деятельности.

С гносеологической точки зрения чертежи, графики, схемы и подобные им средства, широко используемые в конструкторской и познавательной деятельности, могут иметь различные функции. Например, функции чертежа, выполненного в ортогональной проекции, изображающего какое-либо устройство или деталь, существенно отличаются от функций принципиальной схемы, скажем, радиотехнического прибора. В первом случае отображается форма элементов и пространственная структура всего устройства, во втором — система функциональных связей, соединяющих элементы в единое целое.

Эти различия могут рассматриваться и как исторические этапы в развитии средств и способов отображения объектов в отдельных сферах науки и техники. Весьма примечателен в этом отношении один из этапов развития радиотехники.

Статья А.С. Попова, опубликованная в "Журнале Русского физико-химического общества" в 1896 году, на заре эры радио, сопровождалась рисунком, выполненным, вероятно, рукой автора⁷. Он представляет собой, как и любой рисунок, перенесенное на плоскость из трехмерного пространства графическое изображение прибора в его первоначальном варианте. Рисунок фиксирует внешнюю конструктивную форму элементов (деталей) и прибора в целом.

выполняет функции самого прибора. На эту особенность схем обратил внимание Н. Винер: "Электрическая схема может выполнять сравнительно сложную функцию, а ее изображение, воссозданное печатной машиной, использующей типографскую металлическую краску, может функционировать так же, как изображаемая ею схема". — В и н е р Н. Об обучающихся и самовоспроизводящихся машинах. — В сб.: Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная. М.: Наука, 1968, с. 48.

⁷ П о п о в А.С. О беспроволочной телеграфии. М.: Физматгиз, 1959, с. 66.

В этом, вероятно, первом в истории науки изображении радиоприбора можно отметить определенные особенности, развитие которых привело к современным средствам построения радиосхем. Поскольку для успешного функционирования прибора решающее значение имеют электрические связи его элементов (деталей), изображение этих элементов смещено таким образом, чтобы их электрические связи можно было четко передать на рисунке. В реальном приборе его элементы соединены проводами, замыкающими их в непрерывную электрическую цепь. Чтобы изобразить эту цепь, пришлось построить рисунок так, что он фактически сочетает в себе изображение деталей и общий вид (план). Сами провода на рисунке изображены четкими линиями, позволяющими легко проследить образованную ими цепь и ее элементы.

Дальнейшее развитие радиотехники показало, что приборы, имеющие различное конструктивное оформление, собранные из отличающихся друг от друга по внешнему виду деталей, могут выполнять одинаковую функцию. Чтобы сопоставить функции двух или большего числа таких приборов и построить на базе такого сопоставления теорию, объясняющую их действие, необходимо было выработать средства, которые бы позволяли изобразить одинаковым образом конструктивно отличающиеся элементы этих приборов, выполняющие одни и те же функции.

Рисунки того типа, который был описан выше, давали мало возможностей для сопоставлений. Критическая ситуация была преодолена созданием специфических графических средств для изображения функций элементов и прибора в целом. Графический прием для этого уже был выработан — провода изображались на рисунке с помощью линий. Однако построенная с помощью таких линий графическая сеть, передающая структуру функциональных связей, не могла быть использована для объяснения действия прибора, пока не было средств для изображения одинаковых по функциям, но разных конструктивно элементов прибора таким образом, чтобы их можно было легко идентифицировать.

Дальнейшее развитие в этой области связано с формированием категориального (понятийного) аппарата теории радиотехники. Используя понятия, сформулированные на естественном языке, ученые, работающие в этой области, пришли к терминологии, в которой элементы радиотехнических устройств обозначались терминами по их функциям независимо от конструктивных особенностей и внешней формы, что было зафиксировано соответствующим словоупотреблением.

Следующий шаг в этом направлении был сделан, когда термины, записанные с помощью общеупотребительной формы письма, были заменены на изображениях приборов условными графическими знаками (пока единообразные знаки не появились, изображение каждого элемента, как правило, сопровождалось надписью, указывающей его функцию: "батарея", "телефон" и т.п.). Эти условные знаки выражали соответствующие понятия, включенные в теорию радиотехники и обозначали соотношенные с этими понятиями реальные элементы устройств. Скажем, конденсатор изображался знаком $\text{---} \text{||} \text{---}$ независимо от его реальной конструкции. Это обозначение не просто выражало тот же смысл, что и записанный буквами термин, т.е. фиксировало определенные свойства данного класса объектов, скажем, способность пропускать переменный ток различной (в зависимости от емкости) частоты и не пропускать постоянный ток.

Унифицированные идеографические изображения отдельных приборов принципиально отличаются от словесных терминов тем, что дают возможность сформировать операциональную знаковую систему, позволяющую легко создавать и перестраивать огромное количество вариантов схем радиотехнических устройств (скажем, на схеме "сразу видно", будет ли вообще функционировать данная конструкция или нет). В этой связи можно отметить сходство таких средств с буквенной символикой в алгебре.

Следует отметить одно существенное обстоятельство, вытекающее из особенностей исторического развития графических средств, применяемых в науке и технике. История радиотехники демонстрирует здесь такой путь развития познания, который не укладывается в представление о переходе от чувственного к вербальному отображению как высшей ступени познания. Словесно-понятийное освоение этой сферы объективной реальности оказывается лишь посредствующим этапом для выработки более адекватных в данном случае модельно-изобразительных средств. Эти средства могут быть выработаны лишь тогда, когда данная область действительности подверглась предварительному изучению и когда сформирован понятийный аппарат для ее описания на естественном языке.

Надо сказать, что те же самые графические знаки используются в теории радиотехники и для обозначения абстрактных понятий. Например, приведенный выше знак может обозначать и "емкость вообще". Различие состоит в том, что на принципиальной схеме какого-либо конкретного типа радиотехнических

устройств рядом с таким знаком обычно указывается величина емкости данного конденсатора, тогда как при теоретических построениях этот знак может обозначать не только соответствующий элемент конструкции, но и емкость, которой не соответствует никакого реального элемента (например, так называемую паразитную емкость). То же самое можно сказать и о других условных знаках, например индуктивности и т.д.

Процесс выработки весьма эффективной системы графических знаков и соответствующих теоретических понятий по содержанию (конечному итогу) можно охарактеризовать как один из видов научной абстракции, а именно абстракцию от несущественных обстоятельств⁸. Обусловленный объективно проявившимися в практике отношениями независимости функций от конструктивной формы элементов, этот процесс происходил в значительной мере стихийно.

Принципиальную схему, отображающую функциональные связи элементов радиоустройства, можно рассматривать как сеть связей (граф), узлами которой являются элементы прибора, обозначенные определенными условными знаками. Она, таким образом, оказывается по характеру замещения объектов по крайней мере двухслойным образованием, представляющим сочетание пространственной графической модели связей и особого рода графических знаков — идеограмм, обозначающих эмпирические объекты и выражающих соответствующие теоретические понятия. Поскольку такая сеть не фиксирует жестко пространственного расположения деталей, она сохраняет связность при топологических преобразованиях.

Общий характер процесса формирования способов построения схем в радиотехнике соответствует в своих главных чертах процессу становления языка научной теории в других отраслях естествознания и техники.⁹

⁸ Розов М.А. Научная абстракция и ее виды. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1965, с. 39.

⁹ До появления радиотехники такой же путь развития прошли изображения электрических устройств проводной связи и электротехники вообще, откуда радиотехника заимствовала некоторые способы изображения деталей. Об эволюции изображений электрических цепей см.: Грегори Р. Разумный глаз. — М.: Мир, 1972, с. 181-185. Р. Грегори также подчеркивает, что электрические схемы отображают функциональные характеристики элементов устройств: "внешнее сходство ушло безвозвратно, выделились те формальные признаки деталей, которые определяют функциональное назначение каждого компонента схемы. Символы стали отображать функцию, а не структуру, форма символа уподобилась "абстрагированной карикатуре" объекта".

Этот экскурс в историю радиотехники позволяет сделать предположение - радиосхема исторически сформировалась так, что она не просто моделирует какое-то устройство, но представляет собой отображение связей в системе теоретических или эмпирических понятий. Следовательно, пока соответствующие понятия не сложились, не было и основы для развития графической знаковой системы. С другой стороны, появление первых изображений радиотехнических устройств породило потребность в более совершенных схемах. Это в свою очередь способствовало формированию понятийного аппарата, т.е. происходило своеобразное взаимодействие словесных и изобразительных средств в рамках складывающейся теории.

Таким образом, развитие графических средств шло от передачи внешней пространственной формы (что соответствует по характеру рисунку или чертежу) к передаче, изображению функций. Однако и в том, и в другом случае между этими различными способами изображения существует определенная общность. Эта общность может быть зафиксирована как принадлежность чертежа и радиосхемы (и некоторых других типов изображений) к классу знаковых моделей. Согласно В.А. Штоффу, для знаковых систем, функционирующих в качестве моделей, должны выполняться некоторые условия. Во-первых, "элементарный знак знаковой системы, выступающей в качестве модели или выполняющей функции модели, должен обязательно иметь предметное значение, находиться в однозначном отношении к своему предмету и, следовательно, быть его заместителем... Указанным предметным значением элементарный знак знаковой модели обладает только в контексте самой системы"¹⁰. Вторым существенным признаком знаковых моделей в отличие от других (по мнению названного автора) служит то обстоятельство, что знаковая модель, "не являясь отображением объекта (моделируемой системы) на уровне элементов, представляет собой образ этой системы на уровне структурном. Структура знаковой модели представляет собой изображение структуры моделируемого объекта"¹¹.

(с. 182). На с. 182-183 названной книги приведены три последовательно сменявшие друг друга на протяжении 1884-1896 гг. изображения одного из электротехнических устройств - мостика Уитстона. Последнее из них практически неотличимо от современных схем этого устройства.

10 Ш т о ф ф В.А. Знаковая модель как особый вид знаковой системы. - В сб.: Проблема знака и значения. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 130.

11 Там же, с. 131.

Как видно из предшествующего изложения, понятие знаковой модели может охватывать не только изображения, передающие структуру объекта, но и изображения, отображающие систему функциональных связей элементов, формирующих целостность объекта. В некоторых случаях, как мы видели, не является обязательным и наличие предметного значения (в теоретических схемах). Эти утверждения вполне соответствуют характерным особенностям радиосхем.

Чем же объясняется высокая эвристическая ценность изобразительных моделей, обеспечившая их широкое использование в практике инженерного конструирования и в практике научного исследования? По-видимому, решающим является тот факт, что применение знаковых моделей позволяет заменить реальный объект (исследуемый или создаваемый), функционирующий по естественным, природным законам, моделью, правила построения и функционирования которой выбираются, задаются людьми. Оперирование с последними значительно облегчается тем, что в каждом конкретном случае могут быть выбраны наиболее оптимальные правила их построения, скажем вид проекции, в котором выполнен чертеж, тип условных знаков, приемы преобразования схем и т.д. Вероятно, это один из важнейших факторов, обеспечивающих высокую эффективность графических средств в научном познании и инженерном конструировании.

Важнейший этап создания научной теории связан с формированием ее объекта. В науке используются различные методы формирования объектов теории. Их можно предварительно разделить на две группы. Методы первой группы основываются на использовании различных типов абстракции, приводящей к выделению каких-либо (обычно немногих) важных в данном отношении свойств эмпирических объектов и отвлечению от остальных. Процедуру формирования объекта теории при этом обычно называют идеализацией¹². Методы второй группы могут быть названы, в отличие от методов первой группы, конструктивными. Их характерная черта - формирование объектов теории из таких элементов, которые не могут быть выделены путем абстрагирования из известных эмпирических свойств изучаемого объекта¹³.

Как было продемонстрировано выше, между инженерной, кон-

¹² Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 204-205.

¹³ Д е д н и к о в Е.Е. Проблема конструкторов в анализе научных теорий. Киев: Наукова думка, 1969, с. 7.

структурской, и исследовательской деятельностью существует фундаментальная связь, поэтому понятия "конструирование", "конструкторская работа" используются и при описании процесса научного познания. Они выражают глубокие закономерности этого процесса. Ф. Энгельс в известном отрывке из "Диалектики природы", анализируя формы, в которых могут совершаться научные открытия, пишет, что С. Карно "сконструировал идеальную паровую машину..."¹⁴.

Чтобы выяснить специфику теоретического конструирования, обратимся к приемам построения умозрительных моделей, играющих важную роль при создании теории. Известно, например, что такие модели во многих случаях применял Дж.К. Максвелл. "Теория электричества, которую я лично предпочитаю, - писал он в одной из своих работ, - отрицает действие на расстоянии и приписывает электрическое действие натяжениям и давлениям во всепроникающей среде, причем напряжения принадлежат к тому же роду, который известен технике, среда же идентична той, в которой, как мы предполагаем, распространяется свет"¹⁵. В другой работе¹⁶ он развивает вихревую модель атома и т.п.

Роль этих моделей в формировании теории была, по-видимому, в значительной мере вспомогательной, они служили своего рода искусственной конструкцией, позволяющей выявить закономерную связь явлений. Оригинальность пути, которым шел ученый, отмечает Д. Томсон: "Можно лишь поражаться, что Максвелл пришел к своим уравнениям с помощью рассуждений, где фигурировала сложная модель с вращающимися вихрями, изображавшими магнитные силы; эти силы передавались частицами, игравшими роль свободных шестеренок в зубчатой передаче - аналоге электрического тока. Если бы такое доказательство кто-нибудь увидел сегодня, то хватило бы и беглого взгляда, чтобы, не колеблясь, выбросить этот труд в мусорную корзину. Подводя итог, Максвелл отбросил почти весь этот механизм; в

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 20, с. 543-544. Немецкий глагол "konstruieren", употребленный Ф. Энгельсом, означает не только "конструировать", но и "создавать, сооружать, строить", т.е. связь с процессом материального производства выражена в нем более явно.

¹⁵ Максвелл Дж.К. Статьи и речи. М.: Наука, 1968, с. 18.

¹⁶ Там же, с. 145-151.

результате появилась теория...¹⁷.

Отметим важные для дальнейшего изложения особенности приемов работы Максвелла: 1) Идеальные модели конструируются из элементов, которым могут быть найдены аналоги в практической производственной деятельности ("напряжения принадлежат к тому же роду, который известен технике"; подчеркнумноу. - В.К.); 2) Эти модели, как и объекты теории вообще, занимают некоторое промежуточное положение, функционируют лишь как средство построения теории и могут быть "отброшены" при переходе к математическому формализму (когда он уже сформулирован) или заменены другими при обращении к эмпирическим данным.

Таким образом, для теоретического конструирования характерным является создание элементов, из которых строится объект теории, и правил оперирования с ними. Правила построения такого объекта выбираются, создаются ученым в зависимости от поставленной им задачи. В приведенном примере эти правила (как и вся конструкция в целом) должны были обеспечить переход от эмпирически наблюдаемых фактов к математическому описанию.

В качестве подобного рода моделей широко применяются геометрические построения, причем не только в науках, изучающих протяженные объекты. Во многих случаях они используются для моделирования непространственных параметров процессов, например, химических и иных свойств вещества. Хорошо известен знаменитый менделеевский "пасьянс". Пространственное распределение химических элементов по их атомным весам (и некоторым другим свойствам) помогло увидеть связи между ними, объединить их в периодическую систему¹⁸.

Д.И. Менделеев и в других случаях обращался к пространственным, геометрическим построениям, в частности, в период становления физической химии при поисках методов физико-химического анализа. Исследуя свойства растворов, он высказал идею о том, что "на кривых, выражающих свойства растворов в зависимости от состава, должны... быть "особые точки" в

¹⁷ Т о м с о н Д. Дух науки. М.: Знание, 1970, с. 29.

¹⁸ Детальный анализ ситуации, в которой шла работа Д.И. Менделеева, проведен Е.И. Кедровым. См.: К е д р о в Б.М. День одного великого открытия. М.: Соцэкгиз, 1958. - 560 с.

смысле геометрическом, т.е. максимумы, разрывы, переломы и т.п.¹⁹

Вот как характеризует этот метод один из основоположников теории физико-химического анализа Н.С. Курнаков: "В отличие от обычно применяемого "препаративного" пути физико-химический анализ изучает не отдельные тела, а свойства полной равновесной системы, составленной из определенного числа компонентов. Получаемая при этом диаграмма состав - свойство представляет графическое изображение той сложной функции, которая определяет отношение между составом и свойствами однородных тел или фаз, образующихся в системе. Не зная в большинстве случаев алгебраического уравнения этой функции, мы можем выразить точно, графическим путем, взаимные соотношения состава и свойства, и притом не только качественно, но и количественно"²⁰.

Геометрические построения, таким образом, рассматриваются как совершенно очевидное и эффективное средство изучения химических свойств вещества. Диалектика процесса познания такова, что непространственные, химические свойства находят свое наиболее адекватное отображение в пространственных геометрических построениях. Геометрические изображения позволяют создать теоретическую модель химической системы. В конечном счете такой подход привел к разработке высокоэффективного метода физико-химического анализа.

Построение пространственных конфигураций не есть нечто второстепенное для научного исследования. Оно входит в самую ткань мыслительного процесса ученого. Менделеев не знал заранее, что получится из его "пасьянса", как не знали этого и другие ученые в приводимых примерах. Следовательно, в этих построениях реализуется, можно сказать, кульминационный этап научного творчества, этап исключительной важности, раскрывающий диалектику творческого процесса.

Необходимо поэтому сказать несколько слов о геометрических построениях вообще. Построение и перестроение геометрических фигур часто представляется как сугубо элементарная, не связанная с творческими мыслительными процессами деятельность. На самом деле она может, как мы только что убеди-

¹⁹ Менделеев Д.И. Соч., т. IV. Л.-М.: ОНТИ, 1937, с. 395

²⁰ Курнаков Н.С. Избр. труды, т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 64.

лись, опосредствовать самые глубинные, творческие шаги научного познания. Можно напомнить в этой связи данную Энгельсом характеристику становления тригонометрии: "После того как синтетическая геометрия до конца исчерпала свойства треугольника, поскольку последний рассматривается сам по себе, и не в состоянии более сказать ничего нового, перед нами благодаря одному очень простому, вполне диалектическому приему открывается некоторый более широкий горизонт. Треугольник более не рассматривается в себе и сам по себе, а берется в связи с некоторой другой фигурой - кругом. ... Если гипотенуза = r , то катеты образуют синус и косинус; ... Благодаря этому стороны и углы получают совершенно иные определенные взаимоотношения, которых нельзя было открыть и использовать без этого отнесения треугольника к кругу, и развивается совершенно новая, далеко превосходящая старую теория треугольника, которая применима повсюду... Это развитие тригонометрии из синтетической геометрии является хорошим примером диалектики, рассматривающей вещи не в их изолированности, а в их взаимной связи"²¹.

Ф. Энгельс, следовательно, видит в процедуре построения треугольника, вписанного в окружность, которая может совершаться как оперирование с чертежом, построение чертежа, "вполне диалектический прием". Такие действия, если они совершаются в процессе познания как часть исследовательской процедуры, носят диалектический характер.

Поскольку приведенные примеры относятся к XIX веку, может сложиться впечатление, что описанный метод теоретической работы характерен для науки прошлого века и не является эффективным для современной науки. Однако дело обстоит далеко не так. Среди самых впечатляющих открытий нашего века - раскрытие структуры ДНК в 50-х годах. И здесь при решении проблемы на завершающем этапе был использован прием, чрезвычайно близкий описанному. Одна из принципиальных трудностей состояла в необходимости найти приемлемые способы сочетания четырех оснований (аденина, тимина, цитозина, гуанина) в структуре ДНК.

Вот как описывает решающий шаг один из авторов открытия, Д.Д. Уотсон. Вырезав точные изображения оснований из картона, он принялся раскладывать на столе пары оснований, соединенных в молекуле водородными связями. "И вдруг я заметил, -

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 20, с. 580.

пишет Уотсон, — что пара аденин-тимин, соединенная двумя водородными связями, имеет точно такую же форму, как и пара гуанин-цитозин, тоже соединенная по меньшей мере двумя водородными связями"²². Затем была собрана конструкция, в которой макеты атомов были расположены в трехмерном пространстве "как того требовали и рентгенографические данные и законы стереохимии. Получалась правозакрученная двойная спираль с противоположным направлением цепей"²³.

Таким образом, процесс научного исследования оказывается не только теоретическим воспроизведением материальной производственной деятельности, но включает в себя операции и процедуры, аналогичные по своим параметрам предметно-орудийной деятельности общественного человека. Наличие в процессе построения научной теории процедур, аналогичных конструированию и некоторым технологическим приемам может рассматриваться как подтверждение единства принципов, на которых строится познание и материальная производственная деятельность. В процессе познания оказываются неразрывно связанными сугубо теоретические приемы абстрагирования с приемами предметно-практической деятельности, обуславливающими созидательный, творческий характер мышления"²⁴.

Наука развивается как социальный организм, и ученый работает по закрепленным в социальной памяти нормативам. Эти нормативы меняются от одного этапа развития науки к другому. В основе научного метода лежит опирающееся на многовековой опыт представление о том, что познание всегда имеет дело с объектами (вещами, свойствами, отношениями). Именно поэтому социально обусловленные нормативы, приводящие к получению знания, которое нельзя отнести непосредственно к эмпирическим объектам, и "вынуждают" ученого конструировать теоретический объект.

Развитие научного познания идет в направлении все боль-

22 У о т с о н Д.Д. Двойная спираль. М.: Мир, 1969, с. 131.

23 Там же, с. 136.

24 Отметим в связи с этим замечание Ф. Энгельса о математических действиях, "допускающих материальное доказательство, проверку, — так как они основаны на непосредственном материальном созерцании, хотя и абстрактном..." — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 631. Абстрагирование, следовательно, может строиться на "непосредственном материальном созерцании" и, разумеется, на оперировании с соответствующими предметами.

шего отвлечения от конкретного многообразия свойств, присущих объектам материального мира, и приводит на известном этапе к появлению идеальных (теоретических) объектов науки. Однако оперирование этими абстрактными объектами требует их опредмечивания. Такие объекты конструируются, "собираются" из "деталей", выделенных в результате чувственно-практического познания. Таким способом выделяется, например, количественная и качественная определенность вещей. Формируются научные представления, скажем, о величине, пространстве и т.д. Знание относится теперь уже не к изучаемым объектам материального мира непосредственно, а к абстрактным объектам, которые опредмечиваются с помощью тех или иных средств научного познания. Такое знание выступает уже как знание теоретическое.

На некотором этапе развития какой-либо отрасли естествознания постепенно накапливаются новые факты, которые нельзя отнести к сформированным ранее теоретическим объектам. Такое "неорганизованное" знание начинает сдерживать дальнейшее движение в сфере научного познания. Чтобы организовать его, привести в систему, нужен переход к новому уровню. К уже сформированным объектам теории в такой ситуации подходят как к эмпирическим и строят из них, беря их в качестве элементов, новую организацию знания, объект нового уровня, выступающий по отношению к существующим как теоретический, идеальный.

Подобного рода диалектические переходы составляют одну из существенных особенностей научного познания. В этой связи приемы построения теоретических объектов науки можно рассматривать как проявление в деятельности ученого диалектического взаимодействия способов и средств материального производства и научного познания.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ, "КОНКУРЕНЦИЯ" ПРИЧИН И КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

А.А. Порк

Цель настоящей статьи показать, что: 1) интерпретация "конкуренции" причин в историческом объяснении с применением понятий контрфактического подхода ведет к сравнительному анализу реальных исторических ситуаций, к поиску исторических закономерностей; 2) дискуссии историков об относительной важности причин объясняемых явлений возникают не в "вакууме", а в условиях конкретной социально-культурной детерминации, структуру которой можно раскрыть с помощью применения концепции социальной памяти.

В первой части статьи мы рассмотрим в критическом плане самую влиятельную среди немногочисленных буржуазных интерпретаций "конкуренции" причин в историческом объяснении - концепцию американского профессора Р. Мартина. Во второй части - проанализируем возможности применения контрфактического подхода. В третьей части воспользуемся некоторыми основными моментами концепции социальной памяти Я.К. Ребана для характеристики социально-культурной детерминации дискуссий историков об относительной важности причин в объяснении.

Уже больше сорока лет в западной философии истории продолжается интенсивная дискуссия по проблемам исторического объяснения¹. В целом можно сказать, что в этой дискуссии наблюдается одна тенденция: философы все чаще обращаются к анализу реальных исторических текстов, реальных примеров исторического объяснения². Одним из проявлений этой тенденции является возросший интерес к проблематике "конкурирующих"

¹ См.: Порк А. Историческое объяснение. Таллин: Ээсти раамат, 1981. - 243 с.

² См. напр.: Jones K.E. Rational Explanation and Historical Practice. - Philosophy, 1983, vol.58, p.528-534.

причин в историческом объяснении³. Как раз исследование того, как историки показывают (или пытаются показать), что одна причина (или группа причин) была более важной в деле причинения объясняемого исторического явления, чем другая причина (или группа причин), приближает философию истории к реальной исторической науке, заставляет философов анализировать гносеологическую структуру реальной исторической аргументации. Исследование "конкуренции" причин (как, впрочем, и "конкуренции" объяснений, описаний, прогнозов теорий и т.д.) представляется эвристически чрезвычайно важной задачей и с точки зрения историка.

Рассмотрим в качестве примера концепцию философа, который является наиболее видным представителем западных специалистов по "конкурирующим" причинам в историческом объяснении. Речь идет о Раймонде Мартине, профессоре Мариллендского университета США.

Американский философ выступает против концепции неизбежной субъективности суждений об относительной важности причин в историческом объяснении (сторонником такой концепции можно, например, считать У. Дрея⁴). По мнению Р. Мартина, историки способны объективно показать, что одна причина в историческом объяснении важнее другой. Возможность объективных исторических суждений об относительной важности причин в историческом объяснении Р. Мартин пытается доказать путем контрфактического анализа. По его мнению, "хорошие" историки, как правило, пытаются защищать свои суждения об относительной важности причин методами, которые допускают контр-

³ N a m m o n d M. Weighting Causes in Historical Explanation.- *Theoria*, 1977, vol.43, p.103-128; M a r t i n R. Causes, Conditions and Causal Importance. - *History and Theory*, 1982, vol.21, p.53-74; i d e m. Beyond Positivism A Research Program for the Philosophy of History. - *Philosophy of Science*, 1981, vol.48, p.112-121.

⁴ D r a y W.H. Concepts of Causation in A.J.P.Taylor's Account of the Second World War. - *History and Theory*, 1978, vol.17, p.149-174.

фактическую интерпретацию⁵. Этот ход рассуждения можно изобразить следующей схемой⁶:

- (С1) A было более важной причиной II в
- (1) A и B были причинами II в отношении ϑ, и
 - (2) либо A было необходимым для II, либо B не было необходимым для II, и
 - (3) если B не имело бы место, то что-то имело бы место, что ближе к II, чем то, что имело бы место, если A не имело бы место

Например, если историк утверждает, что вторжение варваров в Римскую империю (A) является более важной причиной упадка Римской империи (II), чем разделение империи на две части (B), то его утверждению можно дать следующую контрфактическую интерпретацию: без факта разделения империи возникла бы ситуация, которая была бы ближе к ситуации упадка, чем ситуация, которая возникла бы без вторжения варваров. Символ ϑ обозначает ситуацию, с которой сравнивают историческую ситуацию, где II имело место, для того, чтобы выяснить возможные причины II. Например, поскольку падение Римской империи имело место в V веке н.э., то для сравнения можно использовать исторический период развития Римской империи в I-III вв. н.э.⁷

Что можно сказать по этому поводу? Вне сомнения, что иногда историки действительно употребляют понятие относительной важности причин в смысле, допускающем контрфактический анализ. Но, с другой стороны, видно, что схема Р. Мартина явно "скользит" по поверхности важной и существенной проблемы. Дело в том, что после проведения вышеуказанного контрфактического анализа, все равно надо ответить на последний вопрос: как историк показывает, что если бы B не име-

⁵ Martin R. Causes, Conditions and Causal Importance, p. 74. контрфактическими в данной связи называют высказывания типа (3) в схеме Р. Мартина, т.е. они имеют форму "что было бы, если бы было то-то и то-то".

⁶ Ibid., p. 69. При переводе положений схемы Р. Мартина латинские буквы заменены соответствующими славянскими буквами.

⁷ Ibid., p. 68.

ло места, то что-то имело бы место, что ближе к II, чем то, что имело бы место, если бы A не имело место? Т.е. проблема "конкуренции" причин не решается и не "снимается", а как будто "продвигается" на один шаг дальше, опять возникает перед нами, но теперь уже в сложной контрфактической форме. Каков же выход из этого положения? Автору настоящей работы кажется, что на данном этапе исследования проблемы невозможно найти окончательного однозначного ответа на сложный вопрос о "конкуренции" причин в историческом объяснении.

Один из вариантов возможного марксистского решения проблемы "конкуренции" причин в историческом объяснении заключается в построении типологии "стратегий" используемых историками для доказательства того, что одна причина была важнее другой (или, что одна группа причин была важнее другой группы причин). Имеются в виду "стратегии", ориентированные либо на переописание объясняемого исторического явления, либо на различные гносеологические операции с отражением самих объясняющих причин (ссылка на законы, отрицание существования "конкурирующих" причин, переход от анализа причины к анализу "причины причин"). Анализ ряда реальных исторических и политических дискуссий с точки зрения вышеуказанной типологии приемов предпринят нами в нескольких работах⁸. При построении вышеуказанной типологии вариантов подхода к проблеме "конкуренции" причин мы не использовали понятий контрфактического анализа, которые являются центральными для концепции Р. Мартина. Что же касается настоящей статьи, то здесь предпринимается попытка дать марксистскую интерпретацию контрфактическому подходу к проблеме "конкуренции" причин.

II

Прежде чем приступить к изложению вышеуказанной интерпретации, необходимо сделать одно замечание общеметодологи-

⁸ См.: Порк А. "Конкуренция" причин в историческом объяснении (рукопись статьи, представленная для сборника сектора философии ИИ АН ЭССР "Философско-методологический статус объяснения в научном познании"); Порк А. Проблема альтернативных исторических объяснений в контексте социальной детерминации познания. - В кн.: Социальная детерминация познания: Тез. докл. научной конференции. - Тарту, 1982, с. 142-145.

ческого характера. Надо иметь в виду, что выбор между "конкурирующими" причинами (как, впрочем, и между "конкурирующими" объяснениями, теориями, гипотезами и т.д.) всегда осуществляется историками на конкретно-содержательном уровне. Логико-методологический анализ исторической науки может "вооружить" историка лишь типологией основных вариантов ответа на поставленный конкретно-научный вопрос, иногда и указать, какие варианты ответа являются неверными, но логико-методологический анализ не может однозначно определить, какой из конкретно-научных ответов является правильным. Поэтому надо иметь в виду, что логико-методологическая структура решения проблемы "конкурирующих" объяснений является лишь одним аспектом сложного диалектического процесса научного творчества в истории.

Итак, какова гносеологическая структура процесса доказательства того, что контрфактические исторические высказывания (типа (З) в схеме Р. Мартина) являются истинными?

Самый лучший ответ на поставленный вопрос - не конструировать абстрактную и строгую формально-логическую теорию обоснования контрфактических высказываний, а просто попытаться проанализировать определенное количество случаев реальных попыток доказательства контрфактических положений в истории. При этом речь идет не о случаях контрфактического мышления в "новой" математизированной истории¹⁰, а о традиционной "нестрогой" исторической науке.

Приходится констатировать, что в философии истории почти нет работ по анализу реальных случаев контрфактического мышления¹¹. Это, несомненно, объясняется прежде всего тем, что в самой исторической науке вообще имеется мало эксплицитных

⁹ Термин "доказательство" здесь употребляется в неформализованном гносеологическом смысле, им обозначается любой процесс установления, обоснования истинности какого-либо положения, независимо от формально-логической структуры этого процесса.

¹⁰ См., напр.: Fogel R.F. Railroads in American Economic Growth. - Baltimore, 1964.

¹¹ Одним из довольно редких исключений является работа: Climo T.A., Howells P.G.A. Possible Worlds in Historical Explanation. - History and Theory, 1976, vol.15, p.1-20.

случаев, принадлежащих к этому типу мышления. Но последнее обстоятельство не является еще достаточным основанием для отказа от пути философского анализа, предложенного Р. Мартином, ибо в дискуссиях по ряду сложных проблем историкам и политологам все-таки приходится высказывать контрфактические гипотезы и обосновывать их (напр., ответ на вопрос: начался бы в 1974 г. кризис в экономике развитых капиталистических стран, если бы не было резкого повышения цен на нефть). Кроме того, если даже нет большого количества эксплицитных случаев контрфактического мышления, это еще не означает, что контрфактический подход не является возможным вариантом интерпретации имплицитной, неявной части исторического познания, возможной экспликацией интуитивного использования понятий историком.

Нам не удалось найти примеров рассуждений историков, которые соответствовали бы точно форме (3) в схеме Р. Мартина. Но анализ ряда близких по форме случаев убеждает в том, что существует много общего в попытках доказательства контрфактических высказываний различными историками. В процессе такого доказательства историки пытаются обычно найти реальную историческую ситуацию которая была бы достаточно похожа на воображаемую контрфактическую ситуацию. Например, если надо представить, что случилось бы, если бы соприкосновение народов России и Восточной Европы монгольскими завоевателям не было таким сильным, В.Т. Пашуто ссылается на ситуацию, в которой находился другой монгольской хан лулагу¹². Для гипотетического описания того, что случилось бы в случае победы крестьянских войн в России, В.В. Мавродин анализирует исход освободительной войны на Украине под руководством Богдана Хмельницкого¹³. Взвешивая гипотезы о возможных темпах индустриального развития России, в том случае, если бы после

¹² Пашуто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы. - Б кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. - М.: Наука, 1977, с. 210-227.

¹³ Мавродин В.В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России. - Б кн.: Крестьянские войны в России XV-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. - М.: Наука, 1974, с. 35-51.

1917 года не было социалистического преобразования экономики, советский историк В.И. Тетьшев рассматривает темпы индустриального развития России 1885-1913 и США, Англии, Франции¹⁴. Видимо, хотя бы имплицитно историками предполагается, что реальные исследуемые исторические ситуации (используемые как основные объекты и как объекты сравнения) и воображаемая контрафактическая ситуация принадлежат к одному и тому же типу исторических ситуаций. После введения соответствующих изменений можно представить схему интерпретации "конкуренции" причин следующим образом:

(С2) A было более важной причиной П, чем Б,
если

- (1) A и Б были причинами П, и
- (2) если Б не имело бы место, то что-то имело бы место, что ближе к П, чем то, что имело бы место, если A не имело бы место, потому что
- (3) рассматриваемые реальные исторические ситуации и гипотетическая контрафактическая ситуация являются ситуациями типа (3), и в реальных ситуациях прошлого типа 3,
- (4) когда причина типа A имела место и причина типа Б не имела место, то явление типа СП имело место, и
- (5) когда причина типа A не имела место и причина типа Б имела место, то явление типа НСП имело место, и
- (6) явление типа СП ближе к явлению типа П, чем явление типа НСП.

Данная схема задумана, как один из возможных вариантов интерпретации интуитивного смысла, вкладываемого историками в понятие "более важной причины". Но думается, что эта схема отражает и гносеологическую структуру потенциальной эксплицитной исторической дискуссии по проблемам "конкуренции" причин. Например, если историк показывает, что A (социалистическая система экономики) была более важной причиной П

¹⁴ Тетьшев В.И. Социалистическое преобразование экономики СССР и буржуазные "критики". - М.: Политиздат, 1978, с. 136-154.

(быстрых темпов индустриального развития СССР в 1918-1960), чем Б (богатые природные ресурсы СССР), то он, вероятно, вместе с этим приводит примеры развития социалистических стран с бедными природными ресурсами и быстрыми темпами развития и несоциалистических стран с богатыми природными ресурсами и медленными темпами индустриального развития.

Легко представить себе соответствующие изменения схемы, если вместо двух причин (или двух групп причин) имеется большее количество "конкурирующих" причин.

Теория Р. Мартина оставляет впечатление, что контрфактическая интерпретация снимает необходимость поисков исторических закономерностей. Автор настоящей статьи пытался показать, что при марксистском подходе к проблеме снова возникает необходимость в сравнительном изучении исторических ситуаций (в выяснении закономерностей) при дальнейшей интерпретации контрфактических высказываний, ибо пункты (3) - (6) нашей схемы в сущности отражают процесс обобщения, поисков закономерностей в истории.

III

Недостатком концепции Р. Мартина является игнорирование социально-культурного контекста: логико-гносеологическая структура исторического объяснения для него существует как будто в вакууме, без связи с социально-культурными факторами, определяющими специфику познавательных ситуаций в истории.

Один из перспективных вариантов марксистской интерпретации социальной детерминации процесса "конкуренции" причин в историческом объяснении связан с применением концепции социальной памяти, разработанной Я. Ребане¹⁵. Я. Ребане отмечает, что "развитие человеческого познания осуществляется на базе внегенетического накопления в социально-культурной сре-

¹⁵ Ребане Я.К. Принципы социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5; е го ж е. Социальная детерминация познания - комплексная проблема исследования. - Общественные науки, 1980, № 4; е го ж е. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8.

де. В теоретико-познавательном плане эта огромная сфера внегенетического накопления может быть рассмотрена как внегенетическая информация (...) Обозначим ее для краткости термином "социальная память". Это выражение употребляется в данном случае по аналогии с общенаучным понятием "память систем". Социальная память - это своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности выступающих в информационном отношении базисов формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного познания. Социальная память охватывает значительно большую сферу, чем сфера передаваемых из поколения в поколение знаний, навыков, умений"¹⁶.

Главным носителем социальной памяти является реальный человек как социально и культурно "запрограммированное" существо. Но существуют и такие носители социальной памяти, которые по отношению к человеку имеют довольно самостоятельное существование. Я. Ребане выделяет три большие группы таких носителей социальной памяти: 1) орудия производства и овеществленные результаты труда, часто обобщаемые в понятиях "материальная культура" и "вторая природа"; 2) объективные социальные отношения; 3) язык в широком смысле, т.е. "естественные" языки, их различные технические видоизменения, а также внеязыковые семиотические средства¹⁷. В плане познавательно-смыслового содержания социальной памяти Я. Ребане выделяет три группы явлений: 1) знания; 2) логическая структура мышления в широком смысле, т.е. включая не только формально-логические, но и содержательно-категориальные и математические средства преобразования исходных данных; 3) социальные ценности, фиксируемые, как правило, с помощью различных форм общественного сознания¹⁸.

Концепция социальной памяти может быть применена в методологии истории прежде всего в трех планах: 1) для теорети-

¹⁶ Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8, с. 46.

¹⁷ Там же, с. 47.

¹⁸ Там же, с. 49.

ческой систематизации исторических источников; 2) для методологического обоснования критики релятивизма в буржуазной философии истории; 3) для анализа социальной детерминации познавательных ситуаций в истории (в том числе и ситуаций, где историк показывает, что одна причина важнее другой). Возможности применения концепции социальной памяти в первых двух планах уже продемонстрированы в работах А. Уйбо.¹⁹ Рассмотрим здесь некоторые моменты применения концепции социальной памяти в третьем плане.

Принцип социальной памяти, как неоднократно подчеркивает Я.К. Ребане, является методологическим принципом анализа познавательных ситуаций. Гносеологическая специфика познавательной ситуации, где историк предлагает рассуждение, допускающее интерпретацию в духе схемы (С2), естественно, определяется культурно-историческим фоном. Сюда включается прежде всего материальная производственная деятельность²⁰, вследствие которой в сферу познания вовлекаются новые объекты. Например, если сегодня острые дискуссии концентрируются вокруг той роли, которую играли цены на нефть среди причин ускорения инфляции в капиталистических странах в 1970-х годах, то здесь налицо явный случай изменения познавательного интереса вследствие изменения самой производственной деятельности: огромное увеличение значения нефти в мировой экономике. Материальное производство дает и новые средства в распоряжение историков, начиная с систем обработки и передачи информации и кончая техникой копирования и умножения текстов, что создает принципиально новые возможности для разделения исследовательского труда и быстрой разработки больших массивов источников.

Во-вторых, суждения о важности причин детерминированы социальными отношениями. Эта детерминация выступает прежде всего в форме информационного появления социально-классовой детерминации; в форме установок, соответствующих интересам

¹⁹ См. напр.: Уйбо А.С. Информационный подход к проблеме объективности реконструкции исторического прошлого. - Философские науки, 1982, № 1.

²⁰ Ср. Ребане Я. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания, с. 50.

того или иного класса. Например, вряд ли у кого-нибудь вызовет сомнение тот факт, что выводы советского историка В.И. Тетюшева о решающей роли социалистического преобразования экономики в быстром экономическом росте в СССР (см. пример в второй части нашей статьи) соответствуют ценностным установкам прогрессивных сил современного общества.

В-третьих, исторические суждения о важности причин определяются и языком ("естественным", "специальным" и т.д.), в котором они формулируются. Например, выше была дана ссылка на анализ Б.В. Мавродиным возможных исходов крестьянских войн в России в эпоху феодализма. Ясно, что сама постановка вопроса об относительной важности различных причин крестьянских войн в России возможна только при наличии определенного специального научного языка, включающего термины "феодализм", "классовая борьба" и др. Геродот не мог спросить, какое место занимает рабовладельческая общественно-экономическая формация в истории человечества, русский дворянский историк М.М. Щербатов (1733-1790) не мог спросить, были ли крестьянские войны причинены конфликтом производительных сил и производственных отношений (в марксистском смысле).

Детерминацию познавательных ситуаций рассматриваемого типа в истории можно анализировать и с точки зрения познавательно-смыслового содержания социальной памяти. Любое суждение о важности причин формулируется на основе имеющихся знаний, с применением определенного логико-категориального аппарата²¹, и оно выражает (как выше было частично уже отмечено) определенные социальные ценности.

Один из важнейших принципов марксистского обществознания - принцип партийности. Этот принцип неоднократно рассматривался в работах советских методологов истории²². Закономерно

²¹ Это относится и к философско-методологическим положениям. Например вышеприведенная схема (С2) тоже сформулирована при наличии определенного логико-категориального аппарата, включающего понятия контрафактических высказываний.

²² Напр.: Иванов В.В. Ленинский принцип партийности и научная объективность. - Средние века, 1980, вып. 43, с. 5-12; Черепнин Л.Б., Пашуто Б.Т., Салов В.И. Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом ис-

встает вопрос: каково соотношение принципов партийности со схемой социальной памяти при анализе познавательных ситуаций, связанных с выявлением относительной важности причин в истории?

В.И. Ленин отметил, что "... материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы"²³. Можно сказать, что партийность выражает идейную направленность исторической науки, интересы определенных классов и социальных групп. Беспартийной исторической науки не может быть, партийность присуща любым историческим исследованиям независимо от желания их авторов, хотя высшей формой партийности является сознательная марксистско-ленинская партийность.

Будучи своеобразным конкретным "механизмом" реализации социально-классовой детерминации познавательного процесса в истории, партийность связана прежде всего с социальными отношениями как носителем социальной памяти²⁴. Но более опосредованно партийность связана и с материально-производственной деятельностью человека и с языком. Реальным "носителем" как партийности, так и социальной памяти выступает человек (в случае познания в истории - прежде всего историк как культурно и социально "программированное" существо).

Возвращаясь к специфическим проблемам "конкуренции" причин в историческом объяснении, можно выделить еще некоторые возможности применения принципа социальной памяти. Выше было отмечено, что схема (С2) отражает структуру потенциальной эксплицитной исторической дискуссии по проблемам "конкуренция" причин. Этот момент следует особо выделить. Ибо в про-

следовании. - Б.кн.: Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981, с. 56-71; Максимова А.Н. Подкорытов Г.А. Взаимосвязь историзма и партийности в познании прошлого. - Методологич. вопросы обществ. наук, Л., 1977, вып. 6.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 419.

²⁴ В плане смыслового содержания социальной памяти партийность, естественно, связана прежде всего с социальными ценностями.

цессе демонстрации того, что одна причина была важнее другой (или группы причин), историками обычно критикуются суждения об относительной важности причин, выдвигаемых другими историками, отражающих, по мнению первых, неправильную позицию. Например, когда В.И. Тетюшев в вышецитируемом произведении показывает, что социалистическое преобразование экономики было решающей причиной быстрого индустриального развития Советского Союза, то он критикует буржуазную концепцию, согласно которой решающей причиной была "преимственность" в индустриальном развитии России. Обозначим критикуемую концепцию в подобного рода дискуссиях для краткости символом КК и защищаемую концепцию символом КЗ. Исходя из концепции социальной памяти, можно сказать, что как КК, так и КЗ детерминированы особенностями социально-культурного фона своей эпохи. Можно представить себе целую градацию ситуаций: 1) КК и КЗ созданы на совершенно различных исторических этапах развития общества; 2) КК и КЗ созданы на более близких исторических этапах развития общества. 3) КК и КЗ возникли на одном и том же этапе развития общества. Можно выделить и ряд промежуточных вариантов. Представляется, что по мере того, как уровни развития общества и соответствующих социально-культурных факторов обуславливающих выдвижение концепций КК КЗ приближаются друг к другу, все большее значение приобретает конкретный анализ механизма воздействия социальных отношений как носителя информации на КК и КЗ. Это можно условно назвать "принципом возрастания роли дифференцированного анализа второго носителя" социальной памяти. Действительно, если КК принадлежит перу Платона, а КЗ - перу современного исследователя, то ясно, что и материально-производственные предпосылки, и "мощность" языка, и социальные отношения обуславливающие создание КК и КЗ, совершенно различны. Но допустим, что автором КК является буржуазный ученый, а автором КЗ - марксистский ученый в современном капиталистическом обществе. Тогда вышеперечисленные носители социальной памяти для обоих ученых в обобщенном плане одинаковы. И здесь на первый план с особенной силой выдвигается дифференцированный анализ того, как один и тот же тип социальных отношений об-

ское и буржуазное объяснение одного и того же исторического события). Это не означает, что дифференцированный, конкретный анализ других носителей социальной памяти в последнем случае не имеет значения. Дело просто в том, что конкретный анализ социальных отношений как носителей информации, конкретный дифференцированный анализ партийности КК и КЗ имеет в последнем случае особенно важное значение.

IV

В настоящей статье автор пытался показать, что контрфактический анализ применим в рамках марксистского подхода к проблеме "конкуренции" причин в историческом объяснении. Конкретный анализ примеров контрфактических высказываний в исторической науке убеждает в том, что задача поиска законов развития общества как познавательная цель исторической науки при контрфактической интерпретации не снимается, а остается в силе, поскольку сами контрфактические высказывания обычно подтверждаются ссылками на исторические обобщения.

Характерной чертой немарксистского подхода к проблеме "конкуренции" причин является игнорирование социально-культурного фона рассуждений историков. Марксистский анализ вопроса показывает, что любые исторические суждения об относительной важности причин обусловлены определенными социально-культурными предпосылками. Один из перспективных путей анализа этого феномена заключается в применении концепции социальной памяти, разработанной Я.К. Ребане. В свете концепции социальной памяти можно выяснить механизм информационного воздействия различных материально-производственных, социальных и языковых факторов на формирование представлений историков об относительной важности причин того или иного исторического феномена. В статье разработаны некоторые основы для типологии исторических дискуссий об относительной важности причин с точки зрения применения концепции социальной памяти.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ И МИРОВОЗ- ЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ "УЧЕБНОГО" ЗНАНИЯ

В.В. Зибен

При рассмотрении академического образования вообще и проблем "учебного" знания в частности мы исходим из того, что они обладают для студента определенной социальной значимостью. Отсюда возникает очень актуальная проблема – проблема мировоззренческой функциональности "учебного" знания и проблема функциональной значимости приобретаемых студентами знаний. Для их анализа мы считаем целесообразным исходить из следующей предпосылки: необходим целостный, многоаспектный и междисциплинарный подход к формированию учебного знания. "Однако при реализации междисциплинарного подхода возникают и существенные методические трудности, так как каждая отдельная наука или дисциплина, изучающая определенный "срез" реальности, пользуется в этих целях и собственными концептуальным и теоретическим аппаратом"¹. Поэтому методологически основаниями такого подхода могут быть, например, : а) концепция социальной детерминации познания (А.Н. Леоньев, П.В. Копнин, Я.К. Ребане) в контексте социальной детерминированности учебного знания, включая аспект социальной детерминированности института высшего образования; б) принцип "социальной памяти" (Я.К. Ребане)², где отражаются вопросы научно-прикладной направленности и социально-культурной обусловленности осмысления достижений науки, техники и общественно-производства через систему образования, детерминации содержания образования культурным фоном (включающим господствующее мировоззрение соответствующей эпохи). "Социальную память можно охарактеризовать как накопленную в ходе социально-исторического развития информацию, зафиксированную в результатах практической и познавательной деятельности, пере-

¹ Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. – Вопросы философии, 1982, № 8, с. 44.

² Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. – Философские науки, 1977, № 5, с. 94-104.

даваемую из поколения в поколение с помощью социально-культурных средств и являющуюся основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития".³

Эти методологические установки были положены автором в основу диссертационного исследования, выполненного под руководством Я.К. Ребана, целью которого являлось исследование на философско-методологическом и конкретно-социологическом уровнях теоретических основ взаимосвязи преподавания физики и философии под определенным углом зрения, а именно: выяснить вклад университетского курса общей физики в формирование научного коммунистического мировоззрения студентов, установить как реализуется связь преподавания физики и философии, какие возможности существуют для улучшения этой связи в плане задач формирования научного мировоззрения студентов.⁴

В плане дальнейшего развития этого исследования стало необходимым обратиться к самому "массиву учебного" знания и уже на содержательном и понятийном уровнях, так как в учебном процессе функциональная значимость приобретаемых знаний выявляется, как правило, на основе конкретных задач в рамках соответствующих учебных дисциплин.⁵ А так как об "учебном" знании как сконцентрированном отражении единого научного знания на уровне потенциальных учебных возможностей обучаемых (школьник, студент) можно пока лишь мечтать, то для построения единого учебного знания автор предлагает использовать "принцип "двух зеркал""⁶, который позволяет осуществлять анализ знания как бы на двух уровнях: а) на уровне исторически развивавшейся научной картины мира (междисциплинарные научные взаимосвязи) и б) на уровне учебного процесса (междисциплинарные учебные взаимосвязи). Именно здесь с особой актуальностью встает вопрос о мировоззренческой функциональности, т.е. интегративном параметре более высокого по-

³ Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5, с. 100.

⁴ Зибен В.В. Взаимосвязь физики и философии в формировании научного мировоззрения студентов. Автореф. дис. канд. пед. наук, М., 1980, с. 4-5.

⁵ Зибен В.В. Социально-историческая детерминация "учебного" знания и его мировоззренческая функциональность. - Социальная детерминация познания. Тезисы конференции. Тарту, 1982, с. 56.

⁶ Зибен В.В. Автореф. дисс..., с. 5, 8.

рядка и ее анализ во многом приобретает философско-методологический характер.

Опираясь на идею детерминированности учебного знания (познания) производственно-практическими потребностями и социально-классовой структурой общества, можно выделить ряд оценочных (ценностных) критериев, которым должно удовлетворять учебное знание. В социалистическом обществе среди этих критериев важная роль принадлежит их значимости в деле формирования научного мировоззрения, научной картины мира и научного мышления обучаемых. Мировоззренческий аспект органически связан с социально-профессиональной значимостью знаний (функциональное значение научного мировоззрения и научной картины мира) и умений (научное мышление)⁷, так как наивысшим уровнем социально-профессиональной значимости знаний является: а) достижение способности интерпретации фактов на уровне научной концепции; б) выбор оптимального способа деятельности на основе творческого применения знаний; в) умение дать необходимую мировоззренческую оценку соответствующих явлений. Сама система образования приобретает социальную значимость прежде всего посредством того, что она дает образование и воспитывает социально-активного гражданина общества⁸.

К. Маркс и Ф. Энгельс, опираясь на опыт своих предшественников, последовательно раскрывали классовую сущность воспитания в буржуазном обществе, показывая тот механизм, при помощи которого буржуазия вмешивается в дело образования с целью достижения своих интересов, т.е. делает так, что образование для громадного большинства становится "превращением в придаток машины".⁹ Такому подходу они противопоставляли точку зрения коммунистов, - "Коммунисты не выдумывают влияние общества на воспитание: они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего клас-

⁷ Фактически это то, что касается познавательного-смыслового содержания социальной памяти, компонентами которой являются, по мнению Л.А. Ребане, 1) знания; 2) логическая структура мышления в широком смысле; 3) социальные ценности (см.: Ребане Л.А. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8, с. 44-54.

⁸ Зибен В.В. Социально-историческая детерминация "учебного" знания и его мировоззренческая функциональность. - Указ. соч., с. 56.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 440.

са".¹⁰

Подход К. Маркса и Ф. Энгельса к анализу проблем воспитания и образования в буржуазном обществе XIX века может быть использован и для анализа ситуации последней четверти XX века. При этом анализ целесообразно осуществлять в плане выделяемых Я.К. Ребана двух моментов анализа социальной памяти: "1) социально-культурные средства, с помощью которых передается информация; 2) значимую информацию, т.е. смысловое, познавательное содержание, которое передается с их помощью".¹¹

В современном обществе, где идеология играет фундаментальную роль, все более пристальное внимание уделяется вопросам формирования мировоззрения подрастающего поколения. В последние десятилетия наиболее развитые страны акцентируют внимание на системе высшего образования, а в самое последнее время, в особенности, на вопросах философского образования специалистов. Именно в идеологическом плане следует понимать заметное усиление например, в ФРГ, сотрудничества федерального правительства, правительств земель и бундесвера в деле вовлечения учителей школы, издательств педагогической литературы в общий процесс "милитаризации мысли".¹² Некоторые буржуазные идеологи утверждают даже, что сфера образования и воспитания – самое мощное оружие современности, так как система образования это тот рычаг посредством которого правительство планирует необходимые изменения в социальной структуре общества, стимулирует развитие нужных отраслей производства и т.д.¹³

¹⁰ Там же, с. 443. Как отмечает Я.К. Ребана, – "Принципиальное отличие марксизма от всех других философских течений состоит в данном случае не в констатации того, что в обществе накапливаются знания и что человек получает значительную долю знаний от других людей посредством языка, подражательного обучения и т.д., а в том, что марксизм благодаря введению в теорию познания категории общественно-исторической практики открывает и объективные социально-культурные факторы человеческого познания" (Ребана Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. – Вопросы философии, 1982, № 8, с. 44).

¹¹ Ребана Я.К. Принцип социальной памяти. – Философские науки, 1977, № 5, с. 100.

¹² Здесь можно отметить, например, запрет на профессии в ФРГ, изучение истории Германии в рамках границ 1937 года и т.д.

¹³ Например, в последние 20 лет в ФРГ происходит повышение

Действительно, в отношении того, что это "мощное оружие", буржуазные идеологи правы, но не только "современности", так как К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали эту мысль в связи с анализом проблем воспитания и образования в буржуазном обществе. Рассматривая закон контрреволюционного правительства об образовании, принятом после революции 1848 года во Франции, К. Маркс подчеркивал, что "буржуазия стремилась законом об образовании сохранить в массах старое состояние ума, которое позволяло им терпеть эту налоговую систему".¹⁴ Этими мерами правительство стремилось недопустить повышения образовательного и политического уровня трудящихся или, по крайней мере, сохранить прежний уровень образования широких масс и обеспечить тем самым свое господство. В целях последнего стали даже "травить школьных учителей, подчинив их духовенству".¹⁵ Аналогично оценивает Ф. Энгельс ситуацию в Германии и Австрии, - "где все источники знания подчинены были правительству... вплоть до газет и университетов...".¹⁶ т.е. социально-культурные средства с помощью которых передается информация (носитель социальной памяти). Благодаря этому правительству Меттерниха "удавалось держать население" на уровне "полного невежества в самых простых политических вопросах",¹⁷ т.е. здесь речь идет уже о значимой информации (содержание социальной памяти).

Эта ситуация находит свое объяснение в следующем контексте: "Поскольку субъектом познания, согласно марксизму является конкретный, живущий в определенных исторических и социально-культурных условиях человек, а через него - человечество в своем историческом развитии, неизбежно встает вопрос с средствами, с помощью которых обеспечивается преемственная связь поколений и реальное функционирование социально-исто-

престижа высшего образования, причем в подготовке специалистов широкого профиля, так как в условиях сильной безработицы, они в большей степени обеспечиваются работой. В то же время, как отмечает председатель Совета ректоров ФРГ, - "в настоящее время в стране около 3 млн. безработных" (Bildung und Wissenschaft, Bonn 2, Bad. Godesberg, 1982, № 1/2).

¹⁴ Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 159.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 17.

¹⁷ Там же.

рического субъекта познания".¹⁸ В отношении сегодняшнего дня Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду М'Боу писал: "Никогда еще мир не был настолько единым целым, никогда еще также его многообразие не было столь очевидным".¹⁹ Буржуазные идеологи открыто заявляют, что школа превратилась сегодня в "арену политической и мировоззренческой борьбы" и в ней решается исход борьбы "за формы будущего общественного устройства".²⁰ Учитывая все сказанное и то, что борьба коммунистической и буржуазной идеологий в настоящее время особенно ожесточенно ведется в области педагогики и дидактики, мы считаем, что именно философия должна оказать наиболее существенную помощь в разработке проблем, стоящих перед теорией образования и воспитания:²¹ 1) разработка целей воспитания и образования; 2) разработка критериев формирования "массива учебного знания"; 3) мировоззренческая функциональность учебного знания; 4) мировоззренческая направленность учебного процесса; 5) мировоззренческая и идеологическая "нагрузка" цикла общественных дисциплин; в особенности, философии – как теоретического ядра научного мировоззрения.

Когда же мы приступаем к организации самого "учебного" знания, то мировоззренческая функциональность проявляется здесь: а) как связь данной учебной дисциплины с общей научной картиной мира и основными принципами диалектико-материалистического мышления; б) как многоплановая взаимосвязь с фундаментальными данными других учебных дисциплин (междисциплинарные учебные взаимосвязи); в) как умение самостоятельно, творчески применять полученные знания в самых различных сферах практической деятельности.²² Эти моменты в историческом развитии науки и педагогической практики постоян-

¹⁸ Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. – Философские науки, 1977, № 5, с. 98.

¹⁹ М'Боу А.-М. Сотрудничество и развитие. – Перспективы. Вопросы образования. М., 1982, № 1/2, с. 7.

²⁰ Яркина Т.Ф. Критический анализ состояния и тенденций развития буржуазной педагогики в ФРГ. М., 1979, с. 4.

²¹ Зибен В.В. Философское образование (историко-методологический анализ). – Проблемы высшей школы. Тарту, 1984. вып. УП. с. 11-32

²² Эти моменты получают освещение в контексте анализа "познавательного-смыслового содержания социальной памяти, где также возможны различные способы расчленения: 1) накопленные знания с различными вариантами дальнейшего деления; 2) логическая структура мышления.

но изменяются. Задача педагогики в области составления учебных программ и учебников — находить оптимальные варианты их решения. Нахождению таких решений во многом может содействовать общее марксистско-ленинское учение о социально-исторической (социально-классовой и социально-культурной) обусловленности человеческого познания.

Итак, рассмотрев в общем плане и на философско-методологическом уровне возможности анализа проблем мировоззренческой функциональности "учебного" знания и функциональной значимости, приобретаемых студентами знаний, мы приходим к выводу, что методологическими основами такого анализа могут быть концепция социальной детерминации познания, принцип "социальной памяти" и принцип "двух зеркал". При этом мировоззренческая функциональность знания в большей мере касается двух первых моментов многоаспектного подхода.

Подобного типа исследования носят междисциплинарный характер поэтому в качестве исходных положений следовало: а) рассмотреть историческое развитие взаимосвязи физики и философии и на его фоне дать анализ практики преподавания физики в университете; б) дать анализ развития идеи междисциплинарных взаимосвязей в учебном процессе, показав их многоаспектность; в) показать реализацию идеи многоаспектности междисциплинарных связей (общей физики и диалектического материализма) в формировании отдельных элементов научного мировоззрения студентов.

Теоретико-методологической основой анализа исторической взаимосвязи физики, философии и научного мировоззрения служит марксистская методология и, в особенности, книга В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм", философско-методологические идеи которой имеют огромное значение для материалистической интерпретации данных физики.²³ Кроме того, в плане анализа взаимосвязи физики и философии на понятийном уровне использовались работы Л.Б. Баженова,²⁴ В.С. Готта,²⁵ А.Ф. Чер-

²³ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. — Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18.

²⁴ Философия и естествознание. М., 1966. Вып. I, 413 с.

²⁵ Готт В.С., Землянский Ф.М. Диалектика развития понятийной формы мышления (анализ становления различных понятийных форм). М., 1981. 319 с.

новоленко²⁶ и др. И если на теоретико-методологическом уровне выявление таких понятийных связей особых трудностей не вызывает, то когда мы переходим к анализу существующих учебников (общей) физики для университетов, наблюдается совершенно иная картина. Например, в отношении "физического" образования,²⁷ а именно курса (общей) физики для университетов можно сказать следующее:²⁸

1. В Новое время физика как учебная дисциплина более "инертна" чем наука. Физика отделяется от философии природы в середине XVIII века,²⁹ но в учебниках начинает изучаться как физика, а не как естествознание вообще лишь в XIX веке.

2. Для всего рассматриваемого периода практики преподавания (общей) физики характерным является постоянный рост объема учебного материала, математизация учебников физики, а также сужение по содержанию самого понятия "физика".

3. В общем можно утверждать, что наблюдается явно выраженная историческая тенденция, а именно: в учебниках по (общей) физике постепенно ослабляется междисциплинарная взаимосвязь и значительно уменьшается основополагающая роль физических знаний в естественнонаучной картине мира, их содержание все больше теряет свое мировоззренческое значение, оно становится все более абстрактно выраженным, опосредованным.

²⁶ Черноволенко В.Ф. Мировоззрение и научное познание. Киев, 1970. 173 с.

²⁷ При конкретном анализе необходимо учитывать и то, что само понятие "физика" также как и понятие "физическая картина мира", "наука" исторически менялись. Здесь склывается дифференциация научных знаний. Например, "физика" Аристотеля - это все естествознание, а "физика" Ньютона - преимущественно механика твердых тел. Поскольку вместе с дифференциацией научного познания сам предмет физики видоизменяется, то следуя методу, согласно которому более развитое состояние явления помогает ретроспективно понимать и предыдущие стадии развития, автор под "физикой" будет понимать то, что считается физикой в современных вузовских учебных программах и научно-исследовательской деятельности. Соответственно, автор выделяет и аналогичные "части" в учениях прошлого.

²⁸ Проведен анализ около 30 учебников XVIII - первой половины XIX вв. наиболее известных авторов. - См.: Зибен В.Б. Некоторые исторические тенденции развития университетского курса (общей) физики. - Проблемы высшей школы. Тарту, 1979. Вып. III. с. 107-124.

²⁹ Гегель отмечал, что отделение "двух ветвей рассмотрения природы друг от друга, т.е. физики и философии природы, происходит лишь в философии Вольфа" (Гегель Г. Философия природы., т. 2, М.: мысль, 1975. с. 9).

Данный анализ и полученные выводы послужили основой проведенного междисциплинарного исследования на тему "Взаимосвязь физики и философия в формировании научного мировоззрения студентов", в котором рассмотрена реализация социально-профессиональных, психолого-педагогических, педагогико-организационных и концептуально-логических связей, ведущих от курса общей физики к диалектическому материализму.³⁰ Акцент сделан на концептуально-логических взаимосвязях, являющихся основополагающими в развитии умения концептуального анализа. В связи с этим можно привести некоторые из выводов, полученных нами.

Результаты проведенного нами трехаспектного анализа публикаций по общей физике второй половины 70-х годов XX века³¹, а также опроса заведующих кафедрами общей физики ведущих университетов страны позволяют провести ряд конструктивных в методическом плане мероприятий по улучшению дел в области "физического" образования:

Во-первых, в плане концептуально-логического аспекта необходимо: а) четко установить, что курс общей физики для всех студентов, изучающих физику, является общеобразовательным курсом и должен представлять верное отображение физической теории на уровне потенциальных учебных возможностей с ориентацией содержания учебного материала к конкретным приложениям физических задач в области специализации студентов; б) давать в курсе общей физики небольшие исторические справки о процессе кумулятивного накопления научных знаний, углубления познания (например, возрастание степени общности физической теории, изменение содержания отдельных терминов, использование на эмпирическом уровне понятий, которые уже

³⁰ Рассматривая проблемы междисциплинарности в советской педагогике и дидактике (учебники педагогике, дидактики, авторефераты и диссертации, а также отдельные статьи) автор показывает неразработанность этой проблемы и основные недостатки, имеющихся исследований, выдвигая свою концепцию многоаспектности педагогических явлений. См.: З и б е н В.В. Идея междисциплинарности в учебном процессе. - Проблемы высшей школы. Тарту, 1978. Вып. II. с. 168-173; е г о ж е. Аспекты установления междисциплинарных учебных взаимосвязей. - Там же, с. 103-115.

³¹ З и б е н В.В. Трехаспектный анализ публикаций по общей физике второй половины 70-х годов XX века". - Проблемы высшей школы. Тарту, 1981. Вып. IV, с. 157-173.

не входят в структуру современных теорий). Это приучает студентов к корректному употреблению терминов и различению эмпирического и теоретического уровней знания;

в) показать огромное значение умения физического мышления для развития диалектико-материалистического мышления (например, на материале классической механики показать ограниченность жесткого детерминизма; на материале классической электродинамики и термодинамики и, тем более квантовой механики - возможности формирования статистико-вероятностного стиля мышления;

г) обратить внимание на философское и мировоззренческое значение законов сохранения³², на их связь с философским принципом несотворимости и неуничтожимости движения, а также на современные интерпретации законов сохранения в плане общей структуры объективной реальности.

Во-вторых, с точки зрения психолого-педагогического аспекта следует отметить, что в современном учебном процессе главное внимание обращается на приобретение студентами знаний, которые зачастую носят формальный характер и усваиваются на вербальном уровне. И, как следствие этого, студенты не способны к концептуальному анализу, не умеют видеть явления в более широком контексте. Общая физика имеет огромные потенциальные возможности для развития у студентов умения концептуального анализа, но активная связь в направлении от общей физики к диалектическому материализму практически отсутствует.

Таким образом, современный учебный процесс не гарантирует функциональности приобретаемых знаний, что выражается прежде всего в неумении комплексно применять полученные различными путями знания. Тесты показывают, что умения студентов применять свои знания как по физике, так и по философии очень низки. В связи с этим необходимо определить предварительную подготовку студентов, приступающих к изучению курса, а также научить их работать в вузовской системе.

³² Уменьшение роли мировоззренческой проблематики в курсах общей физики является явно выраженной тенденцией, если рассматривать историю преподавания физики. Кроме того, в программах курса общей физики не отражается в достаточной мере мировоззренческое значение физических знаний и социальная значимость открытий физики для развития производительных сил. Необходимо поднять престиж физики и физического образования.

Основная задача заключается здесь в психологической подготовке студентов к углубленному самостоятельному изучению материала и в развитии у них умения концептуального анализа. Первое является задачей всего учебно-воспитательного процесса в высшей школе (интерес студентов к изучаемому предмету, интенсивность обучения и эффективность усвоения учебного материала), а второе — в значительной мере может быть возложено на курс общей физики, который в данном отношении имеет огромные потенциальные возможности.

В-третьих, социально-профессиональный аспект. На той ступени, которая рассмотрена нами (в основном студенты 2-3 курсов), у многих студентов еще относительно слабо выражено отношение к явлениям общественной жизни. Это обусловлено тем, что главное внимание в учебном процессе обращается на приобретение студентами знаний или навыков решения частных задач. Студенты слабо умеют применять свои знания при анализе современной мировой социально-политической обстановки. Такие выводы указывают прежде всего на то, что раздел "Введение" в программе курса диалектического материализма, видимо, не выполняет своей функции в полной мере, а студенты второго курса в необходимой мере еще не готовы к изучению диалектического материализма.

Отсюда можно перейти и ко второму кругу проблем, а именно — к проблемам организации "философского" образования.

Во-первых, попытаемся аргументированно ответить на вопрос о том в какой мере выполняет свои функции такой раздел курса диалектического материализма как "Введение"? "Введение" в современных учебных программах представлено очень широким кругом проблем, имеющих, во многих случаях, обобщающий, аналитический характер. Но такой анализ проблем возможен не вначале процесса обучения, а как итог, результат усвоения всего материала. В современном виде "Введение" усваивается студентами очень слабо. Здесь сделан упор на преподавание, а не на учение и как следствие, мы имеем пассивность студентов. Преподавание получает характер простого обмена информацией, а учение выступает как процесс заучивания, а затем и воспроизведения определенного учебного материала, а не как формирование мышления (учения, философствования). По-видимому, здесь возможно двойное решение: а) превращение "Введения" в самостоятельную историко-философскую пропедевтику; б) ограничение "Введения" чисто информативным материалом историко-философского характера. Но в обоих случаях не-

целесообразно включать во "Введение" проблемы, имеющие обобщающе-аналитический характер и требующие от студентов знания всего категориального аппарата диалектического материализма. Такие, исключительно важные проблемы должны рассматриваться более глубоко и на более поздних стадиях обучения диалектическому материализму.

Во-вторых, знания студентов носят во многом формальный характер, они в своем большинстве не умеют анализировать простейшие тексты, например, указать философское направление и (или) философа, которому может принадлежать приведенный текст, т.е. они не обладают достаточными умениями (навыками концептуального анализа). В лучшем случае одна треть справляется с заданием. Низкие умения студентов в данном случае объясняются отчасти и тем, что изучение диалектического материализма они начинают с чрезвычайно широкой проблемы — вопроса о предмете философии. Осуществлять предельно широкий подход в преподавании философии нельзя. Студенты в отличие от ученых не имеют еще необходимой естественнонаучной базы для решения сложных философских проблем. Студенты не ищут ответа на вопросы в более широком социально-культурном контексте — ответы даются ими в формальном плане. Сказывается и то, что учебное знание строится по подобию научного, т.е. в виде теорий и систем теорий, законов, понятий и идей, а также соответствующего логико-математического аппарата, но все это разделено различными научными (учебными) дисциплинами, связь между которыми очень слабо проявляется в учебном процессе. Таким образом, опираться в начале второго курса на научные знания студентов можно лишь в широком социальном и культурном контексте, опираясь на общекультурный уровень студентов.

В-третьих, можно выделить некоторые факторы, от которых зависит эффективность преподавания философии: 1) предварительная подготовка студентов; 2) регулярность работы студентов и время, отводимое для аудиторных и самостоятельных занятий; 3) педагогическое мастерство преподавателей, а также его профессиональная подготовка и общая культура; 4) логика изложения самой учебной дисциплины, непосредственно связанная с концептуально-логическим аспектом анализа философского и вообще учебного знания, его мировоззренческая функциональность.

Факторы (1) — (4) являются интегративным в том отношении, что их совместное действие дает в итоге такие важнейшие

психолого-педагогические характеристики учебного процесса как интерес студентов к предмету, интенсивность обучения и эффективность усвоения учебного материала. Вполне вероятно, что здесь посредством интегративных характеристик имеется и выход к наиболее важной задаче формирования научного мировоззрения - превращение знаний в убеждения, в руководство к действию, умения и навыки.

В начале 80-х годов наметились серьезные сдвиги в плане улучшения организации философского образования в нашей стране. В постановлении ЦК КПСС "О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации преподавателей общественных наук высших учебных заведений"³³ сформулированы задачи, стоящие перед преподавателями философии и самой философией. Вопрос заключается теперь в том, как их реализовать?³⁴ В постановлении ЦК КПСС "Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии" от 15 июня 1983 года сказано: "Обеспечить повышение идейно-теоретического уровня преподавания общественных дисциплин в учебных заведениях, всемерно развивать интерес к их изучению, усилить контроль за качеством подготовки преподавателей обществоведов. Разработать новые учебники и учебные пособия по марксизму-ленинизму".³⁵

Выше нами дана характеристика современного состояния преподавания философии и теперь, исходя из задач, стоящих как перед преподавателями философии, так и перед студентами,

³³ См.: О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации преподавателей общественных наук высших учебных заведений. Постановление ЦК КПСС. - Коммунист. 1982, № 14, с. 4.

³⁴ О некоторых задачах, стоящих перед преподавателями философии в связи с данным постановлением говорится в статье сотрудников кафедры философии ИФК при МГУ В.С. Барулина и др. Они ставят перед собой очень важную, огромную по объему и чрезвычайно сложную задачу: "разработка научной методики преподавания марксистско-ленинской философии в высшей школе" (Барулин В.С. и др. Из опыта работы кафедр философии ИФК и вузов. - Философские науки, 1983, № 2, с. 128-136). На базе этого ИФК проведена первая конференция по дидактике философии на тему "Философия как наука и как учебный предмет" (См.: Беляева Г.В. и др. Обзор научно-теоретической конференции "Философия как наука и как учебный предмет". - Философские науки, 1984, № 2, с. 158-161).

³⁵ Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. Постановление ЦК КПСС от 15 июня 1983 г. - Материалы Пленума ЦК КПСС 14-15 июня 1983 года. Таллин, Ээсти Раамат, 1983, с. 69.

изучающими ее в плане достижения целей, сформулированных на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, можно приступить к более углубленному освещению вопросов, сформулированных в первом приложении в начале статьи и которым можно придать более уточненную формулировку, а именно: 1) чем детерминирована потребность в философском образовании (идеологический, социальный, профессиональный, общеобразовательный и т.д. аспекты?³⁶; 2) в чем специфичность детерминант формирования и изменения содержания философского образования?³⁷; 3) в чем состоит специфичность обучения и изучения философии по сравнению с другими учебными дисциплинами и т.д.³⁸.

Итак, опираясь на концепцию социальной детерминации познания, принцип "социальной памяти" и принцип "двух зеркал", мы рассмотрели основные проблемы физического и философского образования, сосредоточив при этом внимание на концептуально-логических связях, ведущих от курса общей физики к диалектическому материализму в деле формирования научного мировоззрения студентов. Опираясь на результаты, полученные на данном этапе исследования, а также на руководящие, нормативные документы начала 80-х годов XX века, можно и нужно приступить к следующему, более углубленному рассмотрению проблем, очерченных выше.

36 Необходимость преподавания философии есть вечная проблема в истории развития человеческой культуры, приобретающая все более выраженную идеологическую нагрузку.

37 Содержание философского образования имеет историко-философскую окраску эпохи, но в отличие от уровня теоретического развития философской мысли, мы обычно наблюдаем статическо-схоластическую систему ее преподавания, т.н. школьно-схоластический способ.

38 Философию нельзя преподавать по той же методике, что и естественнонаучные дисциплины. Проблемы дидактики философии наиболее четко проявляются при рассмотрении вопросов о характере, методе и содержаниях "введения" в философию, так как а) как раз "введение" требует ясности о том, во что вводится; б) вопрос о "начале" дидактики философии по своей сути проявляется как "начало философии"; в) вопрос о "начале" касается философии в двояком смысле: начало философского анализа и рефлексии и затем через анализ и рефлексии как действительное "начало" философии.

К ПРОБЛЕМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

А.М. Аарелайд-Тарт

I.

Проблема человеческого времени в своей классической форме — проблема историко-философского порядка. Бурное развитие, в первую очередь, естественных, а также гуманитарных наук в XX столетии превращало названную проблему во многом и в предмет конкретно-научных исследований. Проблемой времени (в том числе и вопросами отражения человеком времени) занимаются в современной науке представители самых различных областей знания — физики и биологи, геологи и экологи, психологи и логики, социологи и экономисты, лингвисты и искусствоведы¹. Свойства времени изучаются с точки зрения специфики их проявления на различных уровнях организации материального мира². Все больше и больше говорится о своеобразии временных характеристик, — как микро- и космических процессов³, так и геологических⁴, биологических⁵, психических⁶, социальных⁷ и

¹ Подробнее о трактовке времени в различных науках мы писали в статье: Категория времени в современной науке и проблема человеческого времени. — Изв. АН ЭССР, 1978, т. 27. Общественные науки, № 3. См. также: К а р а з я н Е.И. Понятие времени в структуре научного знания. М., 1980.

² См. например: М о с т е п а н е н к о А.М. Проблема универсальности основных свойств времени от уровня организации материи. — Философские науки, 1969, № 5.

³ М о с т е п а н е н к о А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М., 1974; А х у н д с в М.Д. Пространство и время в структуре физической теории. — Вопросы философии 1978, № 4.

⁴ Развитие учения о времени в геологии. Киев, 1982; С и м а к о в К.В. Некоторые философские и методологические аспекты теории геологического времени. — В кн.: Методологические и философские проблемы геологии. Новосибирск, 1979, с. 151-181; К р у т ь И.В. О факторах и компонентах земного планетного времени. — Б кн.: Чтения памяти Л.С. Бера. 1967-1971. Л., 1973, с. 7-24.

⁵ Теоретические и прикладные аспекты анализа временной ор-

т.д. явлений. На таком обширном общенаучном фоне проводятся и различные эмпирические исследования по проблеме человеческого времени. При этом каждая отдельная дисциплина, как правило, имплицитно предполагает существование какого-либо общего представления о человеческом времени.⁸ Однако, учение о человеческом времени, может возникнуть лишь как результат комплексного, междисциплинарного исследования на основе методологии марксистской философии.

Методологическая роль философии состоит, в первую очередь, в фиксировании общих для конкретно-эмпирических исследований проблем, имеющих одновременно и прямое отношение к основному вопросу философии. Центральной задачей является именно всестороннее изучение материального единства мира, доказательство первичности временной организации объективной реальности и вторичности сознательного (идеального) отражения времени. При исследовании диалектики объективного и субъективного, универсальности и разнообразия времени, как раз необходимо иметь в виду, что сама временная упорядоченность человеческой жизнедеятельности является одной из специфических форм временной организации объективной действительности, но такая форма, в которую включено и сознательное отношение ко времени, т.е. субъективный фактор.

Ряд особенностей отражения человеком времени открывает пути для возникновения идеалистических и метафизических взглядов. Многие буржуазные авторы толкуют "антропоморфность" восприятия и понимания времени человеком как неопределимую субъективную границу, которая создает принципиальную невозможность адекватно отражать время.

В теоретической мысли нового времени долго господствовала биосистем. М., 1976; Тюрин И.А. Специфика временных свойств биологических систем. - Вопросы философии, 1977, № 6.

6 Меринг Т.А. О различных формах отражения времени мозгом. - Вопросы философии, 1975, № 7; Брагина Н.Н., Дობрохотова Т.А. Функциональная асимметрия мозга и индивидуальное пространство и время человека. - Вопросы философии, 1978, № 3.

7 Диствина Н.И. К постановке проблемы социального времени. - В кн.: Методологические вопросы науки. Саратов, 1974, вып. 2; Лой А.Н. Социально-историческое содержание категорий "время" и "пространство". Киев, 1978.

8 Академик В.И. Бернадский уже более пятидесяти лет тому назад смело мечтал о создании единой науки о времени, в которую были бы включены и проблемы особенностей времен-

лс так называемое ньютоновское понимание времени. "Абсолютное, истинное, математическое время, - писал Ньютон, - само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью"⁹. Итак, время трактовалось онтологически как поток объективной, чистой длительности, не связанной ни с материей, ни с пространством. Такая метафизическая трактовка возбудила в гносеологическом плане тупиковую ситуацию: если абсолютное время как "безграничное чувствилище" бога¹⁰ существует независимо от материально-чувственного мира, то как может человек его вообще воспринять и познать. В истории философской и социологической мысли известно множество концепций, в которых делались попытки объяснить особенности восприятия и понимания человеком времени существованием какого-то особого промежуточного фактора¹¹. Последний обладал будто бы двояким характером: с одной стороны, через него человеческий ум смог приблизиться к истинному (абсолютному) времени, а с другой стороны, он существовал как неразрешающий адекватное отражение "внешнего" времени антропоморфный детерминант. В философии Нового времени проблема такого детерминирующего фактора ставилась в контексте чувственной или рациональной сущности человеческого познания. В социологической мысли второй половины прошлого века делались попытки реализации в трактовке человеческого времени эволюционного подхода: происхождение и развитие так называемых идей времени рассматривали как результат исторически накопленного человечеством опыта об изменчивости мира. В буржуазных социально-психологических теориях начала нашего столетия можно отметить наличие двух противоположных друг другу линий в понимании детерминации человеческого времени; биологизаторское (т.е. фрейдистского типа) и социологизаторское (дюркгеймовского типа). Тенденция редуцировать сложную специфику отра-

ных характеристик человеческой жизнедеятельности. - Бернадский В.И. Проблема времени в современной науке. - Изв. АН СССР. Отд. математ. и естеств. наук, сер. 7, 1932, № 4.

⁹ Ньютон И. Математические начала натуральной философии. - Крылов А.Н. Собрание трудов. М.-Л., 1936, т. VII. с. 32.

¹⁰ Ньютон И. Оптика. М., 1954, с. 305-306.

¹¹ Аарелайд-Тарт А.М. Детерминация отражения человеком времени как историко-философская проблема. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, 1980, вып. 542. Проблемы социальной детерминации познания. Труды по философии. XXI.

жения человеком времени либо к отдельным биологическим, либо к некоторым социальным факторам встречается и в целом ряде современных буржуазных учений¹². Так, согласно концепции биологической обусловленности, человек усваивает временную упорядоченность объективной реальности лишь в такой форме, которая необходима ему как следствие узких физиологических потребностей. Социальная детерминация отражения времени во многих социально-психологических и культурно-антропологических учениях трактуется в духе "коллективного представления", надиндивидуального психического, которое, помимо объективных свойств времени, определяет сущность индивидуального представления о времени. Поскольку за эталон объективного времени во всех подобных случаях принимается время классической физики, то социальные и биологические факторы, обуславливающие отражение времени, рассматриваются как извращающие "первоначальную объективность" времени.

К самому факту относительного своеобразия переживаемого человеком времени можно относиться как материалистически, так и идеалистически. В основе материалистической интерпретации лежит положительное отношение к пониманию времени человеческой жизнедеятельности в качестве одной из специфических форм временной организации объективного мира. Исходя из принципа истинности отражения субъектом объективной действительности, восприятие и познание человеком времени изучаются посредством методов как гуманитарных, так и естественных наук. Основа идеализма — полное или частичное отрицание вне-человеческого бытия временной упорядоченности мира, а также утверждение неизмеримости переживаемого человеком времени средствами точных наук.

Двойственность человеческого времени, как переживаемого, с одной стороны, так и измеряемого, количественно оцениваемое

¹² Joost M e e r l o o A.M. Along the fourth dimension (Man's sense of time and history). New York, 1970; M u e n s t e r b e r g e r W. On the Cultural Determinant of Individual Development. — In: Man and his Culture, Ed. Muensterberger W. London, 1969; M e a d B.D. and S i n g h D. Motivation and Progress Affects on Psychological Time in Subcultures of India. — Journal of Social Psych., 1970, vol.80; E g a n K. Mythical and Historical Reference to the Past. — Cloi, Kenosha, 1973, vol.2, N.3; O h n u k i - T i e r n e y E. Sakhalin Ainu Time Recording — Man, 1973, vol.8, June, N.2.

мого¹³, с другой, стимулировала в буржуазной философии XX века конфронтацию двух тенденций в анализе времени и отражения его человеком. Эта конфронтация выразилась в односторонней ориентации либо на психологическое, либо на физическое знание, в результате которой возникли противоположные друг другу психологизаторская и физикалистская трактовки проблем человеческого времени.

Многие философы-неопозитивисты, в том числе и видный специалист по проблемам времени Рейхенбах, утверждают, что изучение времени является задачей лишь физической науки¹⁴.

Физикализм относится к психическому своеобразию отражения человеком времени как к факту эмпирической конвенции. Личностное переживание времени исключается уже тем способом, что акцент делается не на различии прошлого, настоящего и будущего, а на их единстве: серия событий (или моментов) предстает как генетическая целостность, как единый по какому-то существенному параметру процесс. Но именно с психологической точки зрения понятия "прошлое - настоящее - будущее" далеко не равноправны. Развертывание временной оси отождествляется человеком с невозможностью остановить поток событий, своим течением определяющих конечность его судьбы. Человек относится к прошлому совсем иначе, чем к будущему. Прошлое - это пройденный этап жизни, "хотя оно "не остается" позади, а "идет с нами", а будущее не скрыто, а "видится", проецируется, переживается"¹⁵, оценивается оптимистически или пессимистически. Зафиксированная в памяти ретроспектива жизни (однозначное личностное прошлое) и заполненная планами на дальнейшую перспективу жизни (амбивалентное личностное будущее) существуют реально только в виде психологического настоящего, которое насыщено событиями духовной жизни. "Сознание - это и есть связь времени в актах нашей жизнедеятельности"¹⁶. Но как же "в таком случае можно настоящее стягивать в бессодержательную математическую точку, - спрашива-

¹³ См. также: К а з а р я н В.П. Понятие времени в структуре научного знания, с. 21.

¹⁴ Р е й х е н б а х Г. Направление времени. М., 1962, с. 20. Эту точку зрения поддерживают также Р. Карнап, А. Грюнбаум, Л.Т. Пантем, Г. Стейн и др.

¹⁵ Человек и мир человека (категории "человек" и "мир" в системе научного мировоззрения /Отв. ред. В.И.Шинкарук. Киев, 1977, с. 8

¹⁶ Там же.

ет казарян — прошлое полагать как ряд точек по одну сторону от нее, будущее — по другую?"¹⁷ Как психологическое "теперь", так и направленность времени обладают для человека, в первую очередь, качественным значением, и лишь затем — количественным.

Итак, физикализм полагает, что не существует каких-либо социокультурных и индивидуальнс-психологических проблем времени; существует лишь физическая постановка проблемы детерминации точкой физической геометрии многомерного континуума. Реакцией на такие внечеловеческие понимания времени возникло множество буржуазных философских учений, в которых на первый план выдвигался именно вопрос гуманитарного, не-сциентистского толкования сущности времени. Время рассматривалось в них как центральная категория в анализе либо индивидуального, либо коллективного (исторического) бытия человека. С первой четверти нашего столетия проблема человеческого времени оказывается той основной темой, в которой совпадали интересы сугубо различных философствующих направлений: эмпириокритицизма (Мах)¹⁸, исследований "философии жизни" и философии истории (Ницше, Бергсон, Дильтей, Шпенглер, Тойнби и др.)¹⁹ а также французских школ социологической и исторической психологии (Дюркгейм, Жане, Гальбвакс, Фресс, Мейерсон, Вернан и др.)²⁰, американской школы структурного функционализма (Сорокин, Мертон)²¹. Особое место в философ-

¹⁷ К а з а р я н В.П. Указ. соч., с. 20.

¹⁸ М а х Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1908.

¹⁹ Об этих авторах см. точнее: Г а й д е н к о П.П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 225-262.

²⁰ D u r k h e i m E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1960; J a n e t P. L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris, 1928; H a l b w a c h s M. La Mémoire collective. Paris, 1950; F r a i s s e P. Psychologie du temps. Paris, 1957; M e y e r s o n J. Le Temps, la Mémoire, l'Histoire. — Journal de psychologie, numéro spéciale. La construction du temps humain, 1956; V e r n a n t J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs: Etudes de psychologie historique. Paris, 1965.

²¹ S o r o k i n P.A., M e r t o n R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis. — The American Journal of Sociology, 1937, 42, p.612-629.

ской интерпретации проблемы человеческого времени принадлежит экзистенциализму, в первую очередь Хайдеггеру²².

В названных выше направлениях буржуазной философии подчеркивается субъективная (как в смысле индивида, так и общества) реальность времени, выражено сомнение в наличии какого-либо референта ему в объективном мире. Не редок случай, когда математизированное, количественно измеряемое время трактуется в качестве феноменальной, производной от субъектно-субстанционального времени вторичной его формой. С историко-философской точки зрения здесь, конечно, особой новизны нет: большинство философов (даже эмпирики-материалисты) до XIX века отказывало времени в объективном существовании. Можно даже сказать, что в течение многих веков философы весьма медленно приближались к пониманию времени как основного свойства материального мира, времени как разновидности всеобщих структур²³ материи. Можно привести много примеров того, что время часто трактовалось именно как внутренняя мера внешних событий.

Наиболее ярко такая точка зрения выражена у И. Канта: "... Если мы возьмем предметы так, как они могут существовать сами по себе, то время есть ничто. Оно имеет объективную значимость только в отношении явлений, потому что именно явления суть вещи, которые мы принимаем за предметы наших чувств, но оно уже не объективно, если отвлечься от чувственной природы нашего созерцания"²⁴. "Время следует считать действительным, - объясняет Кант, - не как объект, а как способ представлять..."²⁵.

Субъективирующие, психологизирующие сущность времени трактовки XIX столетия мало чем отличаются от своих предшественников. Сравним, например, кантовскую интерпретацию времени со шпенглеровской. "Словом "время", - пишет Шпенглер, - обозначается нечто в высшей степени личное, нечто такое, что мы вначале упоминали, как с о б с т в е н н о е, поскольку оно ощущается с внутренней достоверностью, как противополож-

²² Heidegger M. Sein und Zeit. - Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Halle/Saale, 1927, Bd.8.

²³ Егорова А.А. Диалектическое отношение пространства - времени к материальному движению. Л., 1976, с. 21.

²⁴ Кант И. Соч. в 6-ти т. М., 1964, т. 3, с. 139.

²⁵ Там же, с. 140.

ность тому чужому, которое вмещается в жизнь мира чувств, при его посредстве и под его влиянием. Собственное, судьба, время — суть заменяющие друг друга слова²⁶. В таком же духе «ложено понимание человеческого времени Бергсоном. Для него сущность времени заключается в непрерывной психической длительности, которую нельзя воспринять извне; время можно "испытать" только изнутри, при помощи интуиции. Фиксатором этой длительности как временного каркаса человеческой жизни является для Бергсона память.²⁷

Хотя современный идеализм в трактовке времени в принципе не отличается от более ранних идеалистических интерпретаций времени, существенно изменились его гносеологический и общенаучный контексты. С начала возникновения эволюционной теории неклассической физики изучение времени как меры изменения, длительности, последовательности и ритмичности событий осуществляется многими дисциплинами: физикой, биологией, геологией, психологией и др. науками. Однако, несмотря на прогресс науки, — как пишет В.П. Казарян, — всегда остается лазейка для сомнения: не происходит ли дивергенция времени в процессе его понимания и осознает ли наука все его аспекты?²⁸ Неправильные трактовки относительной нестрогости развертывания психологического (переживаемого) времени, в свою очередь, прекрасно усиливают всякие субъективистские тенденции в понимании времени.

"Вот почему так важно различать онтологический и экзистенциальный аспекты проблемы времени, — подчеркивает М. Каган и продолжает, — Если время природы и время общества есть объективная форма движения материи..., а время культуры — форма общественного самосознания, то для человека время выступает и формой самоощущения, переживания, и осознания собственного бытия, движения своего "я" через жизнь"²⁹. Мы считаем, что: онтологический и экзистенциальный аспекты необходимо различать также и в структуре самого человеческого времени. Переживание времени — это факт субъективной,

²⁶ Шпенглер О. Закат Европы. М.—Лг., 1923, с. 126.

²⁷ Бергсон А. Длительность и одновременность. (По поводу теории Эйнштейна). Пг., 1923, с. 42.

²⁸ Казарян В.П. Указ. соч., с. 20.

²⁹ Каган М.С. Время как философская категория. — Вопросы философии, 1982, № 10, с. 121.

сознательной реальности. Но человеческое время есть не только мера самоосуществления и самопознания, но и мера существования человека как биологического и как социального существа. В данном случае временная упорядоченность человеческой жизнедеятельности обладает такой же объективностью, как время физических, геологических, биологических, социальных и других форм движущей материи.

Понимание сущности человеческого времени нуждается в действительно диалектическом анализе, так как объективные и субъективные элементы переплетаются здесь особенно тесно, и далеко не однозначно. Философская интерпретация человеческого времени не может раствориться в крайностях физикализма или же психологизма. Но столько же неуместны всякие попытки биологического или социологического редукционизма, проповедующего концепции антропоморфного "бельма" отражения человеком объективного времени. Временная организация внечеловеческого (т.е. общекосмического) мира задает человеку общее свое определение, но она не навязывает ему свою чужую власть, свои раз и навсегда заданные длительности, последовательности и ритмы. Сами длительности, последовательности и ритмы нашей человеческой деятельности "задают нашему времени данное его определение, сообщают ему если не его общую со всем остальным миром форму, то специфически человеческий, исторический характер накопления этой общей формы"³⁰.

II.

С марксистской точки зрения, проблема человеческого времени — это, в первую очередь, проблема специфики отражения времени человеком как биосоциальным существом и активным субъектом познавательной деятельности.

Для диалектико-материалистического определения отражения времени человеком коренное методологическое значение имеет ленинская теория отражения.

Отражение человеком объективных временных характеристик в широком плане охватывает все его жизненные процессы и осуществляется на многообразных организационных уровнях. Отражение человеком времени — это соответствие между временной

³⁰ Трубкин Н.Н. Проблема времени в свете философского мировоззрения. — Вопросы философии, 1978, № 2, с. 121.

упорядоченностью жизнедеятельности человека и всей окружающей его объективной реальности. Назовем хотя бы некоторые формы отражения человеком таких характеристик окружающей среды, как последовательность, длительность, темп, ритм, необратимость процессов и т.д. Такими формами являются, например, темп и ритм функционирования клеток, пространственно-временная упорядоченность сенсорно-перцептивных процессов, суточная ритмика организма, деятельность памяти, темп индивидуального развития организма, непрерывность психической самоидентификации, грамматические виды времени в языках, темп и ритм трудовых процессов, способность определенного предвидения социальных событий, научное познание времени и т.д.

Итак, ориентация человека во времени теснейшим образом связана со всей его жизнедеятельностью. Развертывающимися во времени оказываются совокупность органических процессов, с одной стороны, и сама общественно-производственная практика человека, с другой. В деятельности человека играют важную роль как физические, биологические, так и психические и социальные формы или структуры времени. Из сказанного следует очень важный вывод: человек оказывается полиморфным носителем временных упорядоченностей различного порядка.

В своей практической жизнедеятельности человек синтезирует это многообразие форм отражения времени, достигая тем самым целостной ориентации во времени. Человек является синтетическим носителем времени исторических событий и трудовой деятельности, биологических ритмов и физических процессов, собственных психических переживаний и космических процессов. Но какой механизм позволяет человеку преодолевать фрагментарность временной многопорядковости и синтезировать свое полиморфное отражение времени в единую целостность? Таким "синтезирующим механизмом" несомненно являются высшая нервная деятельность и психическое переживание времени. Но наиболее высокой формой такого синтетического отражения является осознание времени³¹. Осознанное отражение времени надо рассматривать как аспект всей сознательной деятельности, который дает человеку возможность практически и теоретически ориентироваться в объективной действительности и ее временной упорядоченности и, соответственно, целесообразно управ-

³¹ М е р и н г Т. А. О различных формах отражения времени мозгом. - Вопросы философии, 1975, № 7, с. 125.

лять собственной деятельность во времени.

Хотя осознающая, познающая форма отражения времени с функциональной стороны характеризуется как единая упорядоченность человеческой целесообразной деятельности, теоретически она разложима на чувственный и рациональный аспекты. Чувственное отражение, или восприятие времени, рождается у человека в результате отражения временных параметров любых явлений при их непосредственном воздействии на органы чувств, организуясь образовавшейся в результате раннего опыта собственной синтетической "внутренней моделью" времени в виде чувственной памяти, пространственно-временной упорядоченности перцептивной деятельности³² и т.д. Рациональное отражение, или понимание времени, возникает в результате отражения временных параметров объективной действительности в собственной сознательной деятельности в форме знаний, категорий, логических утверждений, суждений и т.д., с помощью которых познается сущность времени, обобщаются и синтезируются его существенные стороны и признаки.

Одна из существенных ошибок ученых прошлого (и не только прошлого!) - в отождествлении многообразного отражения человеком времени только с его осознанием. Такая точка зрения несостоятельна методологически, ибо, отвергая полиморфность человеческого отражения времени, нельзя уловить его синтетичность. Познание (осознание) времени, реализующееся в единстве чувственного и рационального, оказывается высшей формой отражения времени именно вследствие своей способности синтезировать различные морфо-физиологические, психологические и социальные формы, наделяя человека способностью целесообразно, целостно ориентироваться во временном многообразии действительности.

Важный специфический признак отражения времени человеком - его активность. Эта активность реализуется далеко не однозначно. Никому из нас не чуждо психическое переживание времени: желание наилучшим образом распорядиться собственным бюджетом времени, огорчения по поводу напрасной траты времени, стремление избежать старости и смерти и т.д. Личное переживание времени связано с уникальностью жизненного пути. Чувство "собственного времени" во многом определяется "следами" минувших событий, хранящимися в индивидуальной памяти. Такое личностное переживание времени - выражение активности

³² Веккер Л.М. Психические процессы. Л., 1976, т.2, с. 33-52.

времени на уровне особенного, т.е. отдельного неповторимого индивида.

Активность отражения времени видом *Homo sapiens* объясняется, с нашей точки зрения, именно внутренней детерминацией человека во времени. Человек способен к активному целесообразному отражению во времени окружающей его среды, благодаря наличию программирующей (детерминирующей) отражение системы "памяти". В такой детерминирующей "памяти" накоплен как биологический опыт вида *Homo sapiens* ("биологическая память"), так и социальный опыт общественной практики ("социальная память").

Центральное место в проблеме человеческого времени, по нашему мнению, занимает именно вопрос о соотношении объективного и субъективного в отражении времени.

Действительное раскрытие специфики человеческого времени не может оставаться в рамках абстрактно-спекулятивных рассуждений, характерных для многих буржуазных учений. Философское исследование проблемы должно быть соотнесено с данными конкретно-научных исследований. На наш взгляд, даже простое сопоставление и систематизация того, что сделано в области исследования свойств времени различными науками (физикой, биологией, геологией, психологией, социологией, логикой, лингвистикой и т.д.), может содействовать уяснению некоторых методологических основ изучения взаимосвязи монизма и многообразия обусловленности отражения человеком времени, а также выяснению его конкретных биологических и социальных детерминант.

Для понимания подлинно биологических основ отражения времени человеком необходимо коснуться значения временных параметров для живой природы вообще. Можно полностью согласиться с высказыванием П.К. Анохина о том, что "с зарождением жизни на Земле материя обогатилась принципиально новым фактором - активным отношением живой материи к всевозможным превращениям пространственно-временной структуры неорганического мира и, следовательно, время приобрело для животного свое специфическое значение"³³. Это активное отношение выражается в опережающем отражении действительности, которое дает возможность живым существам получать вполне адекватную информацию об окружающей среде, где последовательность и повторяемость служат основными временными параметрами.

³³ Анохин П.К. Опережающее отражение действительности. - Вопросы философии, 1962, № 7, с. 105.

Итак, отражение объективного времени человеком подготовлено развитием органического мира. Человеческий организм и его центральная нервная система, их функции и механизмы отражения временной упорядоченности объективного мира появились лишь в результате длительной эволюции организмов в земных условиях. В.И. Ленин в своей работе "Материализм и эмпириокритицизм" писал: "Если ощущения времени и пространства могут дать человеку биологически целесообразную ориентировку, то исключительно под тем условием, чтобы эти ощущения отражали объективную реальность вне человека: человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему объективно-правильного представления о ней"³⁴.

Коренными ритмами в неживой природе, оказавшими наибольшее влияние на жизнедеятельность всех земных организмов, в том числе и человека, является астро-геофизические периодичности. В результате синхронизации биоциклов с геофизическими циклами возникли т.н. "биологические часы" организмов; эти "часы" играют в жизни человека важную роль. Хотя точная граница между врожденным и приобретенным в работе "биологических часов" человека пока не определена, но нет сомнений, что механизм этих ритмов отчасти передается наследственным путем.

Важный этап эволюции такой системы отсчета времени у человека сопровождался возникновением второй сигнальной системы³⁵, которая зародилась уже в процессе развития социально-трудовой деятельности.

Своеобразную группу биологических основ отражения времени можно, вероятно обнаружить среди возрастных особенностей человеческой деятельности. Человеку, подобно всем живым существам, свойственны определенные возрастные этапы развития, от эмбриональной стадии до смерти. В онтогенезе биологические предпосылки тесно переплетаются с факторами социогенеза индивида, образуя единый синтетический комплекс детерминации отражения времени.

Новые темпы, новые временные отношения, возникающие в развитии общественных систем, выходят из-под контроля биологических факторов и, следовательно, нуждаются в качественно

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 185.

³⁵ Сергеев Б.Ф. Эволюция ассоциативных временных связей. Л., 1967, с. 229.

новых механизмах их накопления и передачи. "Социальная память" - внегенетическое "хранилище" человеческого трудового общественного опыта³⁶, о все новых характеристиках времени, о темпах и ритмах конкретно-исторической деятельности - и есть такой механизм.

В каждую эпоху в любом обществе формируется свой, исторически необходимый образ использования времени. Спецификой комплекса социально-исторических, производственных отношений определяется и специфика отражения времени в конкретно-исторической обстановке. Используя методологический принцип "социальной памяти", можно показать роль орудия труда и продуктов производства, социальных отношений и языка в опредмечивании временных отношений, в передаче исторически накопленного опыта от поколения к поколению в ходе человеческой деятельности. На этой основе реализуются такие фундаментальные характеристики объективного социального времени как историческая преемственность, непрерывность и необратимость существования и развития самого общества, конкретные темпы и ритмы материального производства, временные характеристики социальных отношений. С другой стороны, на этой основе осуществляется исторически развивающийся процесс познания человечеством времени. Формирование в сознании индивида связанных с временной упорядоченностью принципов поведения, социальных ценностей и норм, структур языка, определенных знаний и представлений.³⁷

Временные характеристики общественных явлений не даны людям непосредственно. Чтобы осваивать содержательные аспекты программирующей человеческую деятельность "социальной памяти", люди должны в активно воспринимаемом, деятельном овладении раскрывать временные свойства окружающей их конкретной социальной действительности.

Человечество на различных уровнях социально-экономического развития находится в весьма различном диапазоне и в различной упорядоченности временных отношений. Временная структура окружающей человека сферы усложнялась в связи с

³⁶ Здесь мы используем концепцию "социальной памяти" Я.К. Ребане. - См. его статьи: Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5; Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8.

³⁷ Ребане Я.К. Информация и социальная память..., с. 47.

углублением разделения труда и развитием производственных отношений, с возникновением городов и промышленности, с развитием социальных отношений, с углублением мировосприятия. За многие тысячелетия в области отражения времени человечеством проделан путь от мифологических представлений до современного научного понимания времени. В основе исторического развития отражения времени лежит социально-экономический прогресс человечества. Определенная зависимость человеческой деятельности от ее конкретно-исторической временной упорядоченности должна найти свое выражение и в историческом понимании людьми времени.

Современный человек легко оперирует абстрактным понятием времени, осознает самое отдаленное прошлое, предвидит будущее. Эти способности объясняются высокой степенью упорядоченности временных отношений, которыми он пользуется как в повседневной, так и научно-теоретической деятельности. Современной эпохе свойственны сложная временная структура промышленности, долговременное планирование в промышленности и в сельском хозяйстве, построение картины унифицированного космоса, увеличение продолжительности жизни одного поколения, сопровождающееся осложнением демографической структуры общества и т.д. Все эти явления, бесспорно, оказывают влияние на развитие представлений о времени.

ЧЕЛОВЕК В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ СОЦИАЛЬНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю.Н. Чертин

В современной борьбе идей проблема человека и его бытия является, несомненно, одной из центральных. Отсюда "необходимость дальнейших исследований, более углубленного анализа этой проблематики и характера ее отражения в буржуазном сознании"¹.

Исходный методологический принцип постановки и решения проблемы человека в современной буржуазной антропологической философии состоит в рассмотрении индивида и общества в их противостоянии. Автономность и даже антиномичность социального и индивидуального — вот что является общей основой различных на первый взгляд подходов к решению названной проблемы. Взаимодействие личности и общества, диалектика индивидуального и социального по существу остаются за пределами исследований современной "философии человека". Эта проблема могла быть решена на основе совершенно иных методологических принципов, которые впервые были сформулированы основоположниками марксизма.

Маркс, в частности, с самого начала исходит не из противопоставления индивидуального и социального, а из их единства и взаимодействия. С одной стороны, "индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни... является проявлением и утверждением общественной жизни"². С другой стороны, "общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу"³. Марксизм, таким образом, отвергает внеположность, а тем более противопоставление общества и общественного по отношению к индивиду.

¹ Человек и его бытие как проблема современной философии: Критич. анализ некоторых бурж. концепций. М.: Наука, 1978, с. 4.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 214.

Проблема антагонизма индивида и общества, индивидуального и социального бытия возникает у К. Маркса в тех случаях, когда речь идет о конкретном, чаще всего буржуазном обществе. По Марксу, в рамках классово-антагонистических формаций эта проблема вообще не может быть решена. Превращение социально-исторического бытия в подлинно человеческое мыслилось им на пути построения коммунистического общества. Конкретный механизм этого превращения раскрывается К. Марксом, в частности, на основе анализа развития общественного человека в связи с различными историческими типами социальности (коллективности). Здесь же раскрывается и один из существенных аспектов диалектики социального и индивидуального.

К. Маркс и Ф. Энгельс видели в буржуазном обществе одну из "антагонистических форм общественного единства"⁴, "мнимую", "иллюзорную" коллективность в противоположность подлинной, "действительной" коллективности будущего коммунистического общества⁵. Социальная жизнь всегда общественна и совместна, но далеко не всегда коллективна. Деятельность, отношения всегда носят общественный, совместный характер, но не всегда коллективный. Коллективность не сводится к совместности. Совместная общественная жизнь может характеризоваться социальным отчуждением, разобщенностью и т.п. Отчуждение исключает подлинную коллективность, коллективность в собственном смысле слова, допуская лишь видимость общественного единства в различных "суррогатах коллективности".

Подобным суррогатом коллективности выступает, в частности, капиталистическое общество. Здесь отношения обособляются, приобретают самостоятельное существование по отношению к индивидам; личные отношения преобразуются в классовые, индивидуальные - в вещные. Люди вообще теряют контроль над своими отношениями, которые становятся самостоятельной, властвующей над ними силой. Не мудрено, что в этих условиях всякое объединение представляется индивидам "чуждой для них связью"⁶. "Объединение рабочих, как оно выступает на фабрике... установлено не рабочими, а капиталом. Их объединение представляет собой не их бытие, а бытие капитала. По отношению к отдельному рабочему это объединение выступает как

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 103.

⁵ Там же, т. 3, с. 66-77.

⁶ Там же, с. 73.

нечто случайное. К своему объединению с другими рабочими и к кооперации с ними рабочий относится как к чему-то чуждому, как к способу действия капитала"⁷.

Итак, общественную связь образуют при капитализме только "взаимная зависимость производителей друг от друга", "взаимная и всесторонняя зависимость безразличных по отношению друг к другу индивидов"⁸, "столкновения безразличных индивидов друг с другом"⁹, так что "их взаимная связь представляется им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь"¹⁰. Это - "стихийная связь индивидов"¹¹. По отношению к отдельной личности эта связь выступает только как "средство для ее частных целей, как внешняя необходимость"¹².

Сущностью капиталистической социальной общности является, таким образом, то, что основоположники марксизма называли мнимой или иллюзорной коллективностью. Это - "отчужденная форма социального общения"¹³, характеризующаяся действительной разобщенностью, изолированностью, обособлением и разединением индивидов. "От человека не зависит, - писал Маркс, - быть или не быть этой общественной связи; но до тех пор, пока человек не признает себя в качестве человека и поэтому не организует мир по-человечески, эта общественная связь выступает в форме отчуждения. Ибо субъект этой общественной связи, человек, есть отчужденное от самого себя существо. Люди - не в абстракции, а в качестве действительных, живых, особенных индивидов - суть это сообщество. Каким бы индивиды, такова и сама эта общественная связь. Поэтому идентичными являются положения, что человек отчужден от самого себя и что общество этого отчужденного человека есть карикатура на его действительную об-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 81.

⁸ Там же, т. 46, ч. I, с. 99.

⁹ Там же, с. 100.

¹⁰ Там же, т. 3, с. 100.

¹¹ Там же, т. 46, ч. I, с. 105.

¹² Там же, т. 12, с. 710.

¹³ Там же, т. 42, с. 24.

щественную связь, на его истинную родовую жизнь; что его деятельность оказывается в силу этого мукой, его собственное творение — чуждой ему силой, его богатство — его бедностью, сущностная связь, соединяющая его с другим человеком, — несущественной связью и, напротив, его оторванность от другого человека оказывается его истинным бытием...¹⁴

Псевдо-коллективность капиталистического общества парализует трудящегося, препятствует его развитию. "Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новый оковы"¹⁵. Поскольку именно "от уклада действительных отношений" "в действительности зависит, насколько индивид может развиваться"¹⁶, постольку в существовавших до сих пор суррогатах коллективности "одни — меньшинство — получали монополию развития, другие же — большинство... — лишены возможности какого бы то ни было развития"¹⁷.

Причем "ограниченность развития", вообще свойственная всем классово-антагонистическим формациям, состоит "не только в том, что один класс отстраняется от развития, но и в умственной ограниченности того класса, который производит это отстранение; "нечеловеческое" становится уделом также и господствующего класса"¹⁸.

Однако в условиях социального взаимодействия, понятого как единство деятельности и общественных отношений, последние определяют тип индивидуального развития не только и не столько сами по себе, сколько формируя конкретно-исторический характер социальной деятельности, в том числе процессы опредмечивания и распределмечивания (освоения), соотношение продуктивной и репродуктивной деятельности и т.д.

Что касается, например, опредмечивания и распределмечивания, то для Маркса характерно прежде всего преодоление гегелевского внеисторического понимания соотношения этих процессов. Согласно Марксу, возможен разрыв, несоответствие опред-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.42, с. 24.

¹⁵ Там же, т. 3, с. 75.

¹⁶ Там же, с. 245, 252.

¹⁷ Там же, с. 433.

¹⁸ Там же.

мечивания и освоения. Дело в том, что общественное развитие осуществляется в двух формах: во-первых, в форме развития предметного мира, опредмеченной общественной сущности человека и, во-вторых, в форме реального развития действительных индивидов. Соотношение этих двух форм таково, что первая составляет только условие возможности второй. Поскольку система социальных связей и отношений опосредует превращение опредмеченной общественной сущности в условия реального развития индивидов, постольку эта возможность становится действительностью только при определенных обстоятельствах. Вот почему в классово-антагонистических общественных формациях возникает несоответствие, разрыв процессов опредмечивания и распределмечивания. Индивиды своим трудом увеличивают предметное богатство, но лишены возможности его освоения. Таким образом, система социальных отношений буржуазного общества обуславливает преобладание опредмечивания в структуре общественного производства. Развитие здесь происходит, в основном, в форме обогащения предметного мира, объективированной общественной сущности, а не в форме развития самих индивидов.

Социальные связи и отношения капиталистического общества обуславливают, однако, не только соотношение процессов опредмечивания и освоения в структуре деятельности, но определяют и самый характер, содержание этих процессов, что также сказывается на характере развития данной общественной формы. К. Маркс в своих классических трудах строго различает опредмечивание как всеобщее определение деятельности и свойственное капитализму отчуждающее опредмечивание, или "овеществление" ("овещнение", "реификация"). То же самое можно сказать и о распределмечивании (освоении), которое в условиях классово-антагонистического общества, во-первых, существенно ограничено существующими социальными отношениями и, во-вторых, подменяется различными суррогатами, видимостью, иллюзиями.

Что касается продуктивности и репродуктивности, то соотношение данных сторон деятельности определяется как уровнем развития производительных сил, так и соответствующим этому уровню характером общественных отношений. Предметная деятельность человека как целостная система имеет творчество своим сущностным измерением. Однако при капитализме, в условиях сохранения разделения труда, частной собственности и отчуждения, труд по необходимости расщепляется на духовную и материальную, целеполагающую и целеисполнительскую деятель-

ность. Тем самым творческий потенциал как самой деятельности, так и ее субъекта в той или иной степени уменьшается, а при определенных условиях может быть и вовсе сведен к нулю. Последнее имеет место в том случае, если целью общества становится функционирование социальных институтов, а воспроизводство существующих отношений замыкает цепь внешней целесообразности.

Тип общественно-исторического развития, присущий буржуазной формации, К. Маркс определяет следующим образом: здесь "развитие способностей рода "человек"... совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов..."¹⁹.

Историческое назначение капитала Маркс видел в том, что он "создает условия"²⁰ универсального развития личности, ибо это - "форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенциалов"²¹. Капитал устанавливает всю полноту материальных условий для целостного, универсального развития людей²², создает все необходимые материальные элементы для развития богатой индивидуальности²³. Однако эта целостная, универсальная личность и богатая индивидуальность существует при капитализме лишь в потенции, т.е. в вещной форме объективированной общественной сущности, в форме отчужденного предметного мира культуры. Связь этого мира с реальными людьми опосредована системой социальных связей и отношений, которая и определяет меру и границы развития каждого индивида.

Таким образом, "более высокое развитие индивидуальности" покупается дорогой ценой, ценой, по словам Маркса, "такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву"²⁴. После того как капиталистическая формация исчерпала себя, выполнив свое историческое назначение, встала задача "освобождения от вполне определенного способа разви-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.26, ч. II, с. 123.

²⁰ Там же, т. 46, ч. I, с. 101.

²¹ Там же.

²² Там же, с. 508.

²³ Там же, с. 281.

²⁴ Там же, т. 26, ч. II, с. 123.

тия"²⁵, присущего данной формации. "На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех"²⁶. Этот новый тип развития возможен, по Марксу, лишь в условиях "действительной коллективности", т.е. будущего коммунистического общества.

Подлинная коллективность "представляет собой такое объединение индивидов (разумеется, на основе уже развитых к этому времени производительных сил), которое ставит под их контроль условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор представлялись власти случая и противостояли отдельным индивидам... как нечно самостоятельное"²⁷. Другими словами, здесь "общественное производство подчинено индивидам", которые управляют им "как своим общим достоянием"²⁸ и "общественные отношения которых, будучи их собственными коллективными отношениями, также и подчинены их собственному коллективному контролю"²⁹.

Соответственно меняется и тип социального общения. В "коллективности революционных пролетариев" "индивиды участвуют как индивиды"³⁰, т.е. здесь имеет место общение "индивидов как индивидов"³¹. Подлинная коллективность, по Марксу, — это "коллективная деятельность и коллективное пользование, т.е. такая деятельность и такое пользование, которые проявляются и утверждают себя непосредственно в действительном общении с другими людьми..."³².

Одновременно с общественными отношениями и общением из-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 440.

²⁶ Там же, т. 4, с. 447.

²⁷ Там же, т. 3, с. 76.

²⁸ Там же, т. 46, ч. I. с. IOI.

²⁹ Там же, с. IO5.

³⁰ Там же, т. 3, с. 76.

³¹ Там же, с. 66.

³² Там же, т. 42, с. II8.

меняется и самый тип социально-исторического развития. Рухнет антагонизм между развитием рода и развитием отдельного индивида. Более того, в условиях действительной коллективности условием развития всех является индивидуальное развитие каждого. И наоборот, "только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода"³³.

Рассматривая коммунистическую форму общества, К. Маркс выделяет две стороны: "универсальное развитие индивидов" и превращение их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние"³⁴. Но это - две стороны одного и того же процесса, ибо каждая из них осуществима только посредством другой. С одной стороны, "частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т.е. превратить в свою свободную жизнедеятельность"³⁵. С другой стороны, всякое "присвоение обусловлено прежде всего тем объектом, который должен быть присвоен, производительными силами, которые развились в определенную совокупность и существуют только в рамках универсального общения. Уже в силу этого присвоение должно носить универсальный характер, соответствующий производительным силам и общению. Само присвоение этих сил представляет собой не что иное, как развитие индивидуальных способностей..."³⁶. Другими словами, присвоение универсальных производительных сил, существующих в рамках универсального общения, соответствует универсальному развитию индивидов.

Социальные связи и отношения коммунистической формации нацелены, таким образом, на универсальное освоение каждым индивидом объективированной общественной сущности человека. Что же касается опредмечивания, то оно выступает здесь как "самосуществование, предметное воплощение субъекта, стало

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 75.

³⁴ Там же, т. 46, ч. I, с. 101.

³⁵ Там же, т. 3, с. 440.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений: (Новая публикация первой главы "Немецкой идеологии"). М.: Политиздат, 1966, с. 94.

быть, как действительная свобода...³⁷.

Одна из основных задач коммунистической революции заключается, как известно, в уничтожении труда как "отрицательной формы самодеятельности"³⁸. Основоположники марксизма совершенно определенно связывают "превращение труда в самодеятельность и превращение прежнего ограниченного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как индивиды"³⁹, т.е. с новым типом социального общения, свойственным подлинной коллективности. "На этой ступени, — подчеркивают К. Маркс и Ф. Энгельс, — самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности"⁴⁰.

Это не означает, что при коммунизме не останется нетворческих форм деятельности. И дело вообще не в том, чтобы противопоставлять свободную творческую деятельность тому, что называется "труд-работа". Их соотношение в будущем коммунистическом обществе представляется Марксу как снятая противоположность.

Итак, универсальное развитие индивида и становление подлинной коллективности коммунистической формации — это две стороны единого процесса. "В пределах коммунистического общества — единственного общества, где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, — это развитие обуславливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имевшихся производительных сил"⁴¹. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивают, таким образом, решающее значение действительной коллективности для развития человека. В этом смысле функция подлинного коллектива как раз и заключается в создании условий и обеспечении свободного универсального развития каждого из его членов.

Диалектика индивидуального и коллективного такова, что не может быть действительного коллектива без подлинно сво-

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 109-110.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 93.

³⁹ Там же, с. 95.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 441.

бодной и универсально развитой личности и наоборот - подлинно свободной и универсально развитой личности без действительного коллектива. Вне действительной коллективности развитие личности неизбежно носит ограниченный характер.

Магистральное направление развития человечества, как оно представлялось основоположникам марксизма, - это развитие по направлению к подлинной коллективности, к коллективизму как основному принципу всего социально-исторического бытия. Это совпадает со становлением универсальной целостной индивидуальности и ее свободным развитием как самоцелью.

Таковы - в самом общем виде - взгляды классиков марксизма на проблему развития человека в связи с различными типами социальности (коллективности). Они являются конкретизацией основополагающего принципа о социальной сущности (социальной детерминации) человека.

Проблемы человеческого бытия привлекают все большее внимание советских философов. Одна из основных задач, стоящих перед ними в этой связи, - использование и обобщение огромного фактического материала, накопленного современной наукой. При этом, однако, возникает необходимость выработки соответствующих философско-методологических принципов, которые позволили бы комплексно использовать данные множества научных дисциплин, изучающих человека.

Одной из плодотворных попыток в этом направлении является, на наш взгляд, предложенный Я.К. Ребане принцип социальной памяти⁴². "В порядке первого приближения, - пишет он, - социальную память можно характеризовать как совокупность ненаследственных (внегенетических) социально-культурных средств и систем информации, на основе которых (1) формируется психика и сознание человека как исторически-конкретного существа, выступающего также и в качестве субъекта познания; (2) осуществляется исторически развивающийся процесс человеческого, т.е. общественного познания"⁴³. При этом необходимо различать социально-культурные средства, выступающие носителями социальной памяти, и значимую информацию, составляющую ее содержание.

⁴² См.: Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5.

⁴³ Там же, с. 94.

Носителем социальной памяти прежде всего является человек. Как социальное ("социально запрограммированное") существо. Он "занимает центральное место в функционировании всех других средств социальной памяти"⁴⁴. Однако существуют и такие носители социальной памяти, которые, проявляясь в человеке и его деятельности, все же обладают относительной автономией. Речь идет, во-первых, об орудиях производства, овеществленных результатах труда и вообще всей совокупности опредмеченной деятельности, обобщаемой понятием "материальная культура"; во-вторых, о языке во всех его проявлениях и неязыковых семиотических системах; в-третьих, о системе объективных общественных отношений. Что касается содержания социальной памяти, то Я.К. Ребане выделяет 1) накопленные знания; 2) логическую структуру мышления, понимаемую в широком смысле; 3) принятые обществом ценности и их фиксацию в различных формах общественного сознания.⁴⁵

Хотя сам автор ограничивает значение предложенного принципа рамками теории познания, представляется, однако, что его можно использовать значительно шире, в частности, для более конкретного изучения поставленной нами проблемы.

В этой связи было бы интересно проследить особенности функционирования социальной памяти в различных типах социальности (коллективности), в частности соотношение человека как носителя социальной памяти с другими ее носителями, взаимоотношение носителей и содержания социальной памяти и т.д.

Реализация этого плана требует, однако, специального рассмотрения и выходит за рамки данной статьи, носящей характер постановки проблемы и поиска наиболее общих подходов к ней.

⁴⁴ См.: Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5, с. 100-101.

⁴⁵ Там же, с. 101.

НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

И.Н. Грязин

Концепция "социальной памяти", выдвинутая в работах Я.К. Ребана, является, как известно, способом гносеологического анализа объективно существующих информационных систем, надстраивающихся над генетической наследуемой информацией. Наряду с прочими компонентами, в содержание "социальной памяти" входит и логическая структура мышления в самом широком смысле, включающая и категориальный аппарат познания. Представляется, что каждая данная конкретная логическая структура определена, в первом приближении, двояко — со стороны объективного (отражаемого) мира и со стороны других компонентом социальной памяти. Логическая структура мышления в концепции "социальной памяти" Я.К. Ребана является отнюдь не только формальным образованием, но включает в себя и содержательный аспект, связанный как с объектом мышления, так и с пониманием этого объекта субъектом. Таковой представляется и концепция естественного права в философских и теоретико-юридических науках.

Судя по обширной научной и учебной литературе, основным характерным признаком концепции естественного права считается признание в качестве основы любого валидного (справедливого, легитимного и т.п.) права некоей "естественной" нормативной системы, не совпадающей с позитивным правом и составляющей в отличие от последнего абсолютную основу бытия норм, накладываемых на мир, общество и человека.

Инвариантом изменяющегося в процессе развития правопонимания могут считаться следующие положения концепции естественного права: а) существуют правовые нормы, которые не являются созданными государственной властью и которые, тем не менее, охватывают и области, регулируемые позитивным правом; б) дескриптивные (фактуальные) предложения могут служить основой ценностных (в том числе императивных) высказываний; в) основой ценностей, включаемых в право, является нечто, свойственное (имманентное) человеку; г) эти ценности и вы-

веденные из них правила являются до некоторой степени долговечными и неизменными.¹

Таким образом признание некоего изначального состояния общества, лишь модифицируемого в ходе дальнейшего развития, может считаться довольно характерным признаком теории естественного права. Если считать, что за действительным позитивным правом скрываются некоторые элементарные формы естественных взаимоотношений между людьми, то исследовательская задача заключается в их выделении из всей совокупности современных исследователю общественных условий. В этих целях оказывается необходимым создание теории, описывающей это изначальное "простое", "естественное" состояние людей и взаимоотношений между ними. Представляется, что именно пониманием "естества", "естественного состояния" в значительной мере определена методологическая линия всей концепции.

На этапе становления современной концепции естественного права в трудах Лона Л. Фуллера естественное состояние принимается холистически как методологическая основа и аксиома, еще не подлежащая специальному исследованию. Таковы в тексте Фуллера условия деятельности гипотетического законодателя Рекса и свергающего его власть Брута I. Аналогичной исходной точкой развертывания всей концепции служат мини-общества типа группы спелеологов, замурованных в пещере или группы потерпевших кораблекрушение моряков в спасательной шлюпке в открытом океане.²

Дальнейшее развитие тенденций, наметившихся уже в концепции Фуллера, неизбежно привело и к необходимости уточнения исходных посылок всего направления и выявления их методологической роли.

Следует отметить, что само понятие естественного состояния мыслится ныне уже как некий идеализированный объект. Джон Ролс пишет: "Это изначальное состояние не следует ... понимать как некое действительное историческое положение дел или тем более как примитивное состояние культуры. Оно понимается как чисто гипотетическая ситуация, характеризу-

¹ A r n i o A. The Form and Content of Law. Aspects of Legal Positivism - Archivum juridicum cracoviense, 1980, v. XII p. 32.

² F u l l e r L.L. The Morality of Law. New-Haven, L., 1964, p. 38-39, 140-141; idem. The Case of Speluncan Explorers. - Harvard Law Review, 1949, v. 62, N 4; The Problems of Jurisprudence. Brooklyn, 1949, p. 694 ff.

мая такими качествами, которые приведут к определенной теории справедливости".³

В концепции Ролса изначальное состояние описывается как сосуществование людей, которые "не знают своего места в обществе, классовой принадлежности и социального положения, никто из них не представляет своей доли в распределении естественных благ и способностей - интеллекта, силы и пр."⁴.

Такая ситуация оказывается, как это предполагается Ролсом, достаточно формальной, чтобы допустить ее относительно чистое понятийное развитие в целостную этико-правовую систему.⁵

Довольно очевидной представляется номиналистическая тенденция данной конструкции - если считать исходным состоянием общества сосуществование отдельных индивидуумов, обладающих в качестве своего *differentia specifica* лишь чистым интеллектом, лишенным всякого содержания и индивидуального самосознания, то можно предположить, что вся совокупность реальных социальных отношений строится как производная от единичных отношений между абстрактными индивидами. Джон Финнис справедливо замечает: "Современный разговор о правах построен, в первую очередь, на имплицитной модели взаимоотношений между двумя людьми"⁶.

Анализируя методологический план исходного состояния в концепции Ролса, Роберт Йоханн развивает идею о том, что рассмотрение индивида как некоего атомарного явления в конечном счете фактически исключает возможность теоретического выведения правового состояния реальных обществ. Положение меняется, если рассмотреть человека как единство его объектных и субъектных сторон.⁷ В последней и должна обнаружиться движущая сила общественного и правового прогресса. "Мы ищем

³ Rawls J. A Theory of Justice. Oxford, 1972, p.12.

⁴ Ibid.

⁵ Wolff R.P. Understanding Rawls. Princeton, 1977, p.20
p. 20. О содержательных проблемах исходного состояния см. также с. 122 и посл. а также: Prelman Ch. Justice Law and Argument. Dordrecht, Boston, L., 1980, p. 49 ff.

⁶ Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford, 1970, p.216.

⁷ Johann R.O. Rationality, Justice and Dominant Ends. - In: The Value of Justice. N.-Y., 1979, p.12.

... цель, которая имела бы нормативное значение для человеческих желаний. Это должно быть нечто такое, по отношению к чему различные человеческие желания, актуализация своей личностной потенции могут быть оценены как достойные или нет... Эта цель должна быть, следовательно, такой, которой человек подвержен в силу своей природы".⁸ Йоханн считает серьезной ошибкой Ролса мнение, что "личность первична по отношению к цели" ибо этим отрицается "всякая изначальная интенциональность, лежащая в основе всех человеческих деяний".⁹ Противопоставляя здесь свою позицию, Йоханн считает такого рода конечной целью "совместную жизнь" людей, основанную на познании того, что наша "жизнь есть совместное предприятие в совместном мире".¹⁰

Модель Ролса отвергается также в естественно-правовой теории Джона Финниса. Финнисом приводится следующий аргумент: "Общественная моральность и общественный порядок (даже лишь в смысле общего права) являются оба рассеянными общими благами, которые достаются всем и ничья доля в них не может быть определена. Следовательно, есть смысл говорить о них отдельно (т.е. не как о производных - И.Г.). Дело в том, что правами человека можно пользоваться лишь при определенных условиях, в контексте взаимного уважения, доверия, понимания..."¹¹

Третьей ведущей теорией естественного права может считаться концепция Роберта Нозика. Не выделяя специально некоего собственного понимания исходной аксиомы естественно-правовой концепции, Нозик заимствует ее в более-менее готовом виде из философии Локка и ставит сразу же вопрос: если исходное состояние как мысленная конструкция содержит в себе моменты, ведущие к конфликтам, то является ли необходимым следствием такого положения переход к государственной организации общества?¹² При этом следует иметь в виду, что само лишь наличие силы (сосредоточенной, например, в руках какой-

⁸ Ibid., p.14.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., p.19

¹¹ Ibid., p.20-21.

¹² N o z i c R. Anarchy, State and Utopia. N.-Y., 1974, p.11.

то группы) не является еще снятием внутренней конфликтности изначального состояния: "Система частной защиты, даже в случае, если одна защитительная институция является главенствующей на данной территории, мало походит на государство. Вполне очевидно, что она не предоставляет защиты каждому на своей территории, как это делает государство, и очевидно она не обладает (и не провозглашает) какой-либо монополией силы, необходимой для государства".¹³ Таким образом, Нозиком подразумевается аналогичный аргумент против позиции Ролса - система общественных отношений (в данном случае - государственных) не выводимо из элементарного взаимоотношения между индивидами, если даже допустить их неравенство на основе силы.

Таким образом естественное состояние в натуралистической концепции распадается на два элемента:

(1) взаимные отношения между абсолютно равными индивидами, сохраняющие свое значение и в более сложно организованных социальных системах (условно - номиналистический элемент);

(2) элементарные качества, ценности, не распадающиеся на качества индивидов и их отношений, а свойственные их объединениям как носителям этих качеств (условно - реалистический элемент).¹⁴

Далее мы сможем указать, что основную методологическую роль в построении натуралистических теорий естественного права играет "реалистический элемент" в гипотезе относительно естественного состояния. (Заметим, что критика Йоханна в адрес Ролса также была направлена на усиление "реалистического элемента" его теории. "Реалистическая" направленность в конструировании изначального естественного состояния обнаруживается кстати и эксплицитно в критических замечаниях сторонников теории естественного права в адрес позитивизма, основной порок которого нередко обнаруживается в его крайнем номинализме.¹⁵) В противоречие с тезисом об эквивалентной цен-

¹³ Ibid., p. 51.

¹⁴ Термины "номинализм" и "реализм" используются здесь в традиционно-философском смысле как они применяются для обозначения двух позиций в "споре об универсалиях".

¹⁵ См. напр. D o l a n J.V. Relocating Justice. - In: The Value of Justice, N.-Y., 1979, p. 86.

ности любых принципов справедливости при условии их выводимости из естественного состояния, Ролсом все же подразумевает возможность существования неправильного выбора, ведущего к несправедливости. Следовательно, выведение принципов реально существенных правовых систем предполагает переход на более содержательный (и "реалистический") уровень: на уровень нормативов, выражающих определенное этическое содержание и не выводимых из равенства людей в естественном состоянии.¹⁶

Вставая на критическую позицию относительно теории Ролса, пытающегося свести реальное общество к его базовым формам¹⁷, Финнис замечает, что реальная база правовых ценностей заключается не в их связи с некоей абстрактной теоретической конструкцией, а в практическом разуме. Противоречие сущего и должного, выявляемое Юмом, не есть истинное противоречие, ибо как одно, так и другое существуют в понятии блага, данного практическому разуму.¹⁸ Все основные ценности, заслуживающие правовой охраны (жизнь, знания, социальность и др.), выводимы из опыта, данного каждому индивиду.¹⁹ Весь этот опыт выражается в совокупном понимании членами общества их "общего блага"²⁰. Такое понимание составляет основу духа истинного закона, создающего условия и для формирования понимания блага каждым отдельным индивиду. Ratio права заключается тем самым в принципе: "Индивиды могут быть личностями, т.е. обладать достоинством, и быть "ответственными деятелями" лишь тогда, когда они не вынуждены жить во имя удобства кого-либо другого и им позволено и оказана помощь творить и утверждать себя в течение всей своей жизни. Это есть первичная ценность..., которую право стремится утвердить".²¹ Следовательно, первичная функция права заключается в обеспечении возможности индивиду конституировать себя как "личность".

Естественное состояние в "номиналистическом" смысле от-

¹⁶ См. Rawls J., op. cit., p.14-25, 60, 62.

¹⁷ Finnis J., op. cit., p.163.

¹⁸ Ibid., p.42.

¹⁹ Ibid., p.84,85.

²⁰ Ibid., p.275.

²¹ Ibid., p.272.

существует и в концепции Нозика. В качестве исходного "атомарного" положения Нозиком берется ситуация, где, строго говоря, государство уже существует. Полагая в качестве некоего минимального государства такую форму государственности, которая предполагается либеральной доктриной (государство, охраняющее личные свободы), в концепции вводится понятие "сверхминимального государства", функции которого являются еще более ограниченными и заключаются лишь в монополизации власти. Однако уже эта монополия, единственная в сверхминимальном государстве, влечет за собой дальнейшее неравенство, заключающееся в необходимом перераспределении благ в пользу организации монопольной власти.²² Нозик пишет: "Минимальное государство (либералов - И.Г.) есть наиболее пространное государство, которое может быть оправдано. Любое более пространное государство нарушает права людей"²³. Хотя перераспределение иных благ, не связанных с властью, является несправедливым (в силу нарушения принципа либерального равенства) эта несправедливость заложена уже в самой государственности, обеспечивающей лишь выборочную защиту отдельных прав. При этом, однако, существует определенный минимум свободы (или максимум ограничений), который сохраняется при любом перераспределении благ и не может быть нарушен во имя коллективных выгод. Наличие этого минимума основано на том, что общество не является лишь самостоятельным целым безотносительно к отдельным людям. И каждый его член - отдельно взятый индивид - представляет собой в некотором отношении изолированное целое и ценность в самом себе. "Существуют разделенные индивиды, каждый со своей собственной жизнью"²⁴. Следовательно, выигрыш на уровне общества до некоторой степени не совместим с проигрышем на уровне индивида. Реальный же процесс рождения государства сохраняет справедливость благодаря механизмам компенсации нарушаемых прав.²⁵ (Причем к этим правам, очевидно, не следует относить те, которые составляют либеральный минимум, гарантируемый во всех случаях). Таким образом, права государства основаны на правах, людей,

²² N o z i c k R. op. cit., p.25-28.

²³ Ibid., p.149.

²⁴ Ibid., p.34.

²⁵ Ibid., pp.114-115,119.

которые могут быть переданы обществу: "Права, которыми обладает государство, принадлежали уже каждому человеку в естественном состоянии".²⁶ Можно сказать, что "реалистический" элемент естественного состояния сводится в концепции Нозика на уровень индивида, обладающего определенными правами, которые через их отчуждение формируют государство и объективное право. Существенно в позиции Нозика то, что, в отличие от Ролса, механизм компенсации отчуждения прав, не носит договорного характера, а является лишь историческим фактором формирования государственности и надъиндивидуального объективного права как системы специальных норм. Человек как бы рождается с набором прав, часть из которых даны лишь для того, чтобы быть сразу же "отнятыми" в пользу общего блага. Люди не создают государство, а лишь платят частью своей свободы за сохранение и гарантии своей безопасности.²⁷ В отличие от "номиналистического" элемента естественного состояния, объективное право рождается не в процессе взаимодействия индивидуальных прав и путем их нарушения, а в ходе их постепенного и осторожного отчуждения (с сохранением либерального минимума) в пользу государства и общества.

Таким образом в методологическом плане одна из основных внутритеоретических проблем концепции естественного права выражается в соотношении гипотетического естественного состояния и реальных социальных государственно-правовых систем. Как в классической, так и в современной теории естественного права эта взаимосвязь распадается в теории на два составные элемента:

(1) выявление в существующих общественных системах моментов, свидетельствующих о наличии определенных элементарных правовых отношений и их экспликация;

(2) конструирование гипотетического изначального естественного состояния как основы и выведение из него реальных правовых отношений как модальности должного в реальных системах правовых отношений.

Очевидно, что с точки зрения методологии построения правовой теории большим значением обладает второй из указанных аспектов. Речь, в данном случае, идет о типе, характере выводимости в юридической теории из оснований, которые с точки зрения естественно-правовой концепции представляются аксио-

²⁶ Ibid., p.118.

²⁷ Ibid., p.26.

матическими. Обратим при этом внимание на то, что аксиоматическое построение юридической теории является по всей видимости, не признаком юридической теории вообще, а определенного ее типа. (Наряду с естественно-правовыми концепциями сюда может быть причислено, например, направление аналитического позитивизма).

Критика современных концепций естественного права может быть направлена, в принципе, на два момента:

- (1) содержание аксиомы естественного состояния;
- (2) процесс выведения теории из данной аксиомы.

Оба эти направления критики реально обнаруживаются и в современной литературе. Нередко эти два аспекта оказываются взаимосвязанными, ибо от содержания аксиомы исходного состояния до некоторой степени зависит и вариант выводимости всей остальной теории.

Первый аспект проблемы — содержание аксиомы естественного состояния, был предметом вышеприведенного анализа. Далее обратимся к некоторым моментам, связанным с собственно механизмом выведения теории из ее аксиоматической основы. Подводя итоги проделанного им анализа, Ролсом подчеркнут его рационалистический характер. Регулятивность права, отмечает Ролс, заложена именно в его рациональных основах, определяющих оптимальные модели поведения. Иррационализм же может привести практически к любым следствиям.²⁸ Собственно-методологический план аксиоматики в концепции Ролса интерпретируется Вольфом в следующих словах: "Его (т.е. Ролса — И.Г.) намерение заключалось в том, чтобы сконструировать договорное общество ... и затем при помощи одного квазиформального и содержательно пустого принципа доказать теорему рационального выбора на основе морального принципа, который обладает конструктивностью и согласуется с принятыми нами этическими взглядами..."²⁹ Здесь, таким образом, рациональность концепции приобретает двоякое значение — рациональность теории и рациональность людей, к которым эта теория относится. Провозглашение рационализма характерно и позиции Р. Нозика. Не следуя анализу концепции Нозика, проделанного Робертом Вольфом, обратим внимание на его вывод — вопреки намерениям Нозика создать единую теорию (правовой) справедливости, его конструкция в значительной степени лишена качеств теоретич-

²⁸ Rawls J. *op. cit.*, p.477-478.

²⁹ Wolff R.P. *Understanding ...*, p.16.

ности на основе критериев, выдвигаемых самим Нозиком. Может создаться впечатление, отмечает Вольтф, что положения концепции Нозика являются дедуктивными выводами из некоторых моральных предпосылок. Однако, строго говоря, все переходы от утверждения к утверждению являются здесь лишь интуитивными "Грубо говоря можно сказать, что его (т.е. Нозика - И.Г.) аргументы есть лишь рациональная (? - И.Г.) реконструкция либерального морального сознания".³⁰ И далее: "Задача Нозика - показать, что определенное государство при определенных обстоятельствах может быть оправдано, но его задачей не является его объяснение".³¹ Несмотря на доминирующую роль "реалистического" элемента в аксиоматике Нозика, выведение действительного состояния из естественного ему не удается. Вольтфом подмечен возникающий порочный круг: государство создает ситуацию, в которой возможно рациональное и корыстное хозяйствование и наоборот - рациональное хозяйствование (необходимость замены хозяйственной неуверенности хозяйственным риском) вызывает к жизни государство.³² В адрес теории Ролса Вольтфом высказывается критическое замечание, что вопреки стремлениям дедуктивного развития изначального состояния, "теоремы" Ролса лишь тавтологически сопоставляют предпосылки и выводы. Понятие практического разума (у Ролса на этом месте стоит "рациональный эгоизм") служит категорией, прикрывавшей любые варианты этикоправовых систем.³³

Интуитивно-субъективный характер является и характерным признаком теории Финниса. Выводя свой перечень основных ценностей, охраняемых правом, он открыто признается, что высказывает лишь свое личное мнение, тем не менее продолжая строить на этом мнении свою рационалистическую теорию³⁴. Критикуя этот момент в теории Финниса, Харрис отмечает отсутствие определенной философской и методологической основы его теории, а также более-менее четкой логики аргументации. Странным с точки зрения формулировка итогов доказательств в теоретичности является теория Финниса /типа: "... является

30 W o l f f R.P. Robert Nozick's Derivation of the Minimal State. - In: Reading Nozick. Oxford, 1981, p.80.

31 Ibid.

32 Ibid., p.86.

33 W o l f f R.P. Understanding..., p.183 ff.

34 F i n n i s J. Op. cit., p.92.

не так ли?"³⁵

Таким образом, уже в самой немарксистской критике современной концепции естественного права ей отказывается в рациональном характере построения ее теорий. Однако перед более точным определением ее методологической линии нам следует обратить внимание на критические отрезки этой концепции, направленные в основном в адрес юридического позитивизма. Следует различать два адреса естественно-правовой критики:

- (1) формальные конструкции современного правового позитивизма;
- (2) лежащие в их основе содержательно-этические принципы утилитаризма.

Первое направление критики сводится, в конечном счете, к утверждению о недостаточности формального и дескриптивного подхода к праву. При этом Джоном Финнисом обнаружено, что даже формальная критика доктрины естественного права со стороны позитивизма основана вопреки стремления к лингвистической точности на смещении принципиально различных уровней естественно-правовых рассуждений.³⁶

Представляется, что позиция Финниса может интерпретирована следующим образом. В зависимости от высказывающего, естественноправовые суждения распадаются реально на три уровня:

- S_1 - высказывания субъекта^x, подчиненного естественному праву;
- S_2 - констатация подчинения^x естественному праву посторонним субъектом;
- S_3 - констатация посторонним субъектом факта подчинения x нормам, которые x считает естественным правом.

Позитивистская критика в целом сводима к утверждению абсурдности взаимосвязи двух высказываний:

- P_1 - "есть некое авторитетное правило";
- P_2 - "оно служит (не служит) общему благу".

P_2 оказывается либо излишним, либо лишенным практического смысла. Это было бы верно в случае, если P_1 являлось бы высказыванием типа S_1 . Теория же естественного права исходит из того, что P_1 является высказыванием типа S_2 или S_3 , а P_2 - типа S_1 .

³⁵ H a r r i s J.W. Can You Believe in Natural Law? - The Modern Law Reviews, 1981, v.44, N 6, p.732-733.

³⁶ F i n n i s J. Op. cit., p.234-237.

В этом рассуждении можно выделить два существенных момента. Во-первых, переводение утверждения о наличии естественно-правовой нормы на констативный уровень высказываний может служить мостом сближения естественно-правовой и позитивистской (в частности – социологической) позиций, ибо последняя так же настаивает на изучении реальных социально-правовых фактов. И, во-вторых, обнаруживается и коренное различие в этих позициях, заключающееся в оценочном характере суждений естественно-правовой теории с позиций субъекта его норм.

Проделанный анализ некоторых положений современной теории естественного права позволяет обозначить определенные ее качества, представляющие методологический интерес. Вопреки традиционному пониманию юридического позитивизма и теории естественного права как абсолютно взаимоисключающих оппозиций, можно обнаружить и их некоторое сходство в понимании принципов построения теории права как таковой. А именно – обе концепции (при этом позитивизм в его аналитическом варианте) строят свои теории на некоторой аксиоматической основе, создавая теории на базе модели науки, напоминающей гипотетико-дедуктивную модель естественных наук. Различие же этих позиций заложено в самих принимаемых аксиомах: для аналитического позитивизма ею является постулируемая воля законодателя, для естественно-правовой концепции – некое изначальное естественное состояние человека или общества. За различием этих аксиом кроется и дальнейшее принципиальное расхождение двух позиций: если позитивистская аксиома ведет неизбежно к отождествлению права и закона, то теория естественного права приводит к их различению. А это, в свою очередь, ведет и к двум различным следствиям в соответствующих теориях – если для позитивизма право и закон (в социологическом позитивизме – функционирование закона) совпадают, то соответствующая им теория может нести списательно-объясняющий характер. Если же теория естественного права описывает некое изначальное состояние и выводимое из него право, то возникает вопрос о его соотношении с правом позитивным. В отличие от позитивистской, естественно-правовая теория не должна даже в идеале отражать лишь действующее право и реализующееся законодательство. Как раз на этом несоответствии произрастает нормативный характер естественного права, данного в соответствующей теории. Это может происходить при условии принятия дополнительной (теперь уже имплицитной) ак-

сиомы о приоритете естественного права перед позитивным. Следовательно, позитивное законодательство, даже выражая нормы естественного права (тем более: находясь с ним в противоречии) не является само по себе выражением последнего.

Таким образом, теория естественного права приобретает функцию, отсутствующую у позитивистской теории — функцию выражения норм естественного права. Если позитивистская теория есть метатекст над текстом позитивного закона, то теория естественного права объединяет в себе как собственно теорию естественного права, так и естественно-правовые нормы. Момент постоянного имплицитного взаимоперехода между объектным и метаязыком и является причиной нерационалистического элемента в рассмотренных теориях. Финским ученым А. Аарнио сделано крайне важное в данном контексте наблюдение: рационализм теории естественного права есть рационализм по отношению к целям права, но не к его применению. Последнее является вопросом знания и его интуитивного применения.³⁷

Для того, чтобы теория естественного права в своих указанных двух аспектах приобрела нормативное значение, современный ее вариант включает в свою аксиоматику дополнительно и элемент аксиологичности: выбор аксиом строится на эксплицитном понимании ценностей, которые, как полагается, соответствуют интуитивному пониманию на уровне обыденного знания.

Таким образом, различие концепций позитивизма и естественного права ведет к двум различным пониманиям методологической валидности юридической теории. Если аргументом для позитивизма является либо логическая стройность теории на основе принятых критериев логичности, и суждения теории выводятся друг за другом в соответствии с определенными, нередко имплицитными правилами (аналитический позитивизм), либо фактуальное соответствие юридической практики на основе принятого критерия вероятности (социологический позитивизм), то теория естественного права аргументируется самоочевидностью изначальных и выводимых положений, взаимосвязь между которыми может быть явно интуитивной. В отличие от позитивизма, развитие естественно-правовых положений происходит с учетом их содержания и не ограничено рамками формы, допускающей, однако, более строгие критерии теоретической стройности. Таким образом, "человечность" естественного права

³⁷ A a r n i o A. On Legal Reasoning. Turku, 1977, p.135.

связывается не только с уровнем аксиоматики, но и со всеми последующими этапами его построения. Представляется, что это составляет характерный элемент именно современной естественно-правовой доктрины. В отличие от классической теории естественного права, бравшей за изначальное состояние человечества нечто подверженное законам природного естества человека и его разума, современная концепция исходит из аксиомы наличия некой имманентной "человечности", самости субъекта, которая определяет все ее основные положения. При этом имеется ввиду отнюдь не "природность" человека, а некоторая аналогия построения правового знания о нем с моделью естественных наук.

Применив, таким образом, термин "натурализм" к современной концепции естественного права, я имел ввиду именно этот момент.³⁸ Это не означает, что для классической теории естественного права примера построения естественных наук не существовало. Наоборот, влияние естествознания на этикоюридические науки было весьма существенным и "Этика" Спинозы может служить этому примером. Между тем эта взаимосвязь носила более содержательную нагрузку, основываясь на природных аналогиях человека и общества. При этом развитие исходной аксиоматики завершалось во вдвойне должном - во-первых, в системе естественных норм, выведенных из суждений относительно природы как сущего и, во-вторых, рассмотрение таких норм в качестве должного по отношению к позитивному праву как сущему. Этот, с точки зрения классической логики формальный порок и был подмечен Кюмом и развит традицией позитивизма, стремившейся ограничить себя изучением лишь области сущего. Бполне понятно, что возрождаемая концепция естественного права не может не считаться с этой критикой, раскрывшей ряд действительных методологических ошибок классической естественно-правовой традиции. Однако в отличие от позитивизма, естественно-правовая доктрина ориентирована на отражение некоего должного права и должной модальности в со-

³⁸ Некоторая аналогия применения данного термина может быть обнаружена и в: Moore G.E. Principia Ethica. Cambridge, 1976, p.40.

циальных отношениях. Как следует из проделанного анализа, должное вводится в натуралистическую теорию естественного права аксиоматически в виде элемента, который был выше назван "реалистическим". При этом в аксиоматике сохраняется и момент сущего в виде "номиналистического" элемента, который, однако, не используется при построении теории. Существенно то, что аксиологический элемент, как модальность должного, принимается в аксиоме и развивается в теории с ссылкой на их обыденную и интуитивную очевидность. Таким образом, основное различие классической и возрожденной теории естественного права заключается в методологическом плане в том, что если первая стремилась вывести должное из аксиом сущего, то натуралистическая концепция, стремясь придерживаться некоторых моментов модели естественных наук, вводит в свою аксиоматику отдельно как сущее так и должное, что снижает возможность юмвской критики. Это, однако, дает основание рассматривать открыто иррационалистическую концепцию естественного права в одном русле с натурализмом. Вырисовывается цепь взаимосвязи теорий: (а) аналитический позитивизм постулирует абстрактную волю законодателя; (б) натуралистическая концепция естественного права создает более развитую аксиоматику, эксплицитно включающую элемент должного; (в) герменевтико-феноменологическое естественное право развивает элемент должного как иррациональное в самом человеке.³⁹

Таким образом, в более содержательном плане различие между классической и возрожденной натуралистической концепцией естественного права упирается в различие философских концепций человека, лежащих в их основе. Классическая теория естественного права исходила из понимания человека как разумного и рационально действующего существа, в современной же теории человек берется в качестве некой самостоятельной тотальности, включающей и элемент иррационального. В этой связи исследователь истории естественно-правовых доктрин Майкл Кроуе справедливо замечает: "Если в естественном праве видят поиск объективной или онтологической основы морали, существует опасность принять в качестве нее нечто первое попавшееся под руку - физическую природу человека или биологическую структуру определенных его действий и превратить в абсолют то, что является в значительной мере относитель-

³⁹ См., напр., И. Г р я з и н. Текст права. Таллин, 1983, с. 125 и посл.

ным⁴⁰. Ибо до сих пор реально не удавалось найти в человеке ни биологического, ни метафизического критерия валидности естественного права и вряд ли он может вообще быть найден в изменяющемся мире и человеке⁴¹. Сохраняется основной порок всей естественно-правовой доктрины - в ее основу берется изолированный абстрактный индивид (или совокупность индивидов), лишенный конкретно-исторических качеств и логики их развития. Вследствие этого соответствующие выводы оказываются, по существу, произвольными. В сопоставлении с эмпирическими фактами обнаруживается, что реальные правовые истины настолько различны, что выявленное через них некое общее основание является столь абстрактным, что начинает терять всякий разумный смысл, полагает Л. Фридман.⁴² Этот вывод оказывается неизбежным для немарксистской теории, не обнаруживающей действительных основ формирования права в реальных закономерностях исторического развития общества. Последовательное развитие такого понимания ведет к неизбежному методологическому выводу о необходимости постоянной сверки естественно-правовых положений с уровнем обыденного сознания. При этом, как отмечалось, логика развития исходных аксиом столь слаба, что не обеспечивает сама по себе никакой необходимой взаимосвязи предпосылок и выводов. В таком случае вполне естественно, что за внешними теоретическими конструкциями лежат лишь более или менее систематически выраженные идеи обыденного сознания.

40 Crowe M.B. The Changing Profile of Natural Law. The Hague, 1977, p.260.

БУРЖУАЗНЫЙ ОБЪЕКТИВИЗМ И ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

А.С. Уйбо

Разработка учения о социальной детерминации познания — одно из самых значительных достижений марксистской философии, открывшее совершенно новые горизонты в гносеологических исследованиях, в том числе и в методологии научного познания. В современных условиях диалектико-материалистический подход является наиболее адекватным средством анализа научного знания. Неспособность буржуазной философии решать методологические проблемы, возникающие в процессе развития науки, наглядно демонстрирует дискуссия по проблеме объективности исторического познания, продолжающаяся в западной литературе с 30-х годов XX века. При конструктивном решении возникающих здесь проблем автором применяется принцип, разработанный Я.К. Ребане¹.

Значительная часть буржуазных ученых (К.Беккер, Ч. Бирд, М. Уайт, У. Уолш, Р. Аткинсон и др.) заняла позиции исторического релятивизма, который отрицает познаваемость исторического прошлого на том основании, что в структуру исторического познания входит теоретический ("априорный") компонент (система ценностей, "точка зрения" и т.п.), объективность и истинность которого якобы принципиально не может быть установлена².

Существует и другое, на первый взгляд противоположное направление, которое получило название объективизма. В общем виде исторический объективизм обозначает такое направление буржуазной философии истории, представители которого решают

¹ См.: Уйбо А.С. Информационный подход к типологии исторических источников. — Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, 1982, вып. 599; Егуже. Информационный подход к проблеме объективности реконструкции исторического прошлого. — Философские науки, 1982, № 1.

² Критический анализ современного исторического релятивизма предпринят нами в специальной работе (см.: Уйбо А. Эволюция исторического релятивизма, — Изв. АН ЭССР, т. 31. Общественные науки, 1982, № 3).

проблему объективности исторического познания в пользу возможности получения объективной истины исторической наукой (другое дело, насколько это им удастся). Первое развернутое изложение позиций объективизма было дано в 1938 г. американским философом М. Мандельбаумом.

Критически анализируя взгляды Беккера, Кроче, Манхейма и других релятивистов, Мандельбаум выделяет две главные предпосылки исторического релятивизма: 1) обоснованность знаний должна истолковываться и оцениваться относительно условий, при которых оно было получено³; 2) ценностные факторы являются составной частью и определяют содержание исторического знания⁴. Мандельбаум пытается опровергнуть эти положения. Относительно первой предпосылки он хочет доказать, что истинность результатов познания не зависит от деятельности историка, относительно второй — производный, вторичный характер ценностных суждений. Всякое различие между исследованием фактов историком и интерпретацией этих фактов М. Мандельбаум объявляет ошибочным, поскольку сами факты по природе своей не отличаются от исторического повествования. "Каждое признанное историческое повествование есть цепь фактов, и если эти факты объективно установлены посредством исследования, то они не зависят от деятельности историка"⁵. Структура и последовательность любого исторического повествования — не продукт ценностных суждений, а определяется самими фактами. Сочетание высказываний зависит от причинных факторов, связывающих события, к которым относятся эти высказывания. Причинная же связь может быть объективно установлена в природе самих событий, чем и занимается историк⁶.

Таким образом, полемика с релятивизмом привела М. Мандельбаума к следующим выводам: 1) истинность высказываний о фактах есть их соответствие самим фактам. Структура исторического сочинения и логическая последовательность изложения определяются самими историческими событиями; 2) наличие высказываний о фактах и логическая организация исторического повествования не зависят от активности историка, от его точ-

³ M a n d e l b a u m M. The Problem of Historical Knowledge. An Answer to Relativism. N.Y., 1938, p.177.

⁴ Там же, с. 190.

⁵ Там же, с. 200.

⁶ Там же, с. 270—271.

кт зрения. Если первое положение в общем правильно, то уязвимость второго очевидна. Дело в том, что утверждение зависимости результатов познания от условий вовсе не является специфическим признаком релятивизма. Релятивизм начинается тогда, когда на этом основании делается вывод о недостижимости объективной истины в принципе. Поэтому для опровержения релятивизма вовсе нет необходимости отвергать социальную обусловленность познания.

Мандельбаум не смог противопоставить релятивистам ничего иного, как утверждения, что факты обладают своим собственным порядком и организацией, и что сам факт ведет к следующему факту независимо от "точки зрения" историка. Такое утверждение, однако, приводит к парадоксу: объективной оказывается любая история как последовательность фактов. Более того, как отметил К. Блейк, такая ситуация противоречит теории корреспонденции истины, которой придерживается М. Мандельбаум, так как теория корреспонденции требует однозначного соответствия между фактами и высказываниями о фактах⁷.

Неудовлетворительность "ответа релятивизму", данного М. Мандельбаум, а также развитие самого релятивизма (появление "перспективизма"), привели к новым попыткам этот релятивизм опровергнуть. Представляет интерес статья австралийского философа Дж. Пассмора "Объективность истории", увидевшая свет в 1958 г. Пассмор критически анализирует применяющиеся в буржуазной философии критерии объективности познания и показывает их непригодность не только для истории, но и для науки вообще. Какой же критерий объективности может быть применен к историческому познанию? Согласно Пассмору, этот критерий следующий: исследование объективно только если содержит метод для выбора между противоречащими гипотезами⁸.

Не соглашаясь с К. Поппером, который в "Открытом обществе и его врагах" отнес исторические гипотезы к классу гипотез что означало невозможность их проверки новыми фактами, Дж. Пассмор приводит такой пример: историк выдвигает гипотезу о причинах крестьянской войны, эта гипотеза, будучи правильной, вызывает пересмотр принятых взглядов на изменение количества населения после Великой чумы. Некий изо-

⁷ См.: В л а к е С. Can History Be Objective? - In: Theories of History. L. etc., 1959, p.339,340.

⁸ П а с с м о р е J. The Objectivity of History.- In: The Philosophy of History. Oxford, 1974, p.154.

оретательный исследователь открывает новый способ определения, что именно случилось с населением в те критические годы. Он может, например, наткнуться на упоминания о средневековой каменоломне, откуда камни использовались исключительно для надгробных памятников. Таким образом, гипотеза историка оказывается подтвержденной доказательствами, которых не было в распоряжении ее создателя. Поэтому самое большее, что может быть сказано против возможности достижения истины в истории — это то, что и н о г д а неизвестны способы выбора между противоречащими историческими гипотезами. Но эта трудность не является специфической для истории и не может свидетельствовать против ее объективности⁹.

Итак, основные выводы, к которым пришел Дж. Пассмор, следующие: заключение об объективности исторического познания зависит в первую очередь от применяемого критерия объективности. Если критерием объективности служит наличие правил и методов для решения проблем, то нельзя сомневаться в объективности истории. Если под наукой понимается попытка узнать, что в действительности произошло, то история — наука; если же наука определяется как построение всеобщих теорий, то история не наука. Однако в любом случае объективное (в указанном смысле) познание прошлого возможно.

Статья австралийского философа явилась шагом вперед в разработке проблемы объективности исторического познания и, по-видимому, оказала влияние на М. Манделльбаума. Однако, задумываясь над сутью полемики с релятивизмом, можно заметить, что аргументация Пассмора бьет мимо цели. В самом деле, релятивисты (по крайней мере, перспективисты) вовсе не утверждают, что не существует критериев для выбора между противоречащими историческими гипотезами. Такие критерии признаются, и на первом месте находится критерий соответствия исторических реконструкций историческим источникам, далее следует критерий когерентности и т.п. Гипотезы, допускающие проверку на исторических источниках, могут и должны быть верифицированы.

Релятивизм утверждает нечто иное: в структуре исторического знания существенную роль играет априорный компонент, не верифицируемый на материале исследуемых исторических источников. Иными словами, на базе одних и тех же источников могут быть построены противоречащие друг другу реконструк-

⁹ Там же, с. 154-155.

нии, если историки придерживаются противоположных "точек зрения" на природу социальной реальности. Отсюда и следует собственно релятивистский вывод: никаких объективных критериев выбора между альтернативными историческими реконструкциями не существует. И этот вывод не может быть опровергнут ссылками на критерий соответствия исторических реконструкций источникам, поскольку данное соответствие является необходимым, но не достаточным условием объективности.

В 1963 г. выходит книга по результатам симпозиума, в котором приняли участие видные западные философы и историки, и обсуждалась, среди прочих, проблема объективности исторического познания. Релятивистов представляли М. Уайт, Л. Гершой, объективистов - М. Мандельбаум, Э. Натгель и др. Конференция закончилась осуждением релятивизма, однако в теоретическом плане никаких новых доводов против релятивизма выдвинуто не было.

С особенно резкой критикой исторического релятивизма выступил американский философ-прагматист, известный антикоммунист С. Хук, который четко осознает негативные последствия, вытекающие из релятивизма, для буржуазной идеологии. Природа исторической объективности касается каждого из нас, утверждал Хук, поскольку изучение прошлого может оказаться исключительно полезным для предвидения будущих последствий предполагаемых действий. Вопрос исторической объективности - не только теоретический вопрос: "В той степени, в какой достоинство и честность в управлении человеческими делами опирается на веру в такую объективность, размышления о ней проникают в самую суть природы и возможности либеральной цивилизации"¹⁰.

Забаста С. Хука о судьбах "либеральной цивилизации" вполне понятна. Однако, несмотря на свое искреннее стремление доказать объективность буржуазной исторической науки, американский философ не смог предложить ничего нового в этом направлении. Критерий объективности, выдвинутый Хуком, все тот же - соответствие имеющимся свидетельствам. Основная линия критики релятивизма - показать, что история ничем в принципе не отличается от таких наук как геология, медицина и т.п., где никто не сомневается в объективности знания, и что ценностные установки одинаково действуют в истории и других

¹⁰ Но о к S. Objectivity and Reconstruction in History.- In: Philosophy and History: A symposium. N.Y., 1963, p.257.

науках^{II}. В целом позиция С. Хука более обоснована эмоционально, чем теоретически.

Итоги многолетней работы над проблемой объективности исторического познания изложены в книге М. Манделъбаума "Анатомия исторического знания" (1977), где, по сравнению с "Проблемой исторического познания", можно отметить более глубокое понимание сложного характера исследуемого предмета. Тем не менее теоретико-познавательная позиция, занимаемая Манделъбаумом - позиция созерцательного эмпиризма - не позволила ему преодолеть основных недостатков первой книги. Защита главного положения объективизма о том, что структура и последовательность исторического повествования целиком определяются историческими источниками, привела Манделъбаума, с одной стороны, к неоправданной детализации своего анализа, а с другой - к сдаче позиций перед релятивизмом.

Начиная анализ "анатомии" исторического познания, Манделъбаум разграничивает "общество" и "культуру". Общество состоит из индивидов; живущих в организованном сообществе на определенной территории, и социальных институтов; под культурой понимаются любые объекты, создаваемые и используемые индивидами, а также их навыки, убеждения и формы поведения; язык, технология, искусство, религия и т.п. На основе этого довольно-таки искусственного деления вводится разделение на "общую" и "специальные" истории, первая из которых изучает общество, вторые - культуру¹². Далее обе истории разделяются на "объясняющую", "последовательную" и "интерпретирующую". Опуская рассуждения Манделъбаума по поводу каждого из возможных вариантов исторического исследования, рассмотрим основные его выводы.

Во-первых, М. Манделъбаум признал, что объективность возможна в общих, но недостижима в "специальных" историях. Если в общих историях выбор фактов и периодизация определяются самим объектом, то в специальных историях они зависят от принципов, принятых историком: "Так как разные историки придерживаются разных взглядов, основанных на различных теориях или ценностных критериях, нельзя ожидать разрешения разногласий между альтернативными специальными историями, каждая из которых может быть превосходной, пока придержива-

II Там же, с. 259-261.

12 M a n d e l b a u m M. The Anatomy of Historical Knowledge. Baltimore, L., 1977, p.11,12.

ются ее точки зрения, но окажется неудовлетворительной в противном случае"¹³. Не правда ли, знакомое высказывание? И если убрать термин "специальные" — ничем не отличающееся от выводов любого релятивиста.

Сделав столь значительную уступку релятивизму, Мандельбаум должен спасти то, что еще остается — общую историю. Стратегия его по сравнению с "Проблемой исторического познания" не изменилась: история объективна, потому что высказывания историка основаны на свидетельствах прошлого и не зависят от активности субъекта познания. Наличие различающихся историй объясняется, во-первых, различиями в масштабе исследования; во-вторых, различиями в аспектах, привлекающих внимание историков. Все эти истории следует рассматривать как разные перспективы одного очень сложного объекта (общества), совместимые друг с другом и в своей совокупности образующие описание этого объекта с разных точек зрения. Основу исторической объективности образует то обстоятельство, что историк должен доказывать свои высказывания. Когда свидетельства собраны, то именно они придают структуру сочинению любого историка; и оцениваться исторические сочинения должны на основе свидетельств¹⁴.

Таким образом, сороколетняя работа М. Мандельбаума над проблемой объективности исторического познания завершилась, по сути, частным компромиссом с релятивизмом. В сущности, объективизм выражает одну бесспорную истину, а именно: история пишется на основе источников. Однако, как показывает развитие буржуазного объективизма, признания этой истины недостаточно для опровержения исторического релятивизма. В самом деле, результаты исследования зависят не только от выбора предмета и "масштаба", и от наличия исторических источников, но и от выбора средств исследования, и прежде всего — теоретических.

Беспомощность объективизма наглядно демонстрирует новая тенденция, проявляющаяся в последних работах: отказ от теоретического анализа структуры исторического познания. В известной мере она наличествует в статье Р. Мартина "История и субъективность", в которой критикуется релятивизм. Автор показывает, что релятивисты не доказали принципиальную невозможность познания прошлого. Это правильно, однако нужно было

¹³ Там же, с. 167.

¹⁴ Там же, с. 189—194.

бы обосновать объективный характер исторического познания. А.Р. Мартин возможность создания объективных исторических реконструкций отодвигает в неопределенное будущее¹⁵.

В книге американского историка О. Хэндлина состояние исторической науки на Западе описывается в мрачных тонах: история переживает кризис, всеобщее распространение получил релятивизм, современная эпоха враждебна исторической истине. Какой же выход предлагает Хэндлин? Идеалом объективного историка оказываются средневековые монахи, которые в монастырских убежищах сумели сохранить в хрониках правду о событиях своего времени¹⁶. Иными словами, моделью объективной истории для Хэндлина служит простая фиксация фактов, без теоретического осмысления событий, выводов, обобщений....

Наконец, А. Кузьмински прямо заявляет, что история как дисциплина страдает не от отсутствия теории, а от того, что слишком много занимаются теорией исторического познания¹⁷. И чтобы доказать ненужность и вредность такой теории, строит свою собственную ... теорию. Кузьмински выделяет два подхода к проблеме объективности исторического познания: "иронизм" и "реализм". К "ироникам" относятся фактически все историки и философы, так или иначе признающие необходимость теории для построения исторических реконструкций. К "реалистам" автор относит всех тех, кто уверен в том, что исторические сочинения верифицируются просто на основе исторических свидетельств, причем эта уверенность "основана не на какой-нибудь теории доказательств, или верификации (фальсификации), а на их ("реалистов" - А.У.) знании простой, непосредственной, нетеоретической силы свидетельств давать показания"¹⁸.

Обоснование ненужности какой бы то ни было теории исторического познания у А. Кузьминского не отличается особой изощренностью. Сущность этого обоснования сводится к следующему. "Реалисты" утверждают, что истинность исторического описания основана исключительно на исторических свидетельствах. "Ироники" же придерживаются убеждения, что структура исторического знания включает некоторые априорные, т.е. теор-

¹⁵ См.: Martin R. History and Subjectivity. - Ratio, Oxford, 1979, vol.21, N 1, p.59,60.

¹⁶ Handlin O. Truth in History. L.etc., 1979, p.414, 415.

¹⁷ Кузьмински А. Defecting Historical Realism. - History and Theory, 1979, vol.18, N 3, p.349.

¹⁸ Там же, с. 317.

ретические положения, на основе которых осуществляется отбор данных исторических источников и организация исторического повествования. Кузьмински считает, что точка зрения "реалистов" не нуждается в доказательстве, т.к. она основана на "простом и непосредственном" знании. Но тем самым тезис о наличии "простого, непосредственного" знания превращается в некое априорное положение, против которых выступает реализм. Поэтому характеристика реализма как "прямого и непосредственного описания прошлых событий"¹⁹ внутренне противоречива. Призыв Адриана Кузьминского к "чистому" описанию событий, к отказу от теоретического анализа исторического познания и отрицание всяких критериев объективности исторического познания, кроме ссылки на использованные свидетельства, является попыткой вернуть утраченную невинность исторической науки и, конечно же, неосуществим.

В то же время эта попытка весьма показательна. Позиция Кузьминского является логическим результатом развития буржуазного объективизма и свидетельствует о том, что все старания объективистов доказать объективность исторического познания успехом не увенчались. Поэтому не остается ничего иного, как принять основное положение объективизма — что структура и истинность исторических реконструкций зависят исключительно от исторических источников — без доказательств, и отказаться от дальнейшего исследования проблемы объективности исторического познания.

Итак, "чистое" описание как идеал объективной истории — таков неутешительный итог развития буржуазного исторического объективизма, итог, подтверждающий несостоятельность его исходных философских предпосылок. Объективизм базируется на теории познания созерцательного эмпиризма, который рассматривал познавательный процесс как пассивное отражение объекта воспринимающим субъектом. Подход к познанию как механическому стражению спределил и решение проблемы объективности познания: объективным является знание, не искаженное деятельностью субъекта. Источник истинного знания — чувственный опыт; источник заблуждений — деятельность разума, т.е. активность субъекта.

История философии и науки показала, что придание статуса объективности только данным непосредственного опыта приводит к неразрешимым противоречиям. Во-первых, при данном подходе оказалось невозможным объяснить генезис и содержание наибо-

¹⁹ Там же, с. 343.

лее общих понятий и категорий; во-вторых, объяснить историческое развитие научного знания. Наконец, принцип объективности только чувственно данного невозможно реализовать именно потому, что факт причинения ощущений объективной реальностью ни из каких наблюдений, ощущений или индивидуального опыта не следует. Все эти трудности и привели к трансформации эмпиризма в агностицизм и субъективный идеализм. Эту же тенденцию демонстрирует дискуссия по проблеме объективности исторического познания в буржуазной философии истории. Непригодность эмпиристской концепции "чистого опыта" для обоснования объективности результатов познавательного процесса привела, с одной стороны, к появлению исторического релятивизма, с другой — к сдаче позиций объективизмом, который фактически отказывается от исследования теоретических компонентов исторического знания. Это лишний раз подтверждает известный вывод о том, что единственно верным методом и единственно верной философией современной науки является диалектический материализм.²⁰

Общее решение проблемы объективности познания в марксистской философии хорошо известно: объективность человеческого познания неразрывно связана с практикой и, следовательно, возрастает в ходе исторического развития человечества. Практика есть источник, цель и критерий всякого познания. "Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления".²¹ Задача, таким образом, состоит в том, чтобы реализовать это фундаментальное положение для исторической науки, где проблема объективности стоит особенно остро в силу воздействия социально-политических факторов, а процесс верификации особенно сложен вследствие специфики способа познания.

Другими словами, нужно показать, что, несмотря на имеющуюся специфику, в исторической науке применимы общенаучные критерии объективности, и что результаты исторического познания так же объективны, как результаты любого другого научного познания. Для решения этой задачи автор применял информационный подход, базирующийся на принципе социальной па-

²⁰ См.: Д е н и я В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 332.

²¹ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

мнати, разработанном Я.К. Ребане²². Концепция социальной памяти позволяет рассматривать любой познавательный процесс в аспекте получения, обработки и трансляции информации общественным субъектом. При этом необходимо различать: "1) социально-культурные средства, с помощью которых передается информация; 2) значимую информацию, т.е. смысловой, познавательное содержание, которое передается с их помощью. Первая сторона выступает в таком случае в качестве носителя социальной памяти, вторая составляет ее содержание. Различение этих сторон связано с общим различием информации как передаваемой структурной упорядоченности и информации как содержания человеческой психики и сознания"²³.

Выделим два этапа исторической реконструкции: 1) сбор и обработка структурной информации; 2) синтез из полученных данных некоторого отображения исторической реальности, т.е. получение семантической информации о прошлом. Объекты, используемые на первом этапе, носят название исторических источников. Как показывает анализ, исторический источник есть не что иное, как объект-носитель информации, т.е. историческим источником может быть любой объект, несущий информацию о прошлом человечества. Типология исторических источников, в основе которой лежит принцип социальной памяти, выглядит следующим образом: 1) языковые: письменные, устные и прочие знаковые источники; 2) вещественные: орудия и продукты труда, все те вещи, которые возникли или изменились в процессе деятельности и жизнедеятельности человека (вещь понимается в широком смысле - это антропогенный ландшафт; автомобиль, консервная банка, скелет и т.д.); 3) поведенческие: социальные отношения в широком смысле и все то, что зафиксировано в типах социально-культурного поведения - особенности бытовой культуры, обряды, обычаи и т.п.²⁴

²² См.: Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5; Егуже. Некоторые проблемы комплексного изучения социальной детерминации познания. - В кн.: Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979; Егуже. Социально-историческая детерминация развития научного познания. - В кн.: Материалистическая диалектика как общая теория развития. Диалектика развития научного знания. М., 1982; и др.

²³ Ребане Я.К. Принцип социальной памяти, с. 100.

²⁴ Подробнее см.: Уйбо А.С. Информационный подход к типологии исторических источников. - Учен. зап. Тартуский гос. ун-т, 1982, вып. 599.

На первом этапе исторической реконструкции происходит декодирование структурной информации, которая "переводится" на естественный или формализованный язык. при этом используются технические средства познания, методы источниковедческого анализа, данные лингвистики и т.п. Результатом первого этапа является множество высказываний, описывающих структуру некоторого множества объектов, существующих в настоящем, например: этрусская надпись на глиняном сосуде из Фалерий (VII в. до н.э.) гласит "Пей, дабы ты не знал горя". Сущность первого этапа исторической реконструкции сводится к следующему: с помощью технических средств познания декодируется вся доступная структурная информация, заключенная в исторических источниках, существующих здесь и теперь. Тем самым первый этап принципиально не отличается от исследовательских процедур наблюдения в других науках (хотя возможность эксперимента, обращенного в исследуемое прошлое, отсутствует), а проверка высказываний, относящихся к историческим источникам, никаких специальных затруднений не вызывает и осуществляется общенаучными методами.

На втором этапе реконструкции осуществляется целенаправленная, специально ориентированная на задачи данного исторического исследования семантическая интерпретация данных, полученных в ходе первого этапа, т.е. им придается смысл и значение в соответствии с имеющимися представлениями о строении исторической реальности. Иными словами, происходит синтез этих данных со всем наличным знанием, в ходе которого используются научные положения, полученные другими историческими науками, социологией, психологией, географией, естественными науками и т.д. Решающую роль при этом играют концептуальные средства познания.

Таким средством является прежде всего общее представление о строении исторической реальности, образующее "априорный" компонент исторического знания. Этот компонент ("точка зрения историка", "внеисточниковое знание", "модель реальности" и т.д.) действительно оказывает влияние на отбор и организацию материала в историческом исследовании, определяет значение, придаваемое эмпирическим данным. Например, по христианской "теории" человек был создан в готовом виде в 4004 г. до рождения Христа поэтому никаких переходных форм быть не могло. Соответственно все исторические источники, свидетельствовавшие о более древнем эволюционном происхождении человека, вплоть до середины 19 в. получали совершенно

иную интерпретацию, а все попытки открыть древнего человека яростно отвергались официальной наукой (характерно, что работы Буше де Перта, открывшего палеолит, так и не получили полного признания при его жизни). Коротко говоря, благодаря этому теоретическому компоненту на базе одних и тех же исторических источников действительно могут быть построены различающиеся (и даже альтернативные) описания исторического прошлого. Это обстоятельство, как мы видели, и стало непреодолимым препятствием для буржуазного объективизма.

Для обозначения "априорного" компонента исторического знания представляется целесообразным использовать понятие теоретической схемы, разработанное в методологии естествознания.²⁵ Теоретическая схема в истории – это система абстрактных объектов, характеризующих наиболее существенные свойства изучаемой реальности – социальной системы. Высказывания теоретической схемы описывают основные элементы этой системы, их корреляцию, а также процесс развития в самых общих чертах. Поскольку общество изучается целым рядом наук, теоретическая схема является общей для них всех. На базе общей теоретической схемы создаются специальные теоретические схемы отдельных общественных наук.

При помощи теоретической схемы осуществляется и преобразование структурной информации, полученной из исторических источников, в семантическую, т.е. интерпретация и объяснение полученных данных. Влияние, оказываемое теоретическим компонентом на результаты исторической реконструкции, вовсе не является негативным, и его нельзя элиминировать, как этого хотелось бы объективистам. Будучи формой раскрытия сущности, теория в историческом познании выполняет важные методологические функции и сама является отражением и обобщением достигнутого уровня развития практики и научного познания.

В деле можно отметить, что в истории, как и в других науках, связь между теоретической схемой и конкретными исследованиями носит диалектический характер: теоретические схемы, выступая в качестве заранее заданного условия любого конкретного исследования, могут быть опровергнуты, уточнены или обоснованы в ходе дальнейших исследований. Хотя отдельное исследование не может полностью ни подтвердить, ни опровергнуть истинность теоретической схемы в силу предельно абстрактного характера последней, длительное применение опре-

²⁵ См.: Степин В.С. Становление научной теории. Минск, 1976.

деленной теоретической схемы в различных областях общественно-знания в конечном счете приводит к ее верификации или опровержению. Важным критерием при этом является способность теоретической схемы усваивать информацию объектов-носителей: массовое появление фактов, не укладывающихся в эту схему, является сигналом о необходимости замены или уточнения последней. В общем виде проверяемость теоретических схем общественнознания сомнений не вызывает: социально-политическая, научная и (опосредствованно) производственная практика в своей совокупности образуют тот главный критерий, на котором проверяются объективность и истинность теоретических конструкций.

Как показывает компонентный анализ структуры исторической реконструкции, ее объективность зависит от двух условий: 1) соответствия фактов историческим источникам; 2) соответствия теоретической схемы, на базе которой осуществляется реконструкция, объективным характеристикам самой исторической реальности. Оба условия диалектически взаимосвязаны — несоблюдение любого из них приводит к тем или иным искажениям исторической истины, и ни одно из них в отдельности не обеспечивает объективности исторической реконструкции. Поэтому буржуазный объективизм, сводящий объективность к выполнению только первого условия, принципиально не способен решить проблему объективности исторического познания. Не отрицание зависимости результатов исторического познания от используемых средств познания, а диалектический анализ роли этих средств — таков современный способ решения обсуждаемой проблемы, указываемый марксистско-ленинской философией, ее учением о социальной детерминации познания. Совершенствованные технические и концептуальные средства познания при помощи которых извлекается и обрабатывается информация — вот главный путь развития исторического познания, повышающий объективность его результатов. Точность и совершенство средств познания зависят от уровня развития практики, который, таким образом, в конечном счете определяет и уровень объективности исторического знания.

Существенное влияние, оказываемое теоретическим компонентом на результаты исторического познания, определяет и важную роль принципа партийности в исторической науке. Объективно любая социальная теория служит интересам тех или иных классов и социальных групп, поэтому при ее оценке необходимо прежде всего установить, каковы эти интересы. И здесь

оказывается, что классовый интерес может как совпадать, так и не совпадать с требованием объективного исследования механизмов общественного развития. Принцип партийности, согласно которому необходимо "... при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы"²⁶, и означает, что нужно разделять точку зрения той общественной группы, которая в данный конкретный период заинтересована в объективном познании законов общественного развития.

Революционным классом современности, стремящимся к преобразованию мира, является пролетариат, классовые интересы которого совпадают с исторической тенденцией общественного развития и который поэтому заинтересован в объективном познании общества. Марксистско-ленинская философия в ее творческом развитии является той единственной методологической основой, на которой возможно объективно-истинное познание явлений социальной реальности: "Подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие..."²⁷.

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 419.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. I, с. 423.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н.П. Ващекин, Н.М. Дмитренко

Проблема взаимосвязи научной информации и социальной деятельности представляет собой одну из важнейших проблем, значение которой возрастает прямо пропорционально усилению дифференциации и интеграции знания в современном обществе. Об этом свидетельствует как реальное функционирование информации в обществе, так и многочисленные исследования, в которых прямо или косвенно об этом идет речь.¹ Однако совершенно очевидно, что эта проблема является составной частью более широкого вопроса, а именно: вопроса о взаимосвязи информации с различными видами деятельности вообще, которые существуют в обществе.

Понятие "деятельность" выражает качественно высшую активность, которая характеризует управляемую человеческим сознанием целенаправленность, присущую лишь обществу, его отдельным слоям, группам и индивидам. Другими словами высшая форма активности, характеризующая сознательной целенаправленностью, присущая лишь человеку и человеческим коллективам. Выделяя понятие "социальная деятельность" для решения проблемы затронутой в настоящей статье, необходимо иметь четкое представление о взаимосвязи всеобщей и специфической сторон сущности общества. По ходу изложения мы будем использовать выводы из этой идеи, не останавливаясь на ее обосновании, поскольку оно уже отражено в ряде опубликованных работ.²

¹ См., напр.: Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Социальная информация. - Вопросы философии, 1974, № 10; Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8; Казанцева К.В., Урсул А.Д. Научно-информационная деятельность: структура, статус и особенности. - Международный форум по информации и документации, 1977, т. 2, № 3; Семенов Э.П. Современный этап познания мира и наука об информации. - Междунар. форум по инф. и док., 1982, т. 7, № 3; Колесов А.Т. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984; Щербицкий Г.И. Информация и познавательные потребности. Минск, 1983 и др.

² См.: напр., Дмитренко Н.М. О всеобщности законов диалектики. Брянск, 1967; Диалектика и частные науки. Ленинград-Брянск, 1972.

Какова взаимосвязь между научной информацией и социальной деятельностью людей? Научная информация может быть охарактеризована как та часть знания, которая адекватно (для данного этапа исторического развития) отражает познаваемый объект и включена в социальную деятельность. Ведь знание может быть не вполне адекватным, мало адекватным, предварительным и т.д. Познаваемым же объектом, или объектом отражения, для научной информации является как общество, так и окружающая его действительность в той мере, в какой она доступна человеческому познанию в данный отрезок времени. В свою очередь этот объект, будучи принципиально бесконечным, представлен множеством конечных объектов, которые находятся во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом. Ясно, что и сама социальная деятельность выступает в качестве одного из объектов отражения для науки.

Социальная деятельность может быть как материально-практической, так и духовной. Практическая социальная деятельность непосредственно направлена на воспроизводства материальной общественной жизни людей. Духовной же является такая социальная деятельность, которая прямо или косвенно представляет собой отражение общественной жизни людей. Непосредственным результатом практической социальной деятельности являются произведенные материальные общественные блага, изменения материальных общественных отношений. Практическая социальная деятельность воздействует не только на базис, но и на все этажи надстройки, включая общественное сознание. Непосредственным же результатом духовной социальной деятельности является получение знаний об общественной жизни людей. Подчеркнем, речь идет о непосредственной направленно-сти указанных видов деятельности и не больше. Однако, кроме непосредственной есть еще и опосредованная ее направленность. Ведь материально-практическая социальная деятельность порождает и духовную социальную деятельность, равно как и ее результаты. В свою очередь духовная деятельность не просто отражает общественную жизнь и практическую деятельность, но одним из своих аспектов изменяет ее, в определенной мере (но отнюдь не целиком) превращается в нее. Как видно, объективная грань между практической и духовной социальной деятельностью людей весьма подвижна. Преувеличение этой подвижности является гносеологической причиной заблуждения, когда те или иные авторы объявляют духовную социальную деятельность одной из форм практики.

Далее, практическая социальная деятельность и духовная социальность обеспечивают функционирование социальной жизни общества, являются двумя противоположными и взаимопроникающими ее сторонами, причем первая из них лежит в основе второй. Но человек, будучи общественным существом, никогда не перестанет быть высокоразвитым биологическим существом. Более того, его существование включает не только биологические, но и вообще все иные естественные проявления его жизнедеятельности. Значит, практическая деятельность общества включает, кроме собственно социальной, еще и естественную практическую деятельность людей, которая в человеческом обществе тоже социально обусловлена. То же относится и к духовной деятельности. И. Павлов не случайно подчеркивал, что наша духовная деятельность наряду с другими функциями выполняет еще и функцию тончайшего приспособления к окружающей среде, уравнивая организм с этой средой.³

Из сказанного ясно, что научная информация отражает два качественно различных объекта: 1) практическую социальную деятельность и 2) естественное ее основание. Такое качественное различие между объектами отражения не может не сказаться и на самой информации, действительной ценности ее различных форм для решения тех или иных задач, которые стоят перед человечеством.

В.И. Ленин подчеркивал, что "основная посылка материализма есть признание внешнего мира, существования вещей вне нашего сознания и независимо от него"⁴. Это положение целиком сохраняет силу и для анализа объектов научной информации, а также для использования информации с целью преобразования объектов отражения в соответствии с потребностями общества.

Очевидно, научная информация включается в духовную жизнь общества, является ее составным компонентом, но не исчерпывает ее целиком. Будучи адекватным отражением, научная информация занимает определяющее положение в духовной жизни общества.⁵ Различные ее аспекты отнюдь не равнозначны, между

³ См.: Павлов И.П. Полн. собр. соч., т. -Л., 1951, т. III, кн. 2, с. 320-349.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I8, с. 81.

⁵ Основными характеристиками научной информации являются ее объективность, а также возможность ее проверки другими исследователями. (См. об этом Ребане Я.К. Социальноисторическая детерминация развития научного зна-

ними существует определенная объективная субординация. В реальном функционировании научной информации в обществе мировоззренческий ее аспект сливается в неразрывное целое с такими ее аспектами, как социальной-прикладной, ценностный и прогностический. И это не случайно. Ибо диалектико-материалистическое мировоззрение представляет собой научное знание о мире, направленное на познание назначения человечества в этом мире. Обратим внимание, не просто знание о мире в целом, оторванное от практических задач человечества. Такое знание превратилось бы в безжизненную схему. Мировоззрение становится по-настоящему научным лишь при том условии, что в нем знание о мире в целом подчинено решению вполне определенной практической задачи, а именно-выяснению назначения человечества, его высших устремлений, идеалов. Именно поэтому оно содержит в себе в снятом виде не только философские знания, но и объективно-истинные знания, которыми располагает наука в целом.

Не менее важные аспекты взаимосвязи научной информации и социальной деятельности обнаруживаются при сопоставлении их с бытием и сознанием общества. Практическая социальная деятельность людей составляет бытие общества.

Возникновение исторического материализма повлекло за собой устранение одного такого крупного недостатка домарксовских воззрений на общество, как натурализм. Классики марксизма-ленинизма, отдавая должное естественным факторам, которые воздействуют на общество, и естественной стороне практической деятельности людей, указали в то же время на решающее значение практической социальной деятельности людей. И не просто указали, но доказали, что она составляет основу их общественного бытия, является ведущей по отношению к их практической естественной деятельности. Как показал К. Маркс в "Капитале", практическая деятельность людей, направленная на удовлетворение их естественных потребностей, при любом общественном строе опосредована их общественными отношениями друг к другу.⁶ Хотя в данном случае мы употребляем понятие "общественные отношения" в значении, близком к понятию "социальная деятельность", это не означает, что эти понятия являются тождественными. Здесь важно лишь подчеркнуть, что

ния. - В кн.: Диалектика как общая теория развития/Под ред. Л.Р. Ильичева. М., 1982, с. 51-77.

⁶ См.: напр., Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23, с. 188-209.

практическая социальная деятельность людей составляет именно основу общественного бытия.

Другую сторону общественного бытия общества, отличную от первой, составляет практическая естественная деятельность людей. В марксистско-ленинскую философию еще не вошло особое понятие для обозначения данной стороны общества. Для этой цели можно было бы использовать понятие "бытие вообще", которое употребляет В.И. Ленин и которое уже получило право гражданства в литературе. По своему содержанию понятие бытия вообще в данном случае означало бы и естественное бытие людей.

Как было сказано, сознание общества представляет собой отражение бытия общества, включая его природные условия. Что касается научной информации, то в ней находит свое выражение не только бытие общества, но и вся та действительность, в которой живет общество на каждом этапе своего развития. Ибо люди являются прежде всего существами практическими, поэтому они смотрят на окружающий мир главным образом через призму своих практических отношений друг к другу и к обществу в целом. Это означает, что для человечества научную ценность представляют не какие угодно, а прежде всего те знания, включая знания о макрокосмосе и макромире, которые имеют для него практическое прикладное значение, ведущие к совершенствованию его бытия. Получение научной информации определяется, как это видно, практическими потребностями общества, прогрессивными тенденциями его развития. Это становится особенно ясным с уничтожением эксплуататорского строя и победой социализма. Будучи отражением бытия общества, научная информация пронизывает сознание общества, занимает в нем определяющее положение, но не исчерпывает его целиком. Ведь сознание общества включает не только научные знания, но и другие виды знания, зафиксированные в таких формах общественного сознания, как мораль, правосознание, искусство, религия и др. Сознание общества включает и искаженное отражение бытия общества, примером чего может служить религия.

Однако это не все. Научная информация, как это уже ясно, имеет дело с двумя качественно различными объектами отражения: общественным бытием и бытием вообще (включающим всю окружающую общество природную среду). Отсюда вытекает, что по

⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с.345-347.

своему содержанию и структуре научная информация включает качественно различные знания: одни из них выступают отражением общественного бытия, другие отражением бытия вообще. Одинаковую ли ценность для человечества представляют эти знания? Здесь вырисовывается один весьма важный аспект структуры научной информации. Та ее часть или сторона, которая отражает общественное бытие, имеет для человечества наибольшую ценность, играет определенную роль по отношению к другой ее части, которая отражает бытие вообще и окружающую общество действительность.

С появлением человечества общественное бытие выступает ведущей стороной его истории. При этом определяющая роль общественного бытия по отношению к бытию вообще возрастает по мере общественно-исторического прогресса. При этом проявляется основная тенденция в соотношении общественного бытия и бытия вообще (например, в условиях широких экологических кризисов). Конечно, она не является единственной. Нередки случаи, когда в силу каких-либо обстоятельств бытие вообще может получить определяющее значение по отношению к общественному бытию на какой-то промежуток времени. Но анализ таких ситуаций увел бы нас в сторону. Для нас представляет важность еще раз подчеркнуть определяющее положение научной информации, которая отражает общественное бытие людей, по отношению к научной информации, отражающей бытие вообще.

Сказанное о структуре научной информации выдвигает задачу адекватного отражения этой структуры в соответствующих понятиях. В связи с этим научную информацию, которая отражает общественное бытие можно было бы назвать научной социальной информацией или научной общественной информацией. Обратим внимание: научная информация называется в таком случае социальной (или общественной) не в силу своей принадлежности обществу (ибо ясно, что без общества нет никакой научной информации), а потому что основным объектом отражения для нее является общественное бытие. Между тем в литературе научную информацию нередко называют социальной потому, что она принадлежит обществу.

В соответствии со сказанным становится более ясным и смысл понятия "общественное сознание", которое как и понятие "общественное бытие" ввели в оборот классики марксизма-ленинизма. Сознание является в данном случае общественным не только в силу своей принадлежности обществу, а прежде всего потому, что оно отражает общественное бытие людей (а не ка-

кое-то иное). По своему содержанию "общественное сознание" не совпадает с понятием "научная социальная информация", так как оно включает в себя не только объективно-истинные элементы знаний, которые отражают практическую социальную деятельность людей, но и элементы заблуждений, которые порождаются сложностью практических социальных отношений между людьми, включая религию. В этом смысл положения, которое неоднократно анализировал В.И. Ленин: общественное сознание есть отражение общественного бытия⁸.

Однако для успешного преобразования общественной жизни оказываются пригодными не любые знания, которыми люди располагают о своем общественном бытии, а лишь такие, которые являются научными, т.е. объективно-истинными. Так, новая теория социалистической революции, созданная В.И. Лениным⁹, явилась адекватным отражением основной тенденции мировой истории в период империализма. Без овладения подобными адекватными знаниями ни одно революционное движение не может иметь успеха. Значит, понятие общественного сознания еще не указывает на отличие адекватных знаний от других элементов знаний об общественном бытии людей. Поэтому понятие "научная социальная информация" можно рассматривать как один из возможных вариантов дальнейшего анализа понятия "общественное сознание". Для марксистов-ленинцев научная социальная информация выступает в качестве такого ядра, вокруг которого концентрируются иные элементы, входящие в общественное сознание.

Сказанное позволяет выделить еще один новый аспект в трактовке исходных положений исторического материализма: общественное сознание нельзя отождествлять целиком с сознанием общества. Понятие "общественное сознание" и "сознание общества" — это различные понятия. Между тем в литературе первое нередко сводится ко второму, что может привести к путанице. Сознание общества включает кроме собственно общественного сознания еще и такие черты сознания вообще, которые занимают подчиненное положение по отношению к общественному сознанию. Хорошо известно, что В.И. Ленин проводил строгое различие между сознанием вообще и общественным сознанием, подчеркивал что "сознание вообще вообще отражает бытие..."¹⁰, а "обще-

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 342-351.

⁹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354; т. 30, с. 133.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.

ственное сознание отражает общественное бытие..."¹¹. Таким образом, сознание общества представляет собой неразрывное единство двух взаимопроникающих сторон: сознания вообще и общественного сознания, причем последнее выступает в качестве определяющего по отношению к первому.

Научная социальная информация является многогранной. Эта многогранность может быть выражена в различных формах и структурных делениях. Основаниями для выделения этих форм, структур и функций должны быть требования, которые вытекают из задач анализа общества. Например, во временном разрезе можно выделить три формы научной социальной информации: о прошлом и настоящем человечества и о его будущем. Такая классификация ее форм вытекает из общего хода человеческой истории: от прошлого, через настоящее, к будущему. Для обозначения первой из этих форм, а также для обозначения средств и способов получения последующих форм вполне подходит понятие "социальной памяти", которое обосновывает Я.К. Ребане¹². Ведь социальная память в трактовке Я.К. Ребане включает в себя не только накопленные знания, но и материальные средства их фиксации (эти средства относятся к сфере общественного бытия и функционируют на основе практической социальной деятельности). Кроме того, к содержанию социальной памяти относятся и логическая структура мышления, и ценностные установки-ориентации, на основе которых имеющиеся знания могут быть преобразованы в новые. В то же время для обозначения второй формы, кажутся, подходящими понятия "социальное знание о будущем" и "социальное прогнозирование", которыми пользуются В.Г. Афанасьев и А.Д. Урсул¹³. При этом надо иметь в виду, что при таком различии речь идет о научной социальной памяти, о научном социальном познании настоящего и научном социальном прогнозировании. Безусловно, упомянутые формы теснейшим образом взаимосвязаны, вытекают одна из другой, переплетаются между собой, но имеют тем не менее относительно самостоятельное значение. Практический смысл выделения этих форм научной социальной информации определяется тем, что лишь опираясь на прошлое, человечество может понять свое

¹¹ Денин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.

¹² См.: Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8.

¹³ См.: Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Социальная информация (Некоторые методологические аспекты) Вопросы философии, 1974, № 10.

настоящее, а учитывая то и другое, оно может с уверенностью заглянуть в будущее.

Приведенная классификация раскрывает структуру научной информации как бы "по горизонтали". Чем же определяется структура научной социальной информации "по вертикали"? Очевидно, структурой сущности самого объекта ее отражения. Иными словами, путь к решению сформулированного вопроса лежит через уяснение сущности общества. Общество представляет собой высоко развитую материальную систему различных форм совместной жизни людей. В каждом акте деятельности общества, отдельных его классов, социальных слоев и групп, в деятельности каждой личности проявляют свое действие одновременно разнопорядковые объективные законы. Опыт истории подтверждает, что общественные законы, будучи специфическими для общества, в тесном взаимопереплетении с общефилософскими закономерностями составляют его сущность. Все иные частонаучные законы, которые действуют в обществе, не составляют его сущности и играют в ней подчиненную роль. Они могут по своей природе приближаться в различной мере, то к общественным, то к философским закономерностям, не превращаясь, однако, ни в те, ни в другие. Отсюда ясно, что научная социальная информация представляет неразрывное единство философско-социальных знаний, которые адекватно отражают сущность общества, причем философские знания выступают здесь в целом ведущими по отношению к социальным знаниям. Безусловно, в научной социальной информации содержатся в святом виде необходимые элементы знаний о не специфических частонаучных законах, которые действуют в обществе и в иных сферах действительности. Однако указанные элементы знаний играют здесь побочную роль. Такова структура научной социальной информации по "вертикали". В связи с этим научную социальную информацию на определенном уровне можно называть научной философско-социальной информацией.

Изложенные соображения об объективной субординации различных элементов знаний, которые содержит научная философско-социальная информация, имеют большое значение для решения современных насущных вопросов.

Натуралистические концепции общества не исчезли целиком с возникновением исторического материализма. Исчезла лишь грубая форма их проявления. Но они продолжали возникать в других формах. При жизни В.И. Ленина они были одни¹⁴. В на-

¹⁴ См.: Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т.18, с.333-342.

стоящее время они проявляются в более уточненных формах, на пример, в форме утверждений о биосоциальной сущности человека и т.д.¹⁵

Каковы причины, которые порождают указанные натуралистические концепции? Бытие общества представляет собой сложное переплетение общественной формы движения материи со всеми другими формами ее движения. С развитием техники измерений усиливается внимание исследователей к изучению естественных проявлений бытия общества, в особенности его биологических аспектов. Ведь биологические законы вплетаются в живую ткань общества, без них невозможен ни один акт нашей деятельности как в масштабах общества, так и в пределах бытия отдельной личности. Исследователи получают многочисленную научную информацию о биологических проявлениях нашего бытия, особенно о наследственных задатках людей. Этой информацией они ошибочно подменяют научную социальную информацию. Такая подмена как раз и порождает выводы о биологической или биологизированной сущности человека. Концепции биосоциальной сущности человека кажутся соблазнительными для исследователей тем более, что биологические законы стоят б л и ж е к социальным, чем другие естественные законы (например, химические, физические), которые действуют в обществе, на что уже было указано Ф. Энгельсом¹⁶. Однако эта близость не настолько велика, чтобы совершился переход количества в качество: генетические законы остаются генетическими, а социальные социальными. Последние из них непосредственно составляют (хотя и не исчерпывают) сущность общества. Первые же хотя и действуют в обществе, тем не менее играют побочную роль по отношению к его сущности. Именно поэтому не могут быть плодотворными, как отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, попытки "перенесения понятий и методов естественных и технических наук на область общественных явлений"¹⁷, в частности, попытки объяснить такие качества людей, как честность, смелость, порядочность исключительно генетическими, а не соци-

¹⁵ См.: например, Наследование биологическое и социальное. - Коммунист, 1983, № 14, с. 104-111; М а л и н и н В. Конкретный историзм против абстрактного антропологизма. Коммунист, 1984, № 2, с. 65-74.

¹⁶ См.: М а р к с К. Э н г е л ь с Ф. Соч. т. 20, с. 558-571.

¹⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983, М., 1983, с. 34.

альными факторами.

То же с законами математики и кибернетики. Многие из них являются столь же всеобщими по сфере своего действия, как и законы диалектики. В силу этого они оказываются ближе к законам диалектики, чем другие частонаучные законы. Однако эта близость опять-таки не настолько велика, чтобы совершился переход количества в качество: социально-философские законы остаются социально-философскими, а указанные математические законы остаются математическими. Будучи всеобщими по сфере своего действия, они не являются всеобщими по своей существенности и поэтому не составляют сущность общества, играют по отношению к ней побочную роль, хотя, разумеется, и действуют в обществе. Отсюда ясно, что научная информация о действии этих (как и биологических) законов используется в научной социальной информации, но занимает в ней хотя важное, но все-таки вспомогательное положение.

Информация может быть адекватным отражением сущности общества, равно как и сущности отдельного человека лишь в том случае, если она выступает в качестве неразрывного единства философских и социальных (социально-политических, социально-экономических и т.д.) знаний, а также общенаучных и частонаучных знаний единства, в котором первые из указанных знаний являются в целом ведущими по отношению ко вторым.

ОБ УЧАСТИИ Я.К. РЕБАНЕ В ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДОВ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА НА ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК

Путь в науку члена-корр. АН ЭССР Я. Ребана был тесно связан с его работой по переводу, редактированию и изданию произведений классиков марксизма-ленинизма. Я.К. Ребана стал сотрудничать с Институтом истории партии при ЦК КПЭ по подготовке переводов произведений В.И. Ленина в 1951 году. Его ценным качеством был научный подход к проблемам, логическое мышление, углубленное отношение ко всем нюансам мыслей и хорошее владение языком. Я. Ребана было поручено ответственное задание - редактирование ранее опубликованного перевода произведения В.И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Как и в других произведениях классиков марксизма-ленинизма, так и в "Материализме и эмпириокритицизме" имеется большое количество специальных терминов и достаточно сложных, но предельно логических направлений мыслей. С другой стороны здесь же мы находим эмоциональность, убедительный способ выражения мыслей, полемичность. Оба эти момента - как научный, строгий, деловой язык, так и образность, эмоциональность изложения органически связаны между собой. В борьбе против своих идейных противников Ленин широко пользовался в этом произведении патетическим методом изложения, который нередко чередовался с иронией. В то же время мысли излагаются лаконично, рационально и экономно. Для передачи этих особенностей ленинского философского труда в переводе умело использованы как научные, так и образные выражения. И большой заслугой Я. Ребана явилась подготовка к изданию перевода, равноценного оригиналу. В 1952 году эстонский читатель получил возможность знакомиться на родном языке с произведением В.И. Ленина, навсегда вошедшим в сокровищницу научной философии, сыгравшим основополагающую роль в разработке теоретических основ марксистской партии нового типа. Эстонскому читателю стало доступным классическое определение материи. Учащаяся молодежь, пропагандисты и все работники идеологического фронта получили возможность на родном языке знакомиться с учением о диалектике абсолютной и относительной истины, об

объективной истине. В этом — заслуга Я. Ребане.

По заданию Института истории партии Я. Ребане перевел и подготовил к изданию и другое важнейшее философское произведение В.И. Ленина — "Философские тетради". Подготовка перевода "Философских тетрадей" потребовала от Я. Ребане напряженной работы. В тексте "Философских тетрадей" собственные положения В.И. Ленина тесно переплетаются с выписками из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса Г.В.Ф. Гегеля, Л.Фейербаха и других авторов. Цитаты же следовало переводить с языка оригинала (в большинстве своем с немецкого языка). Требовалось решить и большое количество терминологических проблем, вводить по необходимости новые термины. Нередко приходилось конспективные фрагменты анализировать в более широком контексте с оригиналом произведений. К содержательным проблемам прибавлялись и технические трудности, заключавшиеся в сложности набора текста. Более доступным пользованию "Философскими тетрадями" делали приведенные в конце примечания, список литературы, именной и предметный указатели. С выходом в 1964 году "Философских тетрадей" были созданы необходимые предпосылки для доведения идейного богатства этого произведения до широких масс эстонского читателя.

Подготовка переводов произведений основателя Советского государства не ограничилась только философскими произведениями. Под редакцией Я. Ребане вышли также 23, 29 и 33-й тома произведений В.И. Ленина. Он принял участие и в переводе других томов Собрания сочинений В.И. Ленина.

Я.К. Ребане принадлежит также перевод первой части 7-го издания резолюций и решений КПСС (1956 г.). Им подготовлен перевод на эстонский язык сборника "Воспоминания о Марксе и Энгельсе" (вышел в 1961 г.). Тем самым эстонскому читателю стали теперь доступными воспоминания об основоположниках научного коммунизма их учеников и соратников П. Лафарга, В. Либкнехта, Ф. Лесснера, А. Бебеля и др., а также близких Маркса.

Работа Я. Ребане в Институте истории партии не ограничивалась выполнением заданий по переводу и редактированию. Активное участие он принимал и в общественной деятельности. Коллектив Института доверил ему ответственное поручение — отвечать за повышение идейно-теоретического уровня сотрудников в системе партийного просвещения.

Приобретенный в Институте опыт по переводу и редактированию Я. Ребане использовал в дальнейшем в подготовке к из-

дания в издательствах республики различных переводных произведений, в написании собственных научных трудов. Все они отличаются строгой логичностью, точностью выражений, хорошим языком.

С переходом Я. Ребана на работу в Тартуский государственный университет его связи с Институтом истории партии не прервались. На республиканской научной конференции, посвященной 165-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти К. Маркса он выступил с содержательным докладом "К. Маркс и методологическое значение общественных наук".

Институт истории партии и издательство "Ээсти Раамат" приступили к подготовке издания перевода на эстонский язык Полного собрания сочинений В.И. Ленина. Институт истории партии и издательство надеются, что Я. Ребана примет активное участие в этой большой и ответственной работе.

Коллектив Института истории партии при ЦК КПЭ желает юбиляру — профессору Яну Карловичу Ребана творческих успехов, активного участия в общественной жизни, крепкого здоровья.

Директор Института истории партии при ЦК КПЭ

А. Панксеев

Зав. сектором переводов произведений классиков

марксизма-ленинизма

Е. Ормяэ

СПИСОК ТРУДОВ Я.К. РЕБАНЕ
(Материалы к библиографии)

Составитель Н.А. Кивимаа

I

1949

1. О коммунистической морали. - Большевик Эстонии, 1949, № 21.
2. Kommunistlikust moraalist. - Eesti Bolševik, 1949, nr.21, lk.24-38.

1950

3. Наша цель - коммунизм. - Большевик Эстонии, 1950, № 20.
4. Meie eesmärk on kommunism. - Eesti Bolševik, 1950, nr.20, lk.14-28.

1951

5. Метод и стиль ленинизма. - Большевик Эстонии, 1951, № 2.
6. Leninismi meetod ja stiil. - Eesti Bolševik, 1951, nr.2, lk.48-60.

1954

7. Полезная книга для изучающих марксистскую философию. - Коммунист Эстонии, 1954, № 12, с. 62-67.
8. Kasulik raamat marksistliku filosoofia õppijatele. - Eesti Kommunist, 1954, nr.12, lk.57-62.

1955

9. Двадцать девятый том Сочинений В.И. Ленина на эстонском языке. - Коммунист Эстонии, 1955, № 4, с. 23-34.
10. V.I.Lenini Teoste 29. köide eesti keeles. - Eesti Kommunist, 1955, nr.4, lk.21-31.

1961

11. К вопросу об отражении объективной действительности в логической структуре мышления. - Ученые записки ТГУ, 1961, вып. III, с. 3-27.
12. Tema õpetus on võitmatu. K.Marxi 143.sünni-aastapäeva puhul. - Noorte Hääl, 1961, 5.mai.

1962

13. Диалектические и формально-логические противоречия. - Ученые записки ТГУ, 1962, вып. 124, с. 10-24.
14. Miks on vajalik dialektiline loogika? - Nõukogude Kool, 1962, nr.4, lk.246-254; nr.5, lk.330-342.

1963

15. Роль диалектической логики в связи с социальной природой познания. - Дис. ... канд. филос. наук. 1963. (Рукопись).
16. Роль диалектической логики в связи с социальной природой мышления. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тарту, 1963. 22 с. (АН СССР. Ин-т философии). Ротапринт.
17. Mis on dialektiline loogika. Tallinn, 1963. 163 lk.

1964

18. Социальная природа познания и гносеологические корни идеализма. - Выступление на Всесоюзном совещании по коренным проблемам философии. 1964. (Рукопись).
19. Выступление на конференции по логике и методологии науки в г. Томске. Краткое изложение в: Вопросы философии, 1964, № 8, с. 164.
20. Eesti NSV Entsüklopeedia märksõnastik. Filosoofia: Projekt/ Koost.: T.Loit, J.Rebane, L.Valt. Tallinn, 1964.
21. V.I.Lenini "Filosoofilised vihikud" eesti keeles. - Eesti Kommunist, 1964, nr.6, lk.17-26.

1965

22. O gnoseoloogilistest juurtest idealismi. - Ученые записки ТГУ, 1965, вып. 165, с. 3-18.
23. O metateoreetilise rolli diallektil. - Выступление на Всесоюзной конференции по логике в Киеве, 1965. (Рукопись).
24. O struktuurilise protsessi teadmise. - Доклад на республиканской конференции по общественным наукам 26.V. 1965 г. (Рукопись).
25. Meelilise tegelikkuse peegeldusest. - In: Matera ja teadvus. Tallinn, 1965, lk.110-158.
26. Idealistliku filosoofia gnoseoloogilistest juurtest. - Ibid., lk.159-190.
27. Arvestada inimese sotsiaalset olemust. (Inimkonna saatuses tulevikus.) - Edasi, 1965, 27.veebr.
28. Tähtis samm marksismi kujunemises. (K.Marxi ja F.Engelsi raamat "Püha perekond..."). - Rahva Hääl, 1965, 28.veebr.

1966

29. O некоторых принципах подхода к анализу общественной информации. - Ученые записки ТГУ, 1966, вып. 187, с. 3-12.
30. Социальная природа познания и гносеологические корни идеализма. - Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966, с. 115-123.
31. М. Макаров. Категории материалистической диалектики. - (Рецензия, соавтор.) - Вопросы философии, 1966, 8.
32. Марксистская философия и идейно-теоретическая подготовка кадров (в ТГУ). - Советская Эстония, 1966, 17 июня.
33. Religioon kui ühiskondlik nähtus. - Edasi, 1966, 6.okt., 9.dets.

1967

34. Социальная психология в свете истории. - Вопросы философии, 1967, №7, с. 156-159. (Рецензия, соавтор.).
35. Tunnetuse ühiskondlikust iseloomust. - Tallinn, 1967, 126 lk.
36. Järeldused. - In: Leontjev, A. Inimese keel ja mõtlemine. Tallinn, 1967, lk.113-117.

37. Inimesed ja automaadid. (Rets.: Agur, U. Inimesed ja automaadid, Tallinn, 1966)/Kaasautor H. Õiglane/ - Sirp ja Vasar, 1967, 3.veebr.
38. Keele seosest mõtlemise loogikaga. Ühest keelefilosoofilisest hüpoteesist. - Keel ja Kirjandus, 1967, nr.4, lk. 202-210.
39. Looming ja ühiskondlik informatsioon. - Noorte maail, 1967, 26.veebr.

1968

40. О влиянии языка на категориальную структуру мышления. - Ученые записки ТГУ, Вып.212, 1968, с.154-164.
41. Ajalooline ja loogiline; aktsidents; antinoomia; antroposoofia; aposterioorne; apriorne; argument; dialektiline loogika; determinism. - ENE, 1.kd., 1968.

1969

42. К. Маркс и Ф. Энгельс о социальной сущности познания. - Ученые записки ТГУ, Вып.241, 1969, с. 3-27.
43. Информация как магрирующая структура. - Ученые записки ТГУ, Вып.225, 1969, с. 14-33.

1970

44. О социальной детерминации познания. - Диссертация на соискание ученой степени доктора филос. наук. 1970. (Рукопись).
45. О социальной детерминации познания. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1970. 59 с. (АН СССР. Ин-т философии). (Ротапринт).
46. Марксистская гносеология, междисциплинарные связи и социология знания. М., 1970. II с. (Сов. социол. ассоц. Сов. оргком. по подготовке VII междунар. социол. конгресса. Варна 1970). (Ротапринт).
47. Filosoofia; empiriline tunnetus; empirism; enesetunnetus; fenomen; fenomenalism; "Filosoofilised vihikud"; formaliseerimine. - ENE, 2.kd., 1970.
48. Informatsioon ja ühiskondlik tunnetus. - In: Ajalooline materialism. Tallinn, 1970, lk. 7-79.

49. Meelelisest tegelikkusepeegeldusest. - Ibid., lk.121-167.
50. V.I.Lenin marksistliku gnoseoloogia ülesannetest. - In: V.I.Lenini 100.sünniaastapäevale pühendatud vabariikliku teadusliku konverentsi teesid. Tallinn, 1970, lk.68-70.
51. Leninlik peegeldusteooria ja tänapäeva loodusteadus. - Eesti Loodus, 1970, nr.4, lk.197-201.
52. "Tark individ" ja ühiskondlik tunnetus. - Horisont, 1970, nr.8, lk.31-38.
53. Tõnis ja Aristoteles. - Ibid., nr.9, lk.25-31.
54. Sotsiaalne mälu. (Tunnetuse ühiskondlikust iseloomust.)- Ibid., 12, lk.46-50.
55. Tõsine uurimus luterluse kohta. (Rets.: Vimmsaare, K.Luterlus enne ja nüüd. Tallinn., 1969.)/Kaasautor L.Valt/- Eesti Kommunist, 1970, nr.5, lk.87-90.
56. V.I.Lenini ideed ja tunnetuse sotsiaalne olemus. - Rahva Hääl, 1970, 4. veebr.
57. Leninlik peegeldusteooria ja kaasaeg. - Rahva Hääl, 1970, 18. juuni.

1971

58. О биологических предпосылках "социальной памяти". - Ученые записки ТГУ, 1971, вып. 273, с. 31-70.
59. "Надорганическое" и некоторые современные схемы преемственности биологического и социально-культурного. - Ученые записки ТГУ, 1971, вып. 273, с. 205-229.
60. Ф. Энгельс и некоторые проблемы марксистской теории познания. - Доклад на научной сессии Института истории партии при ЦК КПЭ, 24 февр. 1971. (Рукопись).
61. Выступление председателя секции: Проблема мировоззрения личности. - Материалы конф. "Коммунистическое воспитание студенчества". Тарту, 1971, ч. 2, с. 166-167.
62. Hieroglüüfide teooria; hülosoism; informatsioon; instrumentalism; interpretatsioon. - ENE, 3 kd., 1971.
63. Inimlik sotsiaalsus ja loomariik. - Horisont, 1971, nr.3, lk.40-45.
64. On loogika-eelne mõtlemine võimalik? - Ibid., nr.8, lk.45-50; nr.10, lk.31-36.

65. *Urvida ja arvestada... (Tunnetuse sotsiaalsest determinatsioonist marksistlikus filosoofias. Vestlus.)/Üles kirjut. J.Kivi. Fotoga./ - Noorte Nää!, 1971, 17.sept.*

1972

66. О буржуазной социологии знания: Тезисы докл. на теоретическом семинаре работников кафедр философии республики и сотрудников АН ЭССР, Тарту, декабрь 1972.
67. О соотношении биологического и социального в познании. - Коммунист Эстонии, 1972, № 7, с. 76-90. (см. то же 69).
68. Kodeerimine; kvaliteet; kvantiteet; kvantiteedi kvaliteediks ülemineku seadus; loogika; loogiline semantika; loogiline süntaks. - ENE, 4. kd., 1972.
69. Bioloogilise ja sotsiaalse vahekorra inimtunnetuses. - Eesti Kommunist, 1972, nr.7, lk.68-80. (Vt. ka 67).
70. Keel ja mõtlemine. - Horisont, 1972, nr.1., lk.8-10; nr.4, lk.29-32.
71. Teaduse ja tehnika revolutsioon ning inimteadmiste ühtsus. - Looming, 1972, nr.9, lk.1521-1529.

1973

72. О связи материалистического понимания истории и теории познания. - Труды Таллинского политехн. ин-та, 1973, вып. 34I. Серия философии, с. 65-82.
73. О комплексном изучении социальной детерминации познания. - Социальная природа познания: Материалы к Всесоюз. симпозиуму. М., 1973, с. 70-102.
74. Онтология и синтез знаний. - Тезисы для заседания гносеологического семинара Проблемного совета по материалистической диалектике МВ и ССО РСФСР, Ленинград, январь 1973. (Рукопись).
75. Вопросы теории познания в кривом зеркале "технологического детерминизма". - Коммунист Эстонии, 1973, № 12, с. 38-50. (См. то же 77).
76. Materialism; meeleline tunnetus; metakeel; metaloogika; metateooria; mina; Moleschott, J.; moodus; mõõt; neopositivism; noumenon; objekt ja subjekt; olemine; operatsioonism. - ENE, 5. kd., 1973.

77. Tunnetusteooria küsimusi "tehnoloogilise determinismi" kõverpeeglis. - Eesti Kommunist, 1973, nr.12, lk.34-44. (Vt. ka 75).

1974

78. О некоторых методологических принципах оценки буржуазной "социологии знания". - Ученые записки ТГУ, 1974, вып. 324, с. 197-212.
79. Философско-методологические проблемы изучения социальной детерминации познания. Рукопись.
80. Об определении понятия "мировоззрение". - В кн.: Формирование мировоззренческих представлений студенчества. Материалы симпозиума. (Кяэрику, 1973). Тарту, 1974. с.247-249.
81. О месте понятия "культура" в марксистско-ленинской философии. - Доклад на республиканском теоретико-методическом семинаре кафедр философии. Тарту, февраль 1974. (Рукопись).
82. О развитии философской мысли в Советской Эстонии. (В соавторстве с Л.О. Вальтом). - Вопросы философии, 1974, № 6, с. 64-75.
83. Сочетание преподавательской и научно-исследовательской работы. - Вопросы философии, 1974, № 2, с. 90-92.
84. Peegeldus; Peirce, C.S.; pluralism; positivism; pragmatism; ratsionalism; relativism. - ENE, 6.kd., 1974.

1975

85. Роль марксистской философии в современной идеологической борьбе. - Коммунист Эстонии, 1975, № 9, с. 60-73. (См. то же 88).
86. Sekundaarsed kvaliteetid; semantika; semiootika; sensualism; termin. - ENE, 7.kd., 1975.
87. Inimeste juhatamine ja käitumine. - In: De Gustibus. Tartu, 1975, lk.11-14.
88. Marksistliku filosoofia osa kaasaja ideoloogilises võitluses. - Eesti Kommunist, 1975, nr.9, lk.50-62. (Vt. ka 85.)
89. Inimene ja kaasaja filosoofia. - Rahva Hääl, 1975, 15. jaan

90. Majanduskonverentsil Jugoslaavias. (Teema "Koostöö ja vastastikune sõltuvus nüüdismaailmas".)/Kaasautor H.Metsa./ - Edasi, 1975, 30.juuli. (Vt. ka 85).

1976

91. Объективность истины и современный теоретико-познавательный релятивизм. - Коммунист Эстонии, 1976, № 9, с.53-65. (См.то же 93).
92. Tunnetus; tunnetusteooria; tõde; verifitseerimine; Wittgenstein, L.; vulgaarmaterialism; vulgaarsotsioloogia; ühiskondlik olemine; ühiskondlik teadvus. - ENE, 8.kd., 1976.
93. Tõe objektiivsus ja kaasaegne tunnetusteoreetiline rелятивизм. - Eesti Kommunist, 1976, nr.9, lk.46-56. (Vt. ka 91.).
94. Ühiskonnateaduste kateedrite juhatajate üleliiduline nõupidamine (21.-23.sept.1976 Moskvas). - TRÜ, 1976, 8.okt.

1977

95. Задачи преподавания марксистской философии на современном этапе: Доклад на секции философии. - XXV съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений. Москва, 21-23 сент., 1976. М.: Изд-во МГУ, 1977.
96. Концепция научных революций Т. Куна и релятивизм. - Ученые записки ТГУ, 1977, вып. 404, с. 50-61.
97. О комплексном изучении процессов управления. - В кн.: Психологические концепции совершенствования управления производственной организацией: Материалы симпоз. Тарту, 1977, с. 110-114.
98. Методологические принципы изучения социальной детерминации сознания. - Социально-профессиональная ориентация молодежи и коммунистическое воспитание в вузе: Материалы симпоз. Тарту, 1977, с. 43-60.
99. Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5, с. 94-104.
100. Социальная детерминация научного познания. (Рукопись, хранится в Ин-те философии АН СССР. Размножена на ротапринтере в Ин-те философии АН СССР. 1977.

101. Marxism and humanism. - In: Co-operation and Interdependence in the Modern World. Proceedings of the Sixth International Conference "Science and Society." June 28 - July, 1975, Dubrovnik, Yugoslavia. Beograd, 1977.
102. Filosoofia arengust Nõukogude Eestis. - In: Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni 60.aastapäevale pühendatud teadusliku konverentsi ettekannete teesid. Tallinn, 1977, lk.31-50.
103. Informatsioon ja ühiskondlik tunnetus. - In: Ajalooline materialism. Tallinn, 1977, lk.7-111.
104. Filosoofia ja nüüdisaja maailm. - Nõukogude Eesti Tegevishoid, 1977, nr.5,
105. Рец.: Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976. (В соавтор. с Э.Н. Лооне). - Вопросы философии, 1978, № 2, с. 171-174.
106. Современные глобальные проблемы и марксистская философия. - Коммунист Эстония, 1978, № 12, с. 34-45. (См.то же 108).
107. The principle of social memory. Доклад на XVI Всемирном конгрессе философов. Дюссельдорф, ФРГ, 27 авг.- 2 сент. 1978.
108. Nüüdisaja globaalsed probleemid ja marksistlik filosoofia. - Eesti Kommunist, 1978, nr.12, lk.36-46. (Vt. ka 106.).

1979

109. Некоторые проблемы комплексного изучения социальной детерминации познания. - В кн.: Социальная природа познания. М., 1979, с. 72-89.
110. Проблемы комплексного анализа социальных явлений. - В кн.: Методологические проблемы общественных наук. М., 1979, с. 102-107.
111. Рец.: Э.С. Маркарян. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван, 1977. - Философские науки, 1979, № 4, с. 142-146.
112. Формируя коммунистическое мировоззрение. - Советская Эстония, 1979, 8, 10 янв.
113. Social determination of the subject of knowledge. - In: 6 th International congress of logic, methodology and philosophy of science. Hannover August 22 - August 29, 1979:Abstracts. Sections 10,11,12, p.112-116.

114. Inimesekäsitusest marksistlikus filosoofias. - In: Teadus ja tänapäev. Tallinn, 1979, lk.265-267.
115. Teadlase moraalne vastutus. - In: Teaduse metodoloogia. Tallinn, 1979, lk. 242-261.
116. Teaduskeel. - Ibid., lk.62-83.
117. Teadusliku tunnetuse sotsiaalse aspekti käsitlustest nüüdisaja lääne teadusfilosoofias. - In: Teaduslugu ja nüüdisaeg. Tallinn, 1979, lk. 213-222.
118. Suurema efektiivsuse suunas. - Edasi, 1979, 19. juuli.

1980

119. Значение ленинского понимания основного вопроса философии в современности. - Идейное наследие В.И. Ленина и современность: Тезисы научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В.И. Ленина. Тарту, 1980.
120. Информационен аспект на социалната детерминация на познанието. - Философска мисъл, София, 1980, кн. 4, с. 47-57.
121. К критике гносеологических основ англо-американской философии права /В соавторстве с /,И.Грязиным/. - Право и борьба идей в современном мире: Критика современных буржуазных концепций права. Материалы научной конференции. М., 1980. с. 48-53.
122. Социальная детерминация познания: комплексная проблема исследования. - Общественные науки, 1980, № 4, с. 102-115.
123. Философское наследие В.И. Ленина и современность. - Советская Эстония, 1980, 17 апр.
124. Some problems involved in a comprehensive approach to social determination of knowledge. - Ajatus, N 38, Helsinki, 1980, p.176-200.
125. V.I.Lenini 110.sünnipäeva rubriigis ENSV TA korrespondentliikme, TRÜ filosoofiakateedri juhataja professor J.Rebase vastused kolmele esitatud küsimusele. Fotoga. - Edasi, 1980, 26.märts.
126. Marksistlik tunnetusteooria ja materialistliku ühiskonnakäsituse seos: Ettekanne ENSV 40.aastapäevale pühendatud vabariiklikul sessioonil "1940. aasta sotsialistlik revolutsioon ja Nõukogude Eesti areng kaasajal" 18. VI 1980.a. Tallinnas. (Käsikiri).

127. Социальная детерминация научного познания. Единство и многообразие мира. - Тезисы выступлений к III Всесоюзному совещанию по философским вопросам естествознания. М., 1981, с. 3-7.
128. Märkmeid teadusliku tunnetuse sotsiaalse determinatsiooni kohta. - Looming, 1981, nr.3, lk.400-408.
129. Rahvamajanduse ainuvõimalik arengutee. (NLKP XXVI kongress.) - Edasi, 1981, 25.märts.
130. Rahvamajanduse intensiivistamise põhiteedest. - Edasi, 1981, 9.aprill.
131. Koos ühiskonnateadlastega. NLKP XXVI kongressi otsuste järel. - TRÜ, 1981, 10.aprill.

132. XXVI съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. - Тезисы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений. Москва, 14-16 окт., 1981. М., 1982, с. 50-53.
133. Ответственность как предмет комплексного исследования. - Ученые записки ТГУ, 1982, вып. 609, с. 9-30.
134. Предисловие. - Там же, с. 2-8.
135. Социально-историческая детерминация развития научного познания. - В кн.: Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1982, т. 2. Диалектика развития научного знания, с. 51-77.
136. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. - Вопросы философии, 1982, № 8, с. 44-55.
137. Научно-исследовательская работа на кафедре философии Тартуского государственного университета. - Философские науки, 1982, № 5, с. 21-33.
138. Принцип социальной памяти как способ комплексного изучения социальной детерминации познания. - Доклад на научной конференции "Социальная детерминация познания" 30 ноября 1982 г. в Тарту. (Рукопись).
139. Всегда на передовой. Наши юбиары. Ректору ТГУ А. Коопу - 60. - Советская Эстония, 1982, 16 июля.
140. Kategoria "pamięci społecznej". - Człowiek i światopogląd, Warszawa, 1982, N 1-2, с.100-109.

1983

141. Социальная детерминация научного познания. - В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке. М., 1983, т. I. Диалектика, мировоззрение и методология современного естествознания, с. 241-247.
142. Действенность печатного слова. - Советская Эстония, 1983, 5 мая.
143. Karl Marx kui teadusliku ühiskonnakäsituse rajaja. - Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused, 1983, 32/4, lk.347-354.
144. Õpetada tänapäeva tasemel. - Edasi, 1983, 7.juuli.

1984

145. Опыт исследования социальной ответственности. - Общественные науки, 1984, № 2, с. 33-44.
146. Ответственные задачи вузовских обществоведов. - Коммунист Эстонии, 1984, № I, с. 17-22. (См.то же 147).
147. Kõrgkooli ühiskonnateadlaste vastutusrikkad ülesanded.- Eesti Kommunist, 1984, nr.1, lk.16-20. (Vt. ka 146.).
148. Обзор философских исследований в ЭССР за период 1970-1984 гг. (Соавтор, редактор). 64 с. (Рукопись).

В ближайшее время должны выйти 2 монографии Н.К. Ребане: "Основные проблемы теории познания" (15,0 а.л.) и "Социальная память" (10,0 а.л.).

ж

ж

ж

Заведующий кафедрой философии, д.ф.н., профессор Н.К. Ребане в течение ряда лет был членом общественного совета по марксистско-ленинской литературе издательства "Ээсти Раамат". Он оказывал большую помощь редакции в выборе и планировании философской литературы. По данным издательства, он отредактировал около 150,0 а.л., перевел свыше 200,0 а.л. и прорецензировал около 150,0 а.л. Ему принадлежит большая заслуга в разработке философской терминологии на эстонском языке.

В 1961 году Н.К. Ребане начал сотрудничать в Институте

истории партии при ЦК КП Эстонии по переводу произведений
В.И. Ленина и документов КПСС.

Им отредактированы и переведены на эстонский язык:

Книга вышла
на эстонском
языке:

1. Воспоминания о Марксе и Энгельсе.	1961
2. Ленин В.И. Соч. 4-е изд., т. 38.	1964

- отредактированы и частично переведены:

3. Ленин В.И. Соч., т. 14.	1959
4. Ленин В.И. Соч., т. 23.	1953
5. Ленин В.И. Соч., т. 29.	1954
6. Ленин В.И. Соч., т. 33.	1955
7. Коммунистическая партия Советского Союза
в резолюциях и решениях съездов, конферен-
ций и пленумов ЦК. Часть I (1898-1924).	1956

- частично переведены:

8. Ленин В.И. Соч., т. 27.	1955
9. Ленин В.И. Соч., т. 28.	1955
10. Ленин В.И. Соч., т. 31.	1955
11. Владимир Ильич Ленин. Биография.
М., 1960. (гл. У-ХIV).	1961
12. Ленин В.И. Соч., т. 39.	1964

Из философской литературы им отредактированы
и частично переведены:

13. Основы марксистско-ленинской философии.
Учебник для вузов. (Перевод I части).	1959

- переведены:

14. Яхот О.В. Необходимость и случайность.
М., 1956. (56 с.).	1956
15. Уемов А.И. Что такое материя и каково ее
строение. М., 1956. (76 с.).	1957
16. Политический словарь. 2-е изд. М., 1958.
(Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л. - 14,0 а.л.).	1959

17. Наука и религия. М., 1957.
(частично, 5,0 а.л.). 1959
18. Основы марксизма-ленинизма. М., 1959.
Введение, I-III и V гл./ 1960
19. Основы марксистско-ленинской эстетики.
М., 1960. (частично, 7,0 а.л.). 1961
20. Кедров Б.М. Как изучать книгу В.И. Ленина
"Материализм и эмпириокритицизм"? М., 1961. 1962
21. Основы марксистской философии. Учебник.
М., 1962. (частично, 7,04 а.л.). 1963
22. Философский словарь. М., 1963.
(частично, 5,0 а.л.). 1965
23. Горячева А. Общественная психология. 67 с. 1966
24. Спиркин А.Г. Курс марксистской философии.
М., 1964. (частично, 17,0 а.л.). 1966
25. Леонтьев А. Язык и разум человека. М., 1965. 1967
26. Начальный курс философии. М., 1966.
(частично, гл. I-XI). 1967
27. Сидоров М. Как человек стал мыслить.
М., 1965. 1967
28. Основы научного коммунизма. 2-е изд.
М., 1967. 1968
29. Афанасьев В. Основы философских знаний.
М., 1972. (частично, гл. I-VI). 1973
30. Диалектический и исторический материализм
(Для системы парт. учебн). М., 1972. 1974
31. Краткий очерк истории философии. 2-е изд.
М., 1969. (перевод I-XIX гл.). 1974
32. Герасимов И.Г. Научное исследование.
М., 1972. (частично, 9,0 а.л.). 1975
33. Уёмов А.И. Логические ошибки. Как они
мешают правильно мыслить. М., 1958. (115 с.). 1960

Недавно Я.К.Ребане закончил редактирование "Философского словаря" (53,0 а.л.).

Хорошо владея словом, обладая глубокими знаниями, как интересный собеседник проф.Я.К.Ребане в роли пропагандиста марксистской философии и актуальных партийно-политических знаний, начиная с 1966 г. неоднократно принимал участие во многих сериях передач Эстонского телевидения. Назовем из них:

- "Трибуна ученых" - 1966-1968 гг.
- "Картина мира" - 1981 г.
- "Стиль хозяйствования" - 1983 г.
- "Пропагандистам" - 1983 г.
- "Человек и общество" - 1984 г.

Свыше десяти лет, в общей сложности более чем в ста передачах серий "Просто о сложном" и "Теория и современность" Эстонского радио Я.К.Ребане является желанным и высоко ценимым их участником.

Авторы

- Г.А.Брутян – академик АН Армянской ССР, академик-секретарь
Отделения общественных наук и искусства АН Армянской ССР
- И.С.Нарский – доктор филос.н., профессор кафедры марксист-
ско-ленинской философии АОН при ЦК КПСС
- Д.И.Дубровский – доктор филос.н., профессор, зав. отдела
журнала "Философские науки"
- Л.Н.Столович – доктор филос.н., профессор кафедры философии
Тартуского гос. университета
- Р.А.Вихалемм – кандидат филос.н., доцент кафедры философии
Тартуского гос. университета
- В.А.Колеватов – кандидат филос.н., доцент, г.Новосибирск
- А.А.Порк – кандидат филос.н., ст.научный сотрудник сектора
философии Института истории АН ЭССР
- В.В.Зибен – кандидат пед.наук, доцент кафедры философии Тар-
туского гос. университета
- А.М.Аарелайд-Тарт – кандидат филос.н., научный сотрудник
Института истории АН ЭССР
- Ю.Н.Чертин – кандидат филос.н., старший преподаватель кафед-
ры философии Тартуского гос. университета
- И.Н.Грязин – кандидат юрид.н., доцент кафедры философии Тар-
туского гос. университета
- А.С.Уйбо – кандидат филос.н., научный сотрудник Института
истории АН ЭССР
- И.П.Ващекин – кандидат филос.н., доцент, г.Брянск
- Ч.М.Дмитриенко – доктор филос.н., профессор, зав.кафедрой
философии Брянского технологического института

Содержание

В.В. Зибен, И.Н. Грязин. О методологическом значении принципа социальной памяти.....	3
Г.А. Брутян. Об одной некорректной экстраполяции.....	6
И.С. Нарский. Об эпистемологических корнях догматического пессимизма в философии науки (К вопросу об извращениях путей формирования научной "социальной памяти").....	13
Д.И. Дубровский. Субъективная реальность (ее онтологический статус и специфика как объекта научного исследования)	20
Л.Н. Столович. Роль фотографии в трансляции, фиксации и создании ценностей.....	29
Р.А. Вихалеми. Социальная память и проблема парадигмальности науки.....	38
В.А. Колеватов. Изобразительная модель в научном исследовании и конструировании (К проблеме опредмечивания знания).....	55
А.А. Порк. Историческое объяснение, "конкуренция" причин и концепция социальной памяти.....	71
В.В. Зибен. Социально-историческая детерминация и мировоззренческая функциональность "учебного" знания..	85
А.М. Аарелайд-Тарт. К проблеме человеческого времени...	99
Ю.Н. Чертин. Человек в различных типах социальности: к постановке проблемы.....	114
И.Н. Грязин. Натуралистическая модель юридической теории в современной концепции естественного права...	125
А.С. Уйбо. Буржуазный объективизм и проблема объективности исторического познания.....	141
Н.П. Ващенко, Н.М. Дмитриенко. Научная информация и социальная деятельность.....	156
П р и л о ж е н и е	
Об участии Я.К.Ребане в подготовке переводов классиков марксизма-ленинизма на эстонский язык...	
(А. Панкеев, Е. Оргмяе).....	167
Список трудов Я.К. Ребане (Материалы к библиографии). Составитель Ы.А. Кивимаа	170

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 695.
ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ.
Труды по философии.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Вликооли, 18.
Ответственный редактор Л. Столович.
Подписано к печати 29.II. 1984.
№В 10566.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машиннопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 10,45.
Печатных листов II,75.
Тираж 400.
Заказ № II25.
Цена I руб. 60 коп.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.